

ВАЛЕРИЙ ЛОНСКОЙ

**ПОДАРОК
ОТ
НЕИЗВЕСТ
НОГО**

р о м а н

МОСКВА
БОСЛЕН

УДК 882-31
ББК 84(2Рос=Рус)6
Л76

Художественное оформление
Артемия Лебедева

Лонской В.
Л 76 Подарок от неизвестного: Роман / Валерий Лонской — М. :
ООО «Бослен», 2012. — 240 с.

ISBN 978-5-91187-177-2

Писатель и кинорежиссер Валерий Лонской не нуждается в рекомендациях. Его книги и фильмы известны широкому кругу читателей и зрителей.
«Подарок от неизвестного» – новый роман Валерия Лонского; в нем переплелись реальность российской жизни и элементы фантастики, которые позволяют увидеть эту самую реальность под другим углом зрения. Сотрудник одной из столичных фирм, успешный экономист, накануне Нового года получает необычный подарок от неизвестного лица. С появлением этого подарка жизнь героя романа в корне меняется, она утрачивает свой привычный ход и приобретает драматический и часто абсурдный характер. Герой оказывается в центре неожиданных событий, противостояние которым стоит ему немалых сил...

УДК 882-31
ББК 84(2Рос=Рус)6

Запрещается полное или частичное использование
и воспроизведение текста и иллюстраций в любых формах
без письменного разрешения праволадельца

ISBN 978-5-91187-177-2

© Лонской В., 2012
© Оформление. ООО «Бослен», 2012

«...Но что страннее, что непонятнее всего, — это то, как авторы могут брать подобные сюжеты. Признаюсь, это уж совсем непостижимо, это точно... нет, нет, совсем не понимаю. Во-первых, пользы отечеству решительно никакой; во-вторых... но и во-вторых тоже нет пользы...

...А всё, однакоже, как поразмыслишь, во всем этом, право, есть что-то. Кто что ни говори, а подобные происшествия бывают на свете, — редко, но бывают».

Н. ГОГОЛЬ
«НОС»

Когда пароход идет ко дну, что испытывает пассажир, не успевший покинуть каюту и выбраться на палубу? О чем он думает? Как встречает смерть? Эта мысль неоднократно возникала в голове Воскобойникова. И не только в минуты отчаяния, когда его чувства, как ему казалось, были схожи с чувствами того самого пассажира, облик которого неясно маячил в сознании. Это случалось и в благостные минуты, когда ничто не омрачало его настроения и думалось о чем-то весьма приятном: о встрече с желанной женщиной, к примеру, или об изысканной еде, которую ему предстояло вкушать на званом ужине, или о благоприятном завершении какого-либо важного дела, которое поначалу не обещало успеха. Мысль о пассажире, идущем ко дну вместе с пароходом, которому предстоят последние мучительные минуты, возникала в самые разные моменты жизни, и он не мог себе ответить, что же служит толчком для ее появления. Он вдруг вспоминал без всякого повода об этом неизвестном ему пассажире, который мог оказаться в минуты катастрофы

на пароме в водах Балтийского моря, или на пароходе «Адмирал Нахимов», затонувшем под Новороссийском, или где-либо еще... И, в зависимости от своего состояния, Воскобойников либо мучился, остро воспринимая участь несчастного, либо, когда находился в хорошем расположении духа, думал о нем и его страданиях отстраненно, как о театральном персонаже, чья смерть волнует гипотетически, поскольку является выдумкой автора пьесы.

Воскобойников ни с кем из тех, кому доверял, не делился своими думами на эту тему, не рассказывал о том, что мысль о драме неведомого ему пассажира нет-нет да будоражит его, являясь в сознании с неясной целью. Объяснить собеседнику это было бы трудно.

Шли годы. Он окончил институт. Женился. Женился по нашему времени поздно — в двадцать семь. Женой его стала хваткая, уверенная в себе, эффектная блондинка по имени Таня, носившая непривычную для русского уха фамилию — Шультайс. Видимо, имелись у нее, москвички, в роду прибалтийские предки, от которых и досталась ей в наследство эта фамилия. То ли предки эти дошли до русских поселений и там осели, то ли русские бабы добрались до их литовских сел и хуторов, и уж дети этих баб — по своей ли воле, или по воле обстоятельств — двинулись в обратном направлении. Влюбленному Воскобойникову казалось, что шелестит легкий ветерок в траве, когда произносили вслух фамилию жены: Шультайсс... Жена оказалась особой весьма деятельной. Ни минуты не могла посидеть праздну. То суетилась на кухне, что-то там резала, жарила, варила, перемещаясь в кухонном пространстве с ловкостью балерины, успевая при этом еще говорить по мо-

бильному телефону; то затевала стирку и ходила с видом ищейки по комнатам, соображая, что бы еще такое засунуть в пасть стиральной машины (однажды она единым махом стянула с Воскобойникова, лежавшего на диване, джинсы; тот и охнуть не успел, как они уже крутились в металлическом чреве прожорливого «монстра»); то бросалась наводить порядок в комнатах, убирая вещи Воскобойникова в отдаленные места, протирая мебель влажной тряпкой, перевешивая на свой лад (в зависимости от настроения) фотографии и картинки на стенах, перекладывая книги на полках и милые безделушки, осевшие в разных углах.

Когда домашние дела надоедали, жена покидала дом и в обществе двух-трех подруг отправлялась путешествовать по Москве с неистребимым желанием посетить все модные художественные галереи и выставки, понапрасну пытаясь вовлечь в свои забавы мужа, — она любила современное искусство (но в большей степени атмосферу тусовок, с ним связанную), а Воскобойникова от него мутило, как после съеденного пирожка с несвежей начинкой. Все эти инсталляции, провокации, старая стоптанная обувь, утыканная поперх носов гвоздями и выставленная для обозрения на старинном обеденном фарфоре с вензелями, телевизоры шестидесятых с выбитыми экранами, из которых торчат руки, показывающие фигу, или чьи-то ноги в несвежих носках, манекены без голов с отрезанными конечностями, испещренные поперх торсов похабными, как в туалете, надписями, целующиеся врасос мужики на живописных полотнах или сизые от пьянства бабы, бездумно глядящие с тех же полотен, — всё это смущало Воскобойникова, слов-

но он попал по недоразумению туда, где его не ждали и куда ему не следовало приходиться.

Оказавшись на улице, жена никогда не шла, а вечно летела вперед, словно боялась не успеть в отъезжающий от остановки автобус. Даже сидя в театре на спектакле, она и трех минут не могла пробыть в состоянии покоя: то начинала листать программку с неясной целью, то искала в сумочке быстрыми пальцами маленький перламутровый бинокль и потом пялилась в него, блуждая по лицам актеров с деловитостью астронома, изучающего далекие планеты, с радостью подмечая при этом какие-либо неприятные мелочи в гриме или костюмах исполнителей, то копалась в той же сумочке, отыскивая там мятные таблетки либо шарики шоколадных конфет, и долго затем шуршала фантиками и фольгой, вызывая недовольство сидевших поблизости зрителей. Воскобойникову, не любившему постороннего внимания, всякий раз это доставляло мучения. Как-то после спектакля он сделал жене замечание, но та облила его презрением и заявила, что у него рабское сознание и что он готов идти на поводу у толпы, а она, в отличие от него, — человек свободный и не будет вести себя так, как это угодно разным обывателям. «Вот уж не замечал в тебе бунтарского духа... Это смешно!» — заявил он в ответ и надолго замолчал, решив больше не обсуждать эту неприятную тему. Жена же, распалившись, с порозовевшими щеками (обычно щеки у нее зримо розовели в постели, когда она была близка к оргазму), что-то еще говорила, говорила, говорила... Но он уже не слушал ее, уйдя в свои мысли. Ему опять пришел на ум пассажир, не сумевший покинуть каюту и идущий ко дну вместе с тонущим судном.

И думая об этом несчастном, он вдруг пожалел себя, обнаружив нечто схожее в собственном положении. Он также заперт судьбой (только в семейном трюме) и идет ко дну. И впервые ему пришла в голову мысль: зачем он женился на этой женщине? Ведь что-то смущало его в ней еще на стадии их любовного романа, какие-то мелочи в поведении, некоторые фразы, что-то смутное, чего он не мог ухватить и отлить в словесную форму, но, околдованный тогда ею, он не утруждал себя поисками ответа. Теперь, когда при нем проносили фамилию жены, ему уже не чудился в звуках милый шелест легкого ветерка, а слышалось шипение злобной кошки: Шультайсс... Шультайсс...

«О чем ты опять думаешь?» — спросила жена с недовольным лицом, заметив в паузе своего затянувшегося монолога, в котором независимая личность, способная воспарять над хлябями земными, противопоставлялась толпе унылых, словно жалкая свора бездомных собак, обывателей, что Воскобойников не слушает ее. Воскобойников, как-то затаенно смотревший себе под ноги, промолчал. «Что ты молчишь, ответь!..» — потребовала женщина с фамилией Шультайс. «Я думал о пароходе, который терпит бедствие и идет ко дну, и о пассажирах, не сумевшем покинуть каюту и тонущем вместе с судном...» — признался Воскобойников и тут же пожалел, что оголил содержание своих мыслей, подобно электрику, оголяющему острым ножом конец электрического провода, перед тем как соединить его с чем-либо. «О чем?..» — обомлела жена (если бы рядом случилась скамейка, она, несомненно, припала бы на нее, сраженная его признанием) и подумала, что Воскобойников, видимо, смеется над нею. Но тот был серьезен.

«Какой еще пароход? Что за пассажир?! — воскликнула Таня. — Кто-то погиб из твоих близких на море? Ты никогда мне не рассказывал об этом...» Тон ее сразу стал участливым, как если бы ей встретилась несчастная старуха, просящая подаяние, из тех, вид которых способен тронуть любое жестокосердное создание. «Нет, к счастью, из моих близких никто не утонул... Это, если можно так сказать, абстрактный пассажир, о муках которого я иногда задумываюсь, представляя, что он испытывает, когда идет ко дну...» — объяснил Воскобойников с мучительной гримасой и вновь пожалел, что «оголил провод». «Что значит “абстрактный пассажир”? Ты издеваешься?!» — спросила жена. Нет, он точно смеется над нею, решила она. И это озадачило ее не меньше «абстрактного пассажира», идущего ко дну. Обычно мягкий, сдержанный, послушный ей во всех начинаниях, Воскобойников вдруг предстал в непривычном виде. Это случилось впервые за два с половиной года их совместной жизни.

Как-то в очередной раз они были в театре. В темноте притихшего зала, когда люди перестали сморкаться и откашливаться, занятые происходящим на сцене, жена по своему обычаю вынула конфету — кажется, уже третью — и зашелестела фантиком. Кто-то сзади фыркнул, и Воскобойников услышал злобное шипение: «Уймись, свинья! Перестань шуршать, ты не в хлеву!»

У жены половина конфеты зависла на языке. Когда она все же с трудом проглотила ее, то жарко шепнула Воскобойникову в ухо, словно ткнула острой иглой в бок: «Твою жену оскорбили, ты не слышал?...» Воскобойников молча шевельнул плечами. «И ты это проглотить?...» — спросила она с дрожащим, как желе, под-

бородком. Ответа не последовало. А что он мог сказать ей? Сейчас встану и набью этому сукиному сыну морду — прямо здесь, в зале? «Давай дождемся перерыва...» — наконец шепнул Воскобойников, надеясь, что к окончанию акта острота момента пройдет и от него не потребуется никаких скандальных действий.

Но у Тани был иной настрой. Она вскочила и, врезаясь со злостью в колени сидящих на пути людей, намеренно мешая им, устремила к проходу. Потом, стуча с вызовом каблуками, пробежала между рядов кресел к выходу. Воскобойников хотел последовать за нею, но убедил себя, что не следует с этим спешить; жена, решил он, отправилась в туалет, чтобы успокоиться, а в антракте он найдет ее, благо до перерыва оставалось совсем немного времени, если судить по продолжительности первого действия, указанной в программке.

В перерыве он прошелся по фойе, отыскивая жену. Платья с вырезами на груди, блузки и свитера, пиджаки и легкие куртки, мужские и женские головы, как бы нелепо торчащие над всем этим обильным разноцветным тряпьем, — всё это мелькало перед его взором в свете люстр, особенно ярком после приглушенного освещения в зале, но жены нигде не было видно. Тогда он с неясной целью поискал глазами ее обидчика — Воскобойников успел зацепить его взглядом ранее, когда тот, после окончания действия, шел в толпе на выход. Это был худощавый мужик, лет сорока или около того, несколько блатного вида, с немного выпиравшей вперед нижней челюстью, небритый по современной моде, с бесцветными пустыми глазами живущего бездуховно сорняка, и было непонятно, с какой целью он забрел в театр, да еще шикнул на жену Воско-

бойникова, — на театрала он явно не тянул. «Блатного» тоже нигде не было. Воскобойников спустился в туалет. В туалете и на площадке для курения, где в дымном тумане маячило несколько фигур, в основном женских, «Блатного» также не оказалось. Свалил, вероятно, утомившись от происходящего на сцене, решил Воскобойников. Может, это к лучшему. Что бы я ему сказал, встретившись с ним лицом к лицу? Повод-то, если честно, для выяснения отношений — несущественный.

Таня же Шультайс после случившегося в театре и своего царственного отбытия за его пределы не разговаривала с мужем недели две. Молчала точно комсомолка на допросе в гестапо. Наверное, и дальше бы тянула резину, но Таня была женщиной, и женщиной молодой, возбудимой, она не могла подолгу обходиться без сексуальных занятий, и в силу этого сменила гнев на милость. И Воскобойников, надо признать, тоже был не железный. Тут же забыл о своих принципах, когда жена поманила его в постель. И даже чуть не упал, стаскивая с себя на ходу те самые злополучные джинсы.

Когда трубы страсти отзвучали, взяв перед этим предельно высокую ноту, после чего небесный дирижер дал отбой и супруги, отделившись друг от друга, лежали обессиленные по краям кровати, Воскобойников, борясь с накатывающим сном, подумал: все же хорошо, что у него есть жена, и такая чувственная, полная страстных порывов, за что ей можно простить увлечение всеми этими *инсталляциями* с грязной обувью на старинном фарфоре, с фигурами в окошке телевизора и прочей дребеденью, можно простить иные глупости, вроде шурушания фантиков в неподходящих местах, и прочее,

прочее; и уже в тумане накатившего сна ему отчетливо чудился шум ветерка, шевелящего высокие стебли травы: Шультайссс...

И всё же они расстались. Слишком по-разному он и Таня смотрели на вещи. Словно у каждого перед глазами был свой глобус, с отличающимися один от другого очертаниями континентов и морей и цветом климатических зон. И языки, на которых оба изъяснялись, тоже отличались один от другого: слова вроде бы совпадали, а вот смысл их — нет. И если Воскобойников все же пытался ухватить смысл речей жены, точно добросовестный студент иныза, пытающийся вникнуть в чужой язык, то жена его, наоборот, как неуч, предпочитала изъясняться лишь на своем языке.

У Тани кто-то появился. Как она заявила, признавшись, более подходящий ей по духу, чем Воскобойников. Тот, кто может дать отпор любому театральному хаму, и не только театральному, тот, кто может оценить все порывы ее незаурядной натуры, о чем она немедленно сообщила мужу. Воскобойников не стал ничего выяснять. Кто там и что там — ему это было неинтересно. От семейных сцен, где люди скандально выясняют отношения друг с другом, у него сразу портилось настроение, хотелось тут же забраться с головой под одеяло, как это бывало в детстве, когда его обижали.

Воскобойников пожелал жене удачи и ушел в ванную комнату — принять душ. Поток воды, обрушившийся ему на голову, притупил горечь обиды: как-никак он был лицом пострадавшим, его бросили, а не он оставил жену. Впрочем, подумал он, не принципиально, кто кого бросил.

Таня уложила вещи в три неподъемных чемодана, размером, как подумалось Воскобойникову, с каменные блоки, лежащие в основании египетских пирамид (их унесли двое звероподобных, отгрыгивающих перегар, грузчиков), и была такова. Только прошелестел вслед ветерок: Шультайсс...

Одним словом, супружеский союз Воскобойникова и Татьяны распался, словно пряник, разломанный на две части. Чего уж теперь после случившегося понапрасну ворон гонять! Жизнь продолжается.

Отныне Воскобойников не спешил к *новому алтарю*. И всячески гнал от себя мысль о новой избраннице, когда видел где-либо в компании миловидное существо женского пола, взиравшее на него с туманностью во взоре. (Знаем, знаем мы эти «туманности Андромеды»! — говорил он себе в подобные минуты.) Люди, мало его знавшие, стали поговаривать о том, что он, видимо, сменил свои пристрастия и обратил взоры на мужской пол. Но это не было правдой. И близкие, из числа друзей, могли подтвердить, что это сплетни: им было известно, что Воскобойников иногда проводит ночи у одной немолодой вдовы. Не будет же человек для отвода глаз ездить ночевать к вдовам. Правда, подобные визиты, по заявлению тех же друзей, случались довольно редко — видимо, когда мужику совсем было невмоготу.

«Ты собираешься жениться или как?..» — донимал его время от времени близкий приятель Брагинец, уверенный в себе крупный человек, с глазами навывкате, с родинкой по краю нижней губы, похожей на притаившуюся муху, твердо знавший, что почем и почему. «Отстань...» — отмахивался Воскобойни-

ков и туманно глядел в окно. «Надо, надо! Порядок того требует...» — Брагинец солидно откашливался, словно готовился к выступлению на областном собрании фермеров, занимающихся разведением рогатого скота, и поглаживал широкий, как у борца, загривок. «Какой порядок? Чей?» — отзывался без энтузиазма Воскобойников. «Ты сосиской-то не прикидывайся. Общественный порядок!.. Общество предполагает, что мужик живет с бабой! Так наши предки жили. Или ты — поперек традиций?.. Смотри, и вправду будут думать, что ты с голубыми породнился!» — «Не будут... А если будут, черт с ними!» — «Таньку, дурак, упустил, роскошную бабу!» — сокрушался Брагинец, перекачивая свое большое тело в широком кресле. «Да, упустил...» — соглашался Воскобойников, и что-то вроде светлой дымки накатывало на его лицо. «Ну вот!» — подсказывал Брагинец и радостно, по-раблезиански, почесывал свой округлый живот, водивший дружбу не с одной кружкой пива. «Понимаешь... — погружался в недавнее прошлое Воскобойников, и светлая дымка сползала с его лица, — ей хотелось, чтобы я ходил за ней, словно школьник за учителем на уроках физкультуры. Руки вверх, руки вниз... А это бывает утомительно, поверь! Иногда хочется дух перевести, умное что-либо почитать, лежа на диване... А тебя трясут, точно неработающий будильник! — приоткрывал завесу над тайнами семейной жизни Воскобойников. — Мало того: с тебя могут сорвать джинсы (опять эти злополучные джинсы!), заверяя, что те нуждаются в стирке, и они тут же исчезают в глотке стиральной машины! А ты лежишь с голыми мослами на сквозняке, словно брошенный в степи труп. И тут

уж, поверь, не до чтения!..» — «Подумаешь, джинсы! Это не повод напрягаться. Я на подобные вещи не обращаю внимания, — убеждает Брагинец приятеля. Говоря это, он по обычной своей привычке запускает палец в рот за щеку и долго что-то там шупает; ищет, что ли? — Уверен, — продолжает он, — всё бы со временем пришло в норму. Баба-то, признай, — клевая!» — «Клевая, — опять соглашается Воскобойников, — да, видно, я рыбак никудышный... — И раздраженный тем, что Брагинец всё еще копается пальцем в защечном мешке, язвительно интересуется: — Чего ты там вечно ищешь? Твой рот не морская раковина, и жемчужину ты там не найдешь, уверяю тебя. Бросай это плебейское занятие!» — «Грубо! Не надо с большой головы — на здоровую», — хмурится Брагинец, словно попал под плевков прохожего, и думает: какого черта мне всё это нужно?! Да пусть хоть выпрыгнет в окно! Мозги есть, а ума никакого... Чем же Танька ему поперек стала? Чем от семейной жизни отвадила? Не утюгом же раскаленным по телу прошлась... Мысль об утюге и отутюженном, как брюки, Воскобойникове вернула ему веселое настроение, он засмеялся, показывая крепкие белые зубы, свидетельствующие о физическом здоровье, рассчитанном на долгие годы. (Смейся, радуйся, полный сил крепкий человек, а уж там как Господь распорядится; придет и твое время, прихватят тебя за волосы и — в мешок!)

А за окном сыпал снег, неожиданно поваливший крупными хлопьями, покрывая голую до того землю, будоража своей острой белизной прохожих, особенно детей, стосковавшихся по снежкам, санкам, ледовым горкам, — а то последняя декада декабря, а сне-

га нет и нет, где это видано? И вот наконец он явился, ослепительно белый, чистый, липкий на ощупь и сладкий, точно сахар, — кажется, брось комочек в чашку с чаем — и подслащивать нет нужды!

Приближались новогодние праздники, а с ними суета, бег по магазинам, поиски елок, подарков, закупка различной еды и спиртного, а затем двухнедельное гулянье, пьянство, скандалы, треск петард за окнами, гонка машин скорой помощи по опустевшим улицам, пьяные кулачные драки (нередко в ход шло и серьезное оружие, после чего снег под ногами противников окрашивался пятнами крови, и для кого-то этот праздничный день становился последним в короткой непутевой жизни); в новогодние ночи складываются любовные союзы, кратковременные и продолжительные, молодые спешно совокупаются где-то по углам чужих квартир, в неудобных позах, дыша друг другу в лицо винным перегаром, часто не успевая произнести столь необходимые в таких случаях нежные слова, и, сделав дело, выползают из щелей к праздничным столам, снова одурманивать себя водкой, вином и скверными разговорами. Отдельный случай — малолетние дети. Те, отгуляв в вечерние часы у елок, получив подарки, крепко спят в своих кроватках, прижимая к груди подаренных кукол, ничего не ведая о своем будущем, не зная своих взрослых стремлений и путей, и верится, что кому-то из них удастся избежать ошибок и заблуждений своих родителей.

До женитьбы на Тане, да и женившись, Воскобойников всякий раз приходил в возбужденное состояние, когда до новогодних праздников оставались считанные дни, и с нетерпением ждал приближения празд-

ничного часа, то есть двенадцати часов, звона курантов по телевизору и вторящего ему перезвона бокалов, в которых, словно горячий источник, пузырится шампанское, ждал шумной суеты в домах, громкой музыки, несущейся отовсюду. Праздник привлекал возможностью подурачиться в компании друзей, посостязаться в остроумии, попеть со всеми под гитару и в конце концов уединиться с той, которая тебе приглянулась и которой ты тоже пришелся по душе. Так и с Татьяной вышло. В одну из новогодних ночей, сойдясь в пару, взявшись за руки, они стали искать место, где можно было бы уединиться и поболтать о чем-то сокровенном, о чем — они еще и сами не знали, и, обойдя всю квартиру, где гуляли в эту ночь, и не найдя свободного угла, оказались на лестничной площадке. Беседа на сквозняке была недолгой и завершилась продолжительным поцелуем. Когда собравшиеся в квартире вновь решили вернуться к столу, Воскобойникова и Татьяну пришлось буквально оттаскивать друг от друга, словно двух обитающих на свободе животных, самца и самку, по несчастью оказавшихся в силках и страшущихся, что их разлучат. В общем, после той новогодней ночи обоих закрутило, завертело, завьюжило...

После развода Воскобойников несколько поостыл к новогодним забавам. Торчать сычом среди семейных пар или в компании неженатой молодежи, только и ждущей момента, чтобы уединиться с кем-либо, не было желания.

Приближался очередной Новый год. Город по обыкновению бурлил. Люди бегали по магазинам, звонили друг другу, договаривались: где, у кого, когда?

Воскобойников, пребывавший в состоянии хандры, отклонил ряд приглашений (одно из них крайне лестное, там в компании ожидалась заезжая джазовая знаменитость из Англии) и решил встретить новогодний праздник в семье старшей сестры.

Двадцать девятого декабря утром в дверь его квартиры неожиданно позвонили. Воскобойников, собиравшийся на работу, уже выбритый, пахнущий одеколоном, в пиджаке и галстукe, воодушевленный пением Азнавура, звучащим в радиоприемнике, открыл дверь и увидел перед собою молодого человека лет двадцати, без шапки, рыжего, одетого в синюю спецовку поверх теплой куртки, не по возрасту очень делового. Парень в одной руке держал квитанцию, другой придерживал стоящую на полу полутораметровую (или даже больше) вертикальную картонную коробку кирпичного цвета, весьма похожую на те, в которых продают искусственные елки.

— Мне нужен Воскобойников... — сказал он строго и, заглянув в квитанцию, добавил: — А.П.

— Я — Воскобойников... А.П., — подтвердил Воскобойников свою личность.

— Вам посылка, — сообщил рыжий молодой человек и, не вдаваясь в объяснения, уже устремленный в дальнейшие свои дела, попросил расписаться о получении в той самой квитанции.

Воскобойников послушно расписался на бумажке, приложив ее предварительно к дверному косяку и воспользовавшись авторучкой посылного. Принял коробку — точнее, рыжий парень поставил ее перед ним на попа. Несколько мгновений Воскобойников созерцал выросшую перед ним картонную колонну, решительно не зная, что ему с нею делать.

— Это что, елка? — сообразил он наконец спросить у рыжего, уже устремившегося в открытую дверь лифта.

— Я в чужие посылки не заглядываю, — ответил тот строго. И уже более милостиво добавил: — Похоже, елка...

И его скрыла закрывшаяся дверца лифта.

Воскобойников, всё еще оставаясь на пороге, пожалел, что не спросил у рыжего, от кого посылка. Это было гораздо важнее, чем содержимое коробки. Но поди догони его теперь, он наверняка уже покинул подъезд и умчался в своем фургоне по другому адресу.

Не отдавая себе отчета, зачем он так делает, Воскобойников поднял коробку вертикально над полом и так же вертикально, словно дорогой музейный экспонат, внес ее в квартиру. Поставил в центре комнаты. Коробка была увесистой, и внутри вполне могла поместиться елка, но уж чересчур она была тяжелой. Зачем мне елка, подумал Воскобойников. Двумя днями ранее он принес с базара елку и нарядил ее. Она красовалась в углу комнаты — высокая, пушистая, крепко пахнущая хвоей, с избытком наряженная, точно дама, страдающая недостатком вкуса.

Воскобойников бросил взгляд на циферблат часов. Время подпирало, пора было уходить на работу. Азнавура в радиоприемнике давно сменила Анжелика Варум с песней о художнике, который рисует дождь. Он выключил приемник. Двинулся к выходу, но... Любопытство оказалось сильнее (в конце концов, пять минут ничего не решают), и Воскобойников решил вскрыть коробку. Если внутри елка, он подарит ее Маше Черка-

шиной. Маша, сотрудница компании, сидевшая с ним в одной комнате, посетовала вчера на то, что не может из-за отсутствия времени доехать до базара и купить себе елку. Не будем торопиться, сдержал он свой порыв в следующую минуту. Если подарить Маше елку, она сделает неверные выводы и решит, что он намерен приударить за ней.

Воскобойников уложил коробку на обеденный стол, взял в руки нож с острым лезвием и с ловкостью, присущей хирургу, разрезал пленку-скотч, которой коробка была заклеена. Вскрыв коробку, он обнаружил внутри что-то малопонятное, пестрое по цвету, упакованное в прозрачную полиэтиленовую пленку. На елку это не было похоже. Воскобойников потянул за край пленки и вытащил содержимое наружу. И замер, удивленный. В пленке находилась большая, в человеческий рост, кукла, так поначалу подумалось ему, но приглядевшись внимательнее, он понял, что это совсем не кукла, а резиновая женщина, из тех, какими обычно торгуют в секс-шопах. Только женщина эта, в отличие от тех, что лежали на полках в магазинах интимных товаров, была сделана из дорогих материалов, кожа у нее походила на человеческую, на голове была прическа из настоящих человеческих волос, лицо было как живое и довольно милое, совсем не похожее на тупые физиономии с похабно открытыми ртами, какие были у резиновых надувных созданий, с которыми она находилась в родстве. Кроме того, на ней было веселенькой расцветки платье и балетки золотистого цвета на ногах. Стоила эта дама, вероятно, не одну тысячу зеленых (информация о ценах на такие дорогостоящие изделия ему как-то попала в Интернет). Что за фигня,

подумал Воскобойников и неприлично выругался. Какому болвану пришло в голову посылать ему эту бабу? С другой стороны — вещь-то дорогая. Послал тот, кому не жалко денег. Но все равно цель одна: посмеяться над ним. Он нервно пошарил в коробке рукой, желая найти какое-либо послание, способное прояснить, кто же даритель. Пальцы его наткнулись на что-то мягкое, лежавшее внутри, и он извлек это «что-то» наружу. Это оказалась пара новых черных чулок с резинками, прилагавшаяся к основному «предмету». Отложив с некоторой брезгливостью чулки в сторону, он вновь запустил руку в коробку. Есть! Есть записка, с облегчением подумал он, нащупав на дне сложенный вдвое лист бумаги.

Трясущимися от нетерпения пальцами он развернул записку и прочел текст. После прочтения записки ему не стало легче. Понять из текста, кто даритель, было невозможно. «Поздравляю с Новым годом! Будь счастлив в любви», — говорилось в записке. Шутник! О какой любви речь? Даритель, желая сохранить анонимность, не стал писать свое послание от руки, а набрал текст на компьютере. Если бы записка была написана рукой, была бы хоть какая-то возможность определить по почерку, кто он.

Другой на месте Воскобойникова, да и он сам в иных обстоятельствах, отнесся бы с улыбкой к такому подарку. К тому же Новый год — время шуток. Но сейчас он впал в ярость. Что за подлая душа решила подсунуть ему накануне праздника резиновую бабу с целью покуражиться над ним?!

Не снимая пленку, он швырнул резиновую женщину на диван, и та так удачно улеглась на нем, словно

это было ее привычное место для отдыха. И даже как-то весело, точно живая, посмотрела на Воскобойникова сквозь прозрачную пленочную ткань.

В дороге, сидя за рулем, маневрируя в потоке машин, поругивая про себя наглых водителей, резво пересякаивавших из ряда в ряд, он отвлекся от мыслей о подарке и неизвестном дарителе. Но подъехав к месту работы и припарковавшись на свободном месте, вновь стал думать, кто бы это мог быть.

Будучи экономистом по образованию, Воскобойников работал в фирме, проектировавшей разного рода вещи для нужд легкой промышленности. Придя в офис и усевшись за свой стол, он вспомнил недавний разговор с Брагинцом, когда тот в очередной раз посетовал на отсутствие женщины в его жизни. Воскобойников побарабанил пальцами по столу. Сдвинул на сторону бумаги. Брагинец вполне мог быть тем человеком, кто прислал ему резиновую девку в подарок. Тот любил всякого рода сомнительные шутки. И когда они срабатывали, громко смеялся, довольный собой, и родинка на лице его под нижней губой, похожая на притаившуюся муху, подрагивала, словно муха эта собиралась взлететь. Несомненно, это его проделка, уверил себя Воскобойников.

Придвинув к себе бумаги, он попробовал писать отчет, который от него требовало начальство, но дело не шло — всё хотелось понять, кто же этот шутник, приславший ему женщину из резины. Промучившись еще некоторое время с отчетом, он позвонил Брагинцу. Пока в трубке гуляли гудки, Воскобойников обдумывал план атаки. Самое лучшее — сразу обрушиться на Брагинца с упреками, не дать ему дух перевести, тогда он не сможет отвертеться.

— Алло! — услышал он в трубке благодушный полубас приятеля.

— Тебе сколько лет, свистун! — набросился на него Воскобойников.

— В каком смысле?.. — растерялся Брагинец.

— В тот самый! Спасибо за подарок! Лучше бы купил что-нибудь в детский дом для больных сирот!

— Ты о чем?

— Я о подарке, который получил от тебя сегодня утром!

В разговоре наступила пауза, во время которой Брагинец пытался сообразить, посылал он что-либо в подарок приятелю или нет. И пришел к выводу, что ничего не посылал. Судя по тому, как Брагинец озадаченно молчал, осмысливая предпринятую на него атаку, Воскобойников понял, что ошибся. То, что представлялось ему выстрелом в десятку, оказалось пальбой в «молоко», вообще мимо мишени. Если бы это было делом рук Брагинца, тот непременно зашелся бы от хохота и после нескольких минут громогласного веселья произнес тираду о своем остроумии и умении пошутить.

— О чем речь? — обиженно спросил Брагинец.

— Какая-то сволочь, — Воскобойников понизил голос, чтобы его не могли слышать сослуживцы, — прислала мне сегодня резиновую бабу...

— Как это — «прислала»?

— Пришел посыльный, принес коробку. Я ее вскрыл, а там — будьте любезны! Причем, судя по виду, вещь дорогая, не какая-нибудь дешевка из обычного секс-шопа... — Воскобойников опять понизил голос. — В платье! Кожа, волосы как настоящие! Такая тысяча

восемь-девять зеленых стоит, не меньше, — я читал в Интернете... К ней приложена записка, но там не указано, кто послал эту девку.

— Это не я, поверь! — возбудился Брагинец. — Ты же знаешь — я скупой! Стал бы я на эту глупость столько зелени тратить. Триста долларов, еще куда ни шло... И потом, я о тебе лучшего мнения, чтобы такие скабрзости дарить...

— Я уже понял, что ты здесь ни при чем, — потеплел голосом Воскобойников.

Брагинец оживился.

— И что ты с нею сделал, с этой бабой?

— Ничего. Положил на диван и ушел на работу.

— Ну ты хотя бы посмотрел, что у нее под платьем?

— Лечись, дурак! — оскорбился Воскобойников и отключил мобильник.

В офисе была суета. Народ готовился к праздничному выпивону, назначенному в обеденное время. И хотя до обеда оставалось больше часа, настроение уже было нерабочее. Мужчины вели праздные разговоры, одни о футболе, другие о своих любовных похождениях, изредка отвлекаясь на телефонные звонки, по большей части ненужные. Женщины, ходившие после одиннадцати бесцельно по коридорам и томимые бездельем, уже начали что-то резать и раскладывать по тарелкам. Две из них отправились по комнатам собирать стаканы и рюмки, которые сотрудники фирмы всякий раз, когда случалось застолье, уносили в свои углы, чтобы выпить с кем-то наедине. Собранную посуду с легким звоном, добавлявшим радости к праздничному настроению, ополаскивали в туалете над раковиной и уносили на приготовленный для посиделок стол. Толь-

ко Мызников, взъерошенный, с бледным лицом, отстраненно бродил по коридорам, заглядывая без всякой цели в комнаты — заглянет и уйдет. И что он хотел, не ясно. Мызников был пьян. Он пил уже третий день и третий день болтался без дела. Говорили, что у него умерла бывшая жена, с которой он в свое время скандально расстался, но вот теперь почему-то расслапился, словно утратил точку опоры; видимо, что-то имелось в его душе светлое и памятное, обращенное лицом к образу бывшей супруги. Мызникова любили за спокойный нрав, за умение находить в деле нестандартные решения и на его сегодняшнее пьянство закрывали глаза. Даже Главный. К тому же в преддверии Нового года грех не выпить! — с этим соглашались все.

Мызников заглянул и в комнату, где сидел Воскобойников, тот в эту минуту говорил по телефону. Через какое-то время он вновь просунул голову в дверь. Увидев, что Воскобойников сидит, погруженный в свои мысли, молча вошел и присел на стул у окна. Воскобойников не сразу его заметил. А когда заметил, некоторое время пытался понять, как тот здесь оказался.

— Тебе чего?

— Ничего... — ответил Мызников. — Выпить нальешь?

— Ты и так уже хорошо взял на грудь... Подожди всех.

— Скучно ждать всех, — признался Мызников. И сказал как-то неуверенно после долгой паузы, во время которой Воскобойников вновь думал о своем: — Ты тут говорил по телефону... Тебе... резиновую бабу подарили?..

— Меньше надо слушать чужие разговоры! — рассердился Воскобойников, хотя знал, что Мызников не из породы болтунов.

— Нальешь выпить — скажу, кто это сделал...

Воскобойников с подозрением взглянул на него. Встал. Вынул из шкафа бутылку с остатками коньяка. Поискал, во что налить. Местные дамы полчасом ранее унесли все стаканы. На окне он обнаружил чистую поллитровую стеклянную банку из-под овощных консервов, удивился, как это бабский глаз проехал мимо, — в банку и цветы можно поставить, и запивку налить типа томатного сока.

Воскобойников водрузил банку на стол, выдув из нее предварительно пылинки, и вылил резким движением в нее коньяк. Смог бы я, подумал он, подобно Мызникову, так переживать по поводу смерти Шультайс? Черт его знает. Если «черт его знает» — видимо, чувства какие-то остались. Но скорее все же «нет», чем «да».

Мызников как-то мучительно посмотрел на банку, то ли так выражал радость, что сейчас сможет выпить, то ли накатанно страдал, думая о покойной жене. Взял банку в руки и быстро вылил коньяк себе в горло, словно боялся, что Воскобойников может передумать и, не дай бог, выплеснет коньяк в горшок с цветами, стоящий на том же самом окне, где была обнаружена банка.

— Ну, говори: кто? — спросил Воскобойников, когда с коньяком было покончено.

— Я пошутил, — признался Мызников и виновато улыбнулся.

Воскобойников тяжело вздохнул и молча вернулся на свое место за столом. Что с пьяного возьмешь?

— Алексей, не обижайся, — сказал Мызников и двинулся к двери, показывая Воскобойникову безвольно качнувшуюся спину.

Застолье было шумным, сумбурным, как бывает обычно накануне затяжных праздников, а народу, как известно, полагалось гулять десятку, да плюс Новый год по старому стилю, вот и набегало тринадцать, а то и пятнадцать дён вместе с выходными. Перед двухнедельной разлукой, полные радужных планов на веселую праздничную жизнь, все объяснялись друг другу в любви, и даже недруги мирно поглядывали сегодня один на другого, без желания злословить и портить противнику вечер. Те, кто быстро захмелел и кого несло ввысь на алкогольных крыльях, лезли к другим с пьяными поцелуями, проливая из стаканов в неловких руках вино и водку своим визави на колени, особенно в этом преуспели представители сильного пола, норовившие, пользуясь случаем, облапить женщин, и некоторые из тех, к кому они липли, позволяли им кое-какие шалости, отзываясь на них громким игривым смехом. Но и женщины сегодня, в отличие от будней, поглядывали по-особенному на тех, к кому испытывали симпатию, кто казался родственной душой; и пусть дома мужья, налаженный быт, дети, но в праздник можно позволить себе мелкий грешок типа флирта, завершающегося поцелуем, не имеющим продолжения. А если он, поцелуй этот, имеет продолжение, то это уже другая история. И тут уж вихрь новогодних дней может наделать немало бед. Уж пусть гуляющие будут благоразумны.

Воскобойников пил наряду со всеми, громок был в разговорах, не отличался в этом от прочих. Не лез,

подобно некоторым, с поцелуями к другим, но и не противился, если кто-то из женщин вдруг целовал его с пьяной радостью в щеку, выражая подобным образом свои новогодние чувства. Шумное застольное действо, полное непредсказуемых поворотов, веселых сцен, милых глупостей, несло Воскобойникова на своих волнах, и он на время забыл о подаренной женщине и ее дарителе. Мызников к середине посиделок тоже как-то повеселел, утратил присущую ему бледность, трагический прищур, посветлел лицом, даже попробовал что-то забавное спеть (хватило его, правда, лишь на один куплет), а потом как-то неожиданно исчез. Вспомнили о нем, лишь когда стали расходиться. Прошлись по комнатам — может, где завалился и спит? — не нашли. Шевелёва Юля, полная веселья и молодого задора — дай волю, танцевала б до утра, — заглянула в туалет, увидела раскрытое настежь окно, а на раме зацепившийся за нее красный шарф Мызникова, весьма приметный шарф. Юля, страшась глянуть вниз, под окна, с криком: «Мызников выбросился в окно!» вылетела к сослуживцам, толпившимся со смехом в коридоре. Мужики, хоть и были хорошо навеселе, как-то разом смели ее в сторону, метнулись дружно к окну. Снежный сугроб под окнами был пуст и нетронут, только две шалые вороны клевали поверху пустой пакет из-под молока. Успокоив Юлю и себя (Мызников не станет прыгать в окно, что он, дурак?), мужчины вернулись в коридор и стали смеяться над промашкой девушки.

У кого-то возникло предложение продолжить праздник в ресторане по соседству: там отличные шашлыки, есть музыка, и вообще там клёво! Те, кто не спешил домой и мог еще покурлесить, встретили эту идею с эн-

тузиазмом: действительно, не хочется расставаться! Предложили и Воскобойникову принять в этом участие. Маша Черкашина, держа под руку любителя подобных экспромтов проектировщика Петухова, сияя пьяными глазками, что-то шепнула Воскобойникову про какую-то свою подругу, которая могла бы, изъяви он желание, подъехать к ресторану. Того затея с продолжением вечера в ресторане не увлекала, и он отказался, сославшись на то, что ему необходимо быть дома, потому что обещала заехать сестра.

Понимая, что после выпитого он не может сесть за руль, Воскобойников решил оставить машину возле работы и вернуться за ней на следующее утро. Он остановил такси, плюхнулся на сиденье сзади и, назвав адрес, как-то сразу задремал. Пару раз он с усилием открывал глаза, смотрел на бегущие за окном улицы, празднично сиявшие цветными огнями, силясь понять, туда его везут или не туда, и снова проваливался в сон, полный зыбких неясных видений; одно из них, прояснившись, было весьма мучительным: перед ним возникла Маша Черкашина, перепуганная, ой, ай! с мокрым лицом и мокрыми волосами, мечущаяся в каюте тонущего парохода, быстро заполнявшейся водой. Когда Маша, безуспешно пытаясь выбраться из своей невольной тюрьмы, стала захлебываться, не в силах дольше держать голову в узком пространстве над водой, что-то пробудило Воскобойникова, страдающего от этой картины. Это оказался таксист, сообщивший, что они прибыли по адресу. Воскобойников расплатился и покинул машину.

Сон, надо сказать, при всем его ужасе, освежил нашего героя, и выходя из лифта, он почувствовал себя почти трезвым.

Войдя в квартиру и бросив дубленку на вешалку, он как-то бесцельно прошелся туда-сюда, думая, чем же сейчас заняться, и, вернувшись из спальни в гостиную, ощутил что-то неудобное, непривычное, что сильно напрягло его. Ему показалось, что он в гостиной не один. Окинув взглядом комнату, он вдруг обнаружил, что кто-то сидит в кресле у окна; обеденный стол перекрывал фигуру наполовину, и видны были только голова, плечи и грудь. Не успев испугаться, Воскобойников осознал с немалым удивлением, что в кресле сидит резиновая женщина, подаренная ему утром. Она сидела ровно, с прямой спиной, точно особа благородных кровей, и казалось, наблюдала за ним. Это невозможно! — оторопел Воскобойников. Уходя из дому, он оставил ее лежащей на диване. И вот теперь она сидит перед ним, как живая, освобожденная от пленки, в которую была первоначально завернута. Сама же пленка валялась на диване, точно сброшенная змеєю кожа.

— Позвольте, что происходит? — возбудился Воскобойников, желая узнать, каким образом резиновая дама оказалась в кресле, но вовремя остановил себя, сообразив, что вопрос его носит риторический характер, раз обращен к неживому существу.

А женщина тем временем смотрела на него, и взгляд ее был внимателен и серьезен, и казалось, еще чуть-чуть — и она заговорит.

Воскобойников хотя и был нетрезв, но сразу отменил мысль, что это он сам в утренней суете освободил женщину от пленки и просто запамятовал это. Обладая хорошей памятью, он прекрасно помнил все до мелочей, что происходило утром.

Он опять прошелся по квартире, на этот раз уже не бесцельно, как ранее, а внимательно, точно охотник, выслеживающий зверя, заглядывая во все углы, ища следы пребывания в квартире чужого человека, который освободил резиновую пленницу от полиэтиленовых пут и усадил ее с неясной целью в кресло. Тот мог случайно сдвинуть с места какой-либо громоздкий предмет, обронить бумажку или пепел от сигареты, если курил. Воскобойников даже повел ноздрями, пытаясь определить наличие в воздухе запаха табака. Ничего подозрительного он не обнаружил. Всё было точно так, как перед его уходом утром.

Он взял мобильник, позвонил сестре. Осторожно, не объясняя причины, поинтересовался, не была ли она в его отсутствие в квартире. Не рассказывать же ей о резиновой бабе, подаренной неизвестным шутником. Сестра Ольга (голос усталый, раздражительный) ответила на это, что так умоталась за последние дни, что еле доползла до собственной квартиры, — где уж тут заезжать к брату! А ей еще кормить ужином детей и мужа, если тот явится не шибко пьяный — у него сегодня пьют на работе.

Переговорив с сестрой, Воскобойников лег на диван и, заложив руки за голову, некоторое время косился с неудовольствием на резиновую женщину, размышляя, что же с нею делать. Ее присутствие в квартире было неуместным и вносило смутное беспокойство. Держать такое создание в доме, чтобы использовать впоследствии по назначению, — такая мысль ему даже не приходила в голову. Можно, конечно, сегодня же выбросить ее на помойку, да жалко — вещь-то дорогая. Самое правильное — вернуть ее тому, кто устроил эту шутку.

И тут ему пришло на ум, что у бывшей жены, Шультайс, остались ключи от его квартиры, которые она, занятая новой семейной жизнью, все никак не могла вернуть («прости, времени нет забежать!»). Быть может, Таня сегодня приходила в его отсутствие и, обнаружив резиновую женщину, усадила ее в кресло, давая тем самым понять бывшему мужу, что он сошел с катушек, притащив домой силиконовую бабу для утех. Вот ужас, если это произошло. После недолгих сомнений Воскобойников решил позвонить ей.

Таня взяла трубку (голос возбужденный, счастливый, отчего Воскобойников почувствовал досаду) и сладко пропела:

— Слушаю вас!

— Это я, — глухо сообщил Воскобойников. Лучше бы он не начинал этот разговор и сразу отключил телефон, но любопытство оказалось сильнее.

На другом конце возникла затяжная пауза. После чего Шультайс, уже голосом, лишенным музыки, сухо поинтересовалась:

— Чего тебе?

— Видишь ли, у меня к тебе вопрос...

— Задавай.

— Ты не заходила ко мне сегодня?

— Ты пьян? С чего это вдруг я попрусь в твоё логово? — В голосе бывшей жены прозвучал металл.

— Ну, мало ли... У тебя остались ключи... — И Воскобойников, испытавший облегчение, позволил себе язвительное замечание: — Ведь ты же их держишь с какой-то целью?

— Угу! Для любовных утех. Чтобы втайне от мужа приводить в твой дом любовников.

— Смешно, — мрачно констатировал Воскобойников.

— При первой же возможности я ключи верну. Чтобы у тебя не было повода мне звонить, — холодно заявила Таня, и Воскобойников с тоскою подумал: а было ли между ними что-либо когда-то, и была ли она вообще его женой? Может, ему это привиделось в гриппозной горячке?

От разговора с Шультайс у Воскобойникова окончательно испортилось настроение.

Он включил телевизор, попал на какую-то радостную белиберду, где на фоне елки и бенгальских огней острили, пели разные люди, прыгали девицы из кордебалета (ох! ух! ах!), задирая вверх голые не по-зимнему ноги. Сидевшая в кресле резиновая женщина, казалось, тоже поглядывает на экран и что-то там себе думает. Понаблюдав за кутерьмой на экране, Воскобойников выключил телевизор и отправился спать. Когда он шел к выходу из комнаты, то опять зацепился взглядом за неожиданную гостью — а как ее еще назвать? И вновь ощутил неясное беспокойство. Будто в квартиру его насильно вселили чужого человека, способного усложнить его жизнь. Брось, это же неодушевленная резина, силикон, успокоил он себя. Но на всякий случай все же прикрыл плотнее за собою дверь.

Утром следующего дня Воскобойников проснулся поздно. Встал в хорошем настроении. За окном из розовой дымки весело поглядывал на город солнечный шар, сверкал пронзительно белый снег на соседней крыше, кричали вразнобой дети внизу, играя в снежки, — все это создавало ощущение радости. С этим ощущением он побрился, побрызгал щеки одеколоном. Даже собственная физиономия в зеркале показалась ему сегодня привлекательной.

Неожиданный звонок, прозвучавший в прихожей, был настойчив и нетерпелив. Словно звонивший хотел сообщить что-то весьма важное и его качало от нетерпения, или же кто-то гнался за ним, и он искал спасения в квартире Воскобойникова. Кого это несет с утра? — озадачился Воскобойников; он уже успел надеть спортивный костюм и включить электрочайник.

Пока он шел из кухни в прихожую, звонки следовали непрерывно, и он подумал: уж не залипла ли кнопка звонка, что иногда бывало, и он уже подумывал о ее замене.

Ранним гостем оказался Брагинец. Он ворвался в прихожую, возбужденно и громко сетуя, что неприлично так долго держать друзей за дверью. Друзья могут, в конце концов, и в соседнюю квартиру податься, где проживает весьма пикантная телка, она только что вышла оттуда, вся сияет, запах духов, улыбка, неужели ты остался равнодушен к ее чарам? Из-за шубы с длинным ворсом, которая была на Брагинеце, он казался крупнее, чем обычно, словно в прихожую вкатилось большое мохнатое животное. Воскобойников не успел спросить, почему Брагинец говорит о себе во множественном числе, он увидел торчащую за его спиной еще одну голову. Когда голова и тело второго человека обозначились более ясно, Воскобойников понял, что Брагинец привел с собой Петренко, своего дружка. Высокий, прямой, с птичьим носом, краснощекий с мороза, Петренко, в прошлом спортсмен-лыжник, олимпиец, работал нынче на одном из телеканалов, то ли администратором, то ли референтом — этого Воскобойников не помнил. И вообще он относился к Петренко довольно сдержанно, видел его несколько раз в доме Брагинца, чаще поддатым, чем трезвым, и сближаться с ним не спешил.

Брагинец по-хозяйски предложил Петренко раздеться, и сам, сбросив шубу и шапку, устремился в недра квартиры, выкрикивая: «Ну, где она? Показывай!»

Не успел Воскобойников что-либо ответить, как Брагинец уже открыл дверь в гостиную и обнаружил ту, которую он так настойчиво желал видеть. Женщина сидела в кресле, устремив взгляд на вошедшего. Некоторое время он созерцал ее, стоя у двери, открыв рот, точно любознательный мальчишка; отметил про себя, что она довольно привлекательна, в отличие от рядо-

вой продукции секс-шопов, и поразительно похожа на живую.

— Колька! — позвал он Петренко. — Иди сюда!

Раньше Петренко подошел Воскобойников, недовольный тем, что Брагинец пришел не один, а привел с собой дружка, любителя позубоскалить, авантюриста, бабника, посвятив его в то, что он, Воскобойников, намерен был скрывать.

— Это она? — уточнил Брагинец, обращаясь к Воскобойникову.

— Она.

Брагинец приблизился к резиновой женщине, с радостной улыбкой посмотрел на нее в упор.

Та, будучи существом неодушевленным, выдержала его взгляд. Но Воскобойникову показалось, что резиновая женщина, подобно ему, не рада приходу гостей. На основании чего он сделал такой вывод, он и сам затруднился бы ответить.

— А она милашка! — не скрывая восторга, заявил Брагинец.

Подошел Петренко, несколько мгновений строго разглядывал сидящую в кресле.

— Это обман! — воскликнул он. — Ты что, не видишь, она живая... Лешка привел в дом знакомую бабу, договорился за хорошие бабки, и вот она сидит теперь, изображая из себя силиконовую куклу. Заплати мне пару штук зеленого бабла, я тоже резиновым прикинусь!

Брагинец потянулся к женщине рукой.

— Не трогай! — попытался удержать его Воскобойников.

Но тот уже взял женщину за плечо, аккуратно шевельнул ее. И так же аккуратно убрал руку.

— Она действительно из резины, — сказал он. — Но хороша и совсем как живая! Ты говоришь, — он повернулся к Воскобойникову, — ее принесли вчера утром, и от кого она, ты не знаешь?

— Не знаю, — коротко подтвердил Воскобойников.

Он уже пожалел, что открыл дверь и пустил приятелей в дом.

— У нее есть имя? — неожиданно спросил Петренко.

— Какое имя? — не понял Воскобойников.

— Обыкновенное. У каждого должно быть имя... Ты вот — Алексей, я — Николай... Надо и ее как-то назвать. Не должна телка, хоть и силиконовая, жить без имени.

— Верно! — подхватил Брагинец, хохотнув и испытывая удовольствие от того, что сейчас они будут придумывать резиновой женщине имя.

— Какое, к черту, имя! — возбудился Воскобойников. — Шутники! Мне надо выяснить, кто ее прислал, и отправить обратно.

— Напрасно! — заявил Петренко. — Ты посмотри на нее: телка — люкс, фейс в лучшем виде, молчит, доставать тебя уж точно не будет... Опять же, женщина в доме, хоть и неживая, — всё веселее, чем одному по углам мух гонять... А потом, если захочешь, и перепихнуться можно... — Он протянул к резиновой женщине руку и задрал подол платья, намереваясь проверить, что у нее там под трусами, но Воскобойников дал ему по рукам.

— Не лезь куда не следует!

— Уже ревнует, — осклабился Петренко.

Брагинец с хохотом завалился на диван, на пленку, которая все еще лежала там, и она зашуршала под его крупным телом.

Воскобойников поморщился: жеребцы, обоим уже за тридцать, а ума нет!

Но приятели уже словили кураж.

— Надо назвать ее Анькой, — предложил Петренко.

— Почему — Анькой?

— Ну, можно Нинкой... Но Анька лучше, поверь. Анна Болейн — звучит! Анна Иоанновна — тоже... Анна Каренина! Так и будем ее называть.

— Я же сказал — как только выясню, кто мне устроил эту подлянку, отправлю ее обратно.

— Ну, это твое дело. А пока — Анна, Анька. Без имени нельзя.

— Анька, Анька... — Воскобойников покачал головой. — Есть что-то уничижительное в уменьшительном этом имени...

— Ты о чем? — спросил Брагинец с видом неуспевающего школьника. — Ничего уничижительного. Брось, хорошее имя.

А дальше всё пошло-поехало по-дурачки, закрутилось, завертелось, точно паводок обрушил плотину, отчего Воскобойникову пришлось изменить свои планы на день. Брагинец и Петренко взяли его в оборот. Раз у тебя появилась женщина в доме, сказали оба, надо это событие отметить. Иначе как-то не людски! Воскобойников воспротивился, заявив, что у него много дел, надо забрать машину, которую он оставил вчера возле работы, съездить к сестре... Ничего с твоей машиной не случится, заверили его. У меня в доме нет водки, не сдавался Воскобойников, и вообще. Незваные гости (глаза нахальные!) шумно успокоили его: всё, что нужно, мы принесли с собой, позаботься о закуске! Брагинец запустил руки в карманы

своей шубы, извлек две бутылки водки и со стуком водрузил их на стол в гостиной, победно глянув на хозяйина квартиры. Резиновая дама, из-за которой затеялся весь этот сыр-бор, молчала, но взгляд ее, как отметил про себя Воскобойников, отправляясь на кухню за закуской, был печален, весьма печален... Явно не по душе ей пришлись эти два шумных эпикурейца. И он вновь пожалел о том, что пустил их в дом. Он еще не раз в течение дня пожалеет об этом.

На кухне Воскобойников нарезал крупными кусками ветчину и остаток черного хлеба, томившийся в хлебнице. Присовокупил к этому литровую банку квашеной капусты, которую неделю назад принесла сестра и до которой у него еще не дошли руки. Все это отнес в гостиную, поставил на стол, предварительно постелив на него скатерть — вытащил из комода первую попавшуюся, с какими-то узорами по краям, ее еще покупала Шультайс и оставила как память о себе: пользуйся!

Пока Воскобойников готовил закуску, веселая парочка в его отсутствие, отпуская шуточки в адрес резиновой девы, обещая ей славную ночь в объятиях хозяина, достала рюмки из шкафа, тарелки, вилки и ножи... И главное — пересадила красотку к столу, галантно подхватив ее с двух сторон под руки. Оба почувствовали немалый вес ее тела и озадачились этим обстоятельством. Килограммов тридцать или даже больше! Может, она и вправду живая, хмыкнул Брагинец, только немая от рождения. Увидев, что резиновую женщину пересадили к столу, Воскобойников выразил свое неудовольствие и попросил впредь ее не трогать! Перестань, набросились на него приятели, тебе жалко, если она посидит с нами?

И вот стол накрыт, «именинница» — на видном месте, елка сверкает, гости с хозяином уселись за стол. Наполнили рюмки. Одну, как положено, поставили перед «именинницей»: пей! Выпьем за Аньку, Анну, провозгласил с пафосом Петренко, теперь она полноценная баба, а то как же без имени?.. Воскобойников отозвался кислой гримасой, у него не было сил (да и характер был не тот) сопротивляться напору беспардонных гостей.

— За тебя, Анюта! — завершил свою короткую речь Петренко и подмигнул резиновой женщине.

Выпили. Хорошо пошла первая! Закусили капустой, оказавшейся весьма кстати: передай сестре — во! И хрумкая, и на вкус хороша, и морковка в ней что надо... Страдающий Воскобойников заявил, что пить водку с утра глупо и бездарно. Так же, как поливать паркет водой, надеясь, что там что-нибудь вырастет. Не усложняй, заявили друзья, перед дамой неудобно! А если серьезно: сегодня нерабочий день, впереди праздники, и вообще все прекрасно! После второй рюмки Брагинец заговорил о своей жене, разорившей его на новогодних подарках. Он грязно выругался, но взглянув на «Анну», сидевшую напротив, прикусил язык. Слушайте, развеселился он, не могу при ней ругаться матом. И родинка-муха у него под нижней губой запрыгала, точно живая. После этого все трое стали обсуждать, кто из общих знакомых мог бы прислать «Анну» в подарок. Перебрали несколько фамилий, ни на ком не остановились: у одного — с фантазией плохо, другой — скуп, не станет такие деньги на ерунду тратить, третий — слишком умен, чтобы делать такого рода подарки.

А день за окном набирал силу, розовое солнце уходило вверх, цепляясь лучами за подоконники, откосы,

обложенные снегом крыши, и город радостно плавал в его свете, точно добравшийся до воды пловец.

После третьей рюмки Воскобойников смирился со своей участью и даже повеселел. Брагинец и Петренко теперь не были ему столь неприятны, как поначалу, после неожиданного вторжения. Водка все-таки обладает замечательной особенностью: всех со всем примирять — по крайней мере, на первой стадии, а уж потом кого куда повернет. Петренко был в ударе, раз за разом обращался к «Анне» с куртуазными речами, и не скажешь, что в прошлом — спортсмен, а какой-нибудь острый на язык эстрадник, и если бы не резиновая сущность дамы, можно было подумать, что он желает ей понравиться, как это обычно бывает в компании, когда встретишь привлекательную женщину и начинаешь острить к месту и не к месту. Глаза у Петренко, и так уже блестящие от водки, засветились от новой затеи.

— Слушайте, мужики, — возбудился он, — только не кидайтесь на меня сразу, — и добавил, понизив голос: — Надо ее окрестить!

— Кого? — не поняли Брагинец и Воскобойников.

— Анну! — Петренко победно посмотрел на собутельников, словно сделал открытие, крайне необходимое человечеству.

— Ты в своем уме?! — набросился на него Воскобойников. — Как это крестить резиновую женщину?

— Очень просто. Пригласим священника, и он все сделает... Ты же православный? Православный! И женщина, живущая у тебя в доме, должна быть православной, — рассудил Петренко.

— Какая женщина, живущая в доме! — подскочил на стуле Воскобойников. — Это не женщина, это резиновая игрушка или что там еще!..

— Напрасно ты так, она, между прочим, нас внимательно слушает. И может быть, она только прикидывается резиновой. Верно, Аня?

И почему-то все трое посмотрели на «Анну», словно та могла что-то сказать в ответ.

— Ты пьян, — заявил Воскобойников.

— Постой, постой! — возбудился Брагинец, сообразив наконец, что к чему. — Ты предлагаешь ее окрестить? Верно?

— Ну, — кивнул Петренко. — Только нужны двое — он и она — которые станут крестными матерью и отцом. Ты, — он указал пальцем на Брагинца, — будешь крестным отцом... Остается найти женщину.

— Мне нравится, — хохотнул Брагинец, чесанув свитер у себя на животе. — Жаль, твоя соседка напротив ушла, я б не отказался от такой кумы, — сказал он Воскобойникову.

— Ребята, у вас белая горячка! — заявил тот. — Нельзя крестить неодушевленное существо!.. Вы священника не найдете проделать все это. А надумаете сами поливать ей водой голову, я вам не дам — может, хозяин еще найдется!

— Священника я беру на себя, — продолжал Петренко. — Есть у меня знакомый — отец Григорий... — Петренко сиял, точно режиссер на премьере спектакля. Задача было не простой, и это добавляло ему вдохновения. — А за вами — женщина, крестная мать... По рукам?

Воскобойников, усмехнувшись, кивнул, думая, что все это шутка и дальше разговоров дело не пойдет. Сейчас они выпьют еще по рюмке и забудут о крестинах навсегда. Но этого не случилось. Петренко достал из

кармана мобильный телефон и стал кому-то названивать; некоторое время не мог дозвониться; отложил, выпили еще по рюмке (опять за здоровье «Анны»), и он вновь стал звонить. Наконец дозвонился, кому хотел, стал что-то темпераментно объяснять, размахивая рукой, потом продиктовал адрес, переспрашивая у Воскобойникова номер дома и квартиры.

— Приедет отец Григорий, я договорился, — сказал он, завершив переговоры. — Будет здесь примерно через час... — И посмотрел на часы. — Он и крестик привезет...

— Ты шутишь?

— Какие шутки! Только это денег будет стоить. Но я оплачу. Это мой тебе новогодний подарок. Ищите бабу на роль крестной матери.

— Ты точно допился, — вздохнул Воскобойников, видя, что дело приняло серьезный оборот. И вновь пожалел, что пустил приятелей в дом. — Как ты себе представляешь это крещение?

— Без проблем. Сажаем Аньку на стул, уносим в ванную, там раздеваем по пояс... Отцу Григорию скажем, что она парализованная на почве несчастной любви, ни ходить не может, ни говорить... Только надо ему предварительно налить, чтобы выпил как следует...

В общем, началась подготовка к спектаклю, иначе Воскобойников это назвать не мог. Долго искали женщину на роль крестной матери. Петренко позвонил по двум телефонам — мимо, обе дамы отказались. Брагинец обзвонил с десятков знакомых женщин, обещая каждой вечную любовь и дорогой подарок к Новому году, но ни одна из них не согласилась приехать на крестины, ссылаясь на сильную занятость, позвонил

хотя бы дня за два — другой разговор! А так — извини, дорогой. Когда уже затейники отчаялись, Брагинец вспомнил еще об одной своей подруге, с которой не виделся два года и с которой весьма нехорошо расстался. Преодолевая себя, он позвонил ей. К счастью, у той оказалось два свободных часа до какой-то пьянки в ресторане, и она согласилась приехать. Цените дружбу, заявил Брагинец, покрывшийся за время беседы с бывшей пассией обильным потом, — не просто дался ему этот разговор. Вы затеяли это, вам и карты в руки, отмахнулся Воскобойников, уже смирившийся с происходящим.

Знакомая Брагинца появилась минут через тридцать. Это была худая костистая девица, некрасивая, глаза слегка навывкате, рот гузкой, на голове химия. Первым делом, когда ее впустили в квартиру и она увидела Брагинца, радостно шагнувшего ей навстречу, — залепила ему хлесткую пощечину. Это тебе за прошлое, милый, заявила она. И хотела уйти, но тут уж Петренко постарался — перекрыл выход, расшаркался перед нею, уговорил остаться. Когда девушка сняла потертую дубленку и оказалась в нарядном платье, то выяснилось, что она и не так уж некрасива, как показалось вначале, а даже ничего, а уж когда улыбнулась, показав ряд прямых красивых зубов, то совсем выправились в глазах не знакомых до этого с нею мужчин, и стало понятно, почему Брагинец мог когда-то сойтись с нею. Гостью отвели на кухню. Сделали ей чай, пить водку она отказалась. Воскобойникову, как хозяину, пришлось занимать ее разговорами. К счастью, это длилось недолго. Пришел тот, кого ждали и к чьему приходу готовились, — отец Григо-

рий. Снял шапку и длинное пальтецо, под которым оказалась ряса. Усы, борода — все как положено лицу духовного звания. Немолод. Крест на груди. В руках старый портфельчик. Вид простоват, но глаза с хитринкой. Нос в синих прожилках. Петренко, поблагодарив его за приезд, предложил предварительно закусить. Тот не возражал. Отца Григория провели на кухню. Познакомили со знакомой Брагинца, пившей чай. Налили стакан водки. Отец Григорий посетовал, что вроде многовато налили, но посетовал как-то не очень активно, и Петренко, наливавший водку, оставил все как было. Перекрестившись, отец Григорий махнул разом весь стакан — чистый цирк на проволоке! — и крякнул удовлетворенно. Закусил квашеной капустой, зачерпнув ее столовой ложкой с тарелки, съел кусок черного хлеба; ветчину и рыбные консервы, которые открыли специально для него, есть отказался — всё же пост. Пока духовное лицо закусывало, Петренко налил ему еще полстакана и себе треть, чтобы отцу Григорию не скучно было пить одному. При взгляде на вторую порцию водки на лице отца Григория отразились душевные муки: следует ли сейчас выпить или лучше после обряда? Но ловкий Петренко сумел его уговорить, и оба выпили. И снова в качестве закуски — ложка капусты и черный хлеб. Девушка, сидевшая на кухне, с интересом наблюдала за происходящим. Брагинец и Воскобойников стояли в дверях — размеры кухни не позволяли поместиться в ней свободно всем пятерым.

Завершив трапезу, отец Григорий извлек из кармана штанов круглые очки в протеньковой оправе, нацепил их на подслеповатые глазки, потер ладони.

— Ну, где та, которая сегодня крестится? — спросил он и устремил вопросительный взгляд на знакомую Брагинца.

— Эта будет крестной матерью, — поспешил объяснить Петренко.

— А где же та?..

— Она в ванной ждет... Только, отец Григорий, как я уже предупреждал, она парализованная, не говорит, не движется...

— Все мы Божьи дети, — философски заметил отец Григорий, — и молчащие, и говорящие... Не всегда слово из уст — благо. Иным лучше помолчать, чем говорить.

Отца Григория отвели в ванную комнату. «Анна» уже находилась там. Ее заранее посадили на стул, сняв перед этим платье и обнажив довольно привлекательную грудь. Бедрa и то, что между ними, накрыли большим банным полотенцем, чтобы не смущать исполнителя обряда. В ванной, как и в кухне, из-за небольших ее размеров не все могли поместиться. Двоим-то тесно, а уж шестерым, включая «Анну», и подавно — как сардинам в банке. В общем, оставили там отца Григория с «Анной» вдвоем. Порывшись в своем стареньком портфеле, отец Григорий достал необходимое, облачился в белое и приступил к обряду. Зажег три свечи. Будущие крестные отец и мать стояли в проеме двери, выходявшей в коридор, Воскобойников, смотревший на всё это словно в дурном сне, и Петренко, уже изрядно хмельной, устроились за их спинами и через головы наблюдали за происходящим. Петренко норовил пристроить ладонь на бедро будущей крестной матери, но та всякий раз освобождалась от нее, но делала это деликатно,

не желая грубостью портить торжественность момента, — ту, которую крестили, она видела лишь со спины и не подозревала, что дело нечисто. Ее согревало удовлетворенное чувство мести — два года спустя ей все же удалось дать пощечину бывшему любовнику, который обошелся с нею весьма неблагородно, оставив ее, беременную, на произвол судьбы. В защиту Брагинца следует сказать: когда он оставил девушку, то не знал, что она беременная, уж на аборт деньги бы дал, это точно, и на поездку в Турцию — для поправки здоровья. А вот ребенка заводить на стороне — нет. По крайней мере, тогда. Но дело прошлое... Сейчас Брагинец был тих и строг, соответственно торжественности момента, и с любопытством наблюдал за действиями отца Григория, читавшего молитву. Все происходящее он воспринимал всерьез и если раньше похохатывал, предвкусывая забаву, то теперь, когда обряд стал реальностью, это не вызывало у него даже тени улыбки. А почему бы нет? Что здесь плохого? Ведь освящают церковники памятники, корабли и прочее. Кто знает — может, в этой резиновой бабе, когда ее окрестят, проснется душа? На свою бывшую подругу он не обижался, понимая, что виноват (исчез тогда с концами!), хотя щека его долго пылала после ее удара; заслужил. Глядя на нее с высоты своего роста (девушка была ниже на голову), на ее в химических завитках волосы, на чуть зарумянившуюся щеку, на раздвинувшиеся расслабленно губы, Брагинец подумал: а ведь любовницей она была хорошей и любила его всерьез (уж по крайней мере, больше, чем его жена Алла, у той лишь бабки на уме), и что-то вновь шевельнулось в его душе, как когда-то, когда он увидел ее впервые.

Отец Григорий, судя по тому, как он качнулся пару раз, обнаружив нетвердость в ногах, пребывал в пьяном состоянии и воспринимал происходящее и женщину, сидевшую перед ним, весьма реально. Подслеповатые глаза его, хоть и снабженные очками, не позволяли увидеть то, что видит острый и трезвый глаз. Но он был тверд в словах и ни разу не запнулся, читая молитвы, что подтверждало его профессиональную крепость, а заодно и истину: талант не пропьешь! И вообще, он вызывал у Воскобойникова симпатию, этот простоватый мужик в рясе, живущий, судя по его виду, скромно и без затей, отдавший себя служению Богу; и не его вина, что его обманули, призвав в дом совершить обряд крещения, он чист, к нему претензий нет. А вот о себе Воскобойников думал весьма строго, осуждая себя за мягкотелость, за то, что позволил втянуть себя в дело по сути нехорошее, хотя и не преступное. Все равно было как-то не по себе, и спину дергало, словно жучок ползал между лопаток. Интересно, что сказала бы по этому поводу покойная мать, узнай она о крестинах? Ничего бы не сказала, отвернулась и ушла б, и думай после этого что хочешь. Будто прочитав его мысли, Петренко, заскучавший было, улыбнулся, легонько хлопнул его по спине: брось, все нормально, старик, говорил его взгляд, классная шутка эти крестины! мы же никому не сделали плохого. Действительно, плохого — никому, подумал Воскобойников. Наверное, пройдет время, и он где-нибудь в веселой компании будет с легким сердцем рассказывать об этой шутке, похваливаясь, быть может, что являлся ее участником.

Отец Григорий освятил воду в тазу. Окунул кисточку в елей и помазал воду крестообразно. Потом по-

мазал елеем лоб, грудь, уши, руки, ноги «Анны». Зачерпнул воду из таза, полил на голову «Анны» — раз, второй, третий... «Крещается раба Божия Анна... во имя Отца (аминь!), и Сына (аминь!), и Святаго Духа (аминь!)...» Надел на «Анну» крест и белую рубашку, которую до того отыскал у Воскобойникова в шкафу Брагинца.

Завершив обряд и получив деньги за свой труд, отец Григорий ушел, отказавшись от очередной порции водки. Мне достаточно, сказал он уже в прихожей, запахивая свое пальтецо, и вышел, щурясь, за дверь.

Бывшая любовница Брагинца, вернувшись на кухню, отказалась от очередной чашки чая (мне на банкет через полчаса, какой чай!). Посочувствовав своей «крестнице», что та в силу обстоятельств оказалась парализованной и не может ходить, она взяла свою сумочку и, попросившись, направилась к выходу. Брагинец не рискнул сопровождать ее до дверей, опасаясь новой оплеухи. За гостьей последовал Воскобойников. В коридоре взгляд гостя задержался на открытых дверях ванной комнаты, где ярко горел свет и сиял в его лучах голубоватый кафель на стенах. Каково же было ее удивление, когда парализованная «крестница» неожиданно поднялась со стула и ушла на собственных ногах по коридору в дальнюю комнату. Бывшая любовница Брагинца чуть не выронила дубленку из рук.

— Вы видели?! — повернулась она к Воскобойникову.

— Что? — Тот смотрел только на нее и хотел, чтобы гостя поскорее покинула квартиру.

— Ваша родственница встала на ноги и ушла в комнату...

— Как встала? Это невозможно!

Воскобойников шагнул к ванной, заглянул в открытую дверь. Стул, на котором сидела «Анна», был пуст.

— Действительно... Ничего себе!

Бывшая любовница Брагинца решила, что ее разыграли и опять в этом виноват Брагинец, подлец! Девушка покрылась красными пятнами.

— Передайте этому уроду, — заявила она гневно, — когда в следующий раз он надумает позабавиться, то пусть обходится без меня!

И вылетела из квартиры, громко хлопнув дверью, отчего портрет молодого Льва Толстого в военном мундире, бравого офицера, участника севастопольской кампании, повешенный когда-то над входом бывшей женой Таней Шультайс, перекосило на сторону. К счастью, граф удержался на своем месте.

— Ребята! — вскричал Воскобойников, вызывая приятелей. Те тут же явились на зов, опасаясь, что ввиду отсутствия Брагинца его подруга могла заехать по физиономии хозяину квартиры, если бы обнаружила, что крестили неживое существо.

— Что случилось?

— Анна... встала со стула и ушла...

— В каком смысле? Куда ушла?

— В спальню...

— Ну ладно, брось дурака валять! — отмахнулся Брагинец. — Не слышал, чтобы резиновые бабы из секс-шопа сами ходили по квартире.

Все трое помчались в спальню. «Анна» в белой рубашке лежала там поверх покрывала на кровати.

— Ты сам ее сюда принес! — заявил Петренко.

— Я был с вами все время. Вышел только на минуту вслед за Ванькиной девицей — закрыть дверь.

— Ты хочешь сказать, что она сама пришла сюда из ванной?

— Выходит так.

— Чудеса! — восхитился Петренко. — Я же говорил, что если ее окрестить, у нее может появиться душа.

— А мне-то что с этим делать? — расстроился Воскобойников. — Мне она не нужна — ни резиновая, ни живая — с душой... И чем быстрее я от нее избавлюсь, тем лучше!

— Старик! — укоризненно заявил Петренко. — Если она живая, негуманно выставлять девушку за дверь... — И посмотрел на «Анну». — Аннушка, не бойся, мы тебя в обиду не дадим. — И сказал, обращаясь к приятелям: — Самое время выпить, пока мозги не съехали!

Тут уж Воскобойников, раньше собутыльников, рванулся на кухню, куда к приезду отца Григория перенесли закуски и посуду. Ему срочно требовалось выпить, чтобы не сойти с ума.

Молча налили по рюмке, так же молча выпили. Закусили как отец Григорий — черным хлебом и квашеной капустой. До ветчины и рыбных консервов, странное дело, ни один из них не дотронулся.

— Может, кто-то из вас возьмет ее к себе? — спросил печально Воскобойников. — Вань, а? — Он посмотрел на Брагинца.

— Ты что! — замахал руками тот. — Алку мою не знаешь?.. Фюрер! Орать будет: тебе меня мало?! Катись с этой резиновой бабой туда, откуда пришел!.. А уж если эта девка живая — тут кровопролития не избежать!

— Коль, тогда ты возьми... — Воскобойников устремил взгляд на Петренко. — Ты вон как ее нахваливал, даже под юбку лез...

— Мало ли куда я лез... Если я принесу эту трахалку домой, жена тут же потребует развод. Не стану, скажет, жить с извращенцем! А я к разводу не готов.

Воскобойников загрустил.

— Зачем я с вами связался? Пошел у двух дураков на поводу, крестины устроил, идиот! Лежала бы она себе в пленке — и нет проблем!

Брагинец и Петренко потихоньку посмеивались, довольные тем, что удалось устроить хорошую потеху. Оба не верили, что «Анна» сама дошла до кровати. Несомненно, Воскобойников ее туда уложил.

Выпили еще по одной — на посошок! — и, пьяно расцеловав Воскобойникова в обе щеки, поздравив его с наступающим Новым годом, приятели удалились.

Через минуту оба вернулись.

— Забыли что? — спросил Воскобойников.

— Тсс! — сказал Петренко, подняв палец. — Лёха, к тебе просьба — не приставай сегодня к девушке, будь человеком!

И расхохотавшись, оба удалились, на этот раз окончательно. Мерзкие, в глазах Воскобойникова, словно солдаты неприятеля, захватившие чужой город и поставившие все там с ног на голову.

Оставшись один, Воскобойников почувствовал себя как-то неуютно. Живая (или все же неживая) женщина лежит на его кровати... и он не знает, что с этим делать. Можно, конечно, уложить ее обратно в коробку, а коробку убрать на антресоли, но если она живая и сама передвигается по квартире, то лучше это-

го не делать. Воскобойникову хотелось спать, но делить ложе с «Анной» представлялось ему занятием абсурдным. Взять же ее на руки и перенести в другое место он не решался, боясь теперь к ней прикоснуться. Спать же в гостиной на диване при наличии своей кровати казалось еще более глупым. Некоторое время он боролся со сном, не зная, как поступить. Потом все же решился, встал и отправился в спальню. «Анна» лежала на кровати всё в той же позе. Стараясь не отвлекаться на детали, которые могли бы переменить его решение, Воскобойников взял ее на руки и понес в гостиную. По-моему, она прибавила в весе, подумал он, ощутив тяжесть тела, к тому же оно, тело это, как ему показалось, не было холодным, как прежде. В гостиной он положил «Анну» на диван, скорее даже бросил ее туда, словно боялся заразиться от нее инфекционной болезнью. Качнувшийся крестик на ее шее зацепил его взгляд, не давая тут же сбежать из комнаты, и вслед за этим, помимо своей воли, он посмотрел в глаза лежащей. И осознал с холодеющей спиной, что на него смотрят живые глаза. И смотрят будто с укором. Что же ты, милый, так со мной обращаешься, словно я нехристь какая? Казалось, еще немного – и она заговорит. Воскобойников был человеком не трусливым, но тут ему стало не по себе. Задом, задом он отступил от дивана к столу и, ткнувшись в него бедром, бросился вон из комнаты. И опять, как накануне вечером, плотно прикрыл за собою дверь, помянув в очередной раз недобрым словом того, кто прислал ему резиновую женщину в подарок. И пообещал себе после праздников непременно его найти. С этой мыслью он и отправился спать.

Новогоднюю ночь в гостях у сестры он просидел молча. Горели огни на елке, мерцали свечи на столе. В углу негромко, словно любитель поговорить сам с собой, ворковал телевизор. Большой свет не зажигали. И если бы не громкие голоса присутствующих, все это напоминало бы атмосферу спиритического сеанса — колеблющиеся тени на стенах, темные силуэты голов, темнота в углах... Если Воскобойникову задавали вопросы, то он механически отвечал, но сам речь ни о чем не заводил. По счастью, среди родни (мужа сестры, ее самой и двух их детей, девочек — восьми и десяти лет) он был не один. В гости к сестре пришли двое друзей мужа — кажется, бизнесмены — со своими женами, и они чаще болтали о своем и Воскобойникову не докучали. Только одна из жен, сидевшая напротив, нет-нет, да и останавливала свой взгляд на его лице, точно силилась вспомнить, где она могла его видеть.

В начале второго детям предложили отправиться спать. Девочки стали капризничать, не желая покидать общество взрослых. Мы не хотим спать, еще рано, Новый год не только для вас, но и для нас, твердили они. Пьяный отец был не против. Но строгая мать взяла их за руки и силком вытащила из комнаты, заставив перед этим попрощаться с гостями, а дядю Алешу, то есть Воскобойникова, поцеловать в щеку. Поцелуи племянниц, которых он любил, благотворным образом подействовали на Воскобойникова, и он заметно повеселел.

После ухода девочек разговоры утратили сдержанный характер, и гости стали рассказывать анекдоты. Были среди них и не лишённые подлинного остроумия. Это развеселило присутствующих, и даже строгую сестру Воскобойникова — она смеялась, по-детски запро-

кидывая голову, постукивая ладонью по краешку стола. Эта ее манера смеяться, запрокинув голову, всегда нравилась Воскобойникову, но не нравилось, что в последнее время сестра его редко смеялась. Тем не менее, смеясь сейчас, она не теряла бдительности и делала знаки мужу, чтобы тот не увлекался водкой: гости пусть пьют, а тебе достаточно, мил друг.

Воскобойников вдруг вспомнил про «Анну», оставшуюся в доме: как там она? И поморщился от мысли, что подумал о ней как о живой. Это привело его в раздражение. Какая она, к черту, живая?.. И тут же отметил себе в противовес: живая, неживая, но как-то все же переместилась из ванной в спальню? И потом, когда он уложил ее на диван, смотрела весьма выразительно на него, и он готов поклясться, что в эту минуту перед ним было живое существо, она даже моргнула.

Мужчины отправились на лестницу курить, и некурящий Воскобойников последовал за ними, не желая оставаться в женском обществе, — уж слишком часто поглядывала на него жена одного из друзей мужа сестры. Может, и вправду они где-то пересекались? Как бы то ни было, выяснять с нею причины ее интереса к нему у него не было желания.

На лестнице ощущалась атмосфера праздника. На ступенях валялись разноцветные спирали серпантина, оставленные неизвестными весельчаками, и множество хвойных иголок (кто-то, видимо, тащил в последнюю минуту елку). Из квартиры по соседству доносилась музыка и возбужденные голоса. Где-то громко и нестройно пели — мужской бас пытался перепеть остальных, требуя в пении от небесной звезды, чтобы она сияла и горела над могилой. Где-то остро выстрелило шам-

панское, давая понять, что есть еще желающие пить этот напиток. Приятели мужа сестры опять заговорили о своих делах, связанных с бизнесом. Муж сестры поддакивал им некоторое время, потом взял Воскобойникова за локоть и отвел его в сторону. Чего кислый такой, — доверительно поинтересовался он, — случилось что? Испытав порыв ответной любви, Воскобойников хотел рассказать ему о той, что два последних дня находилась в его квартире, занимала его мысли, и что он не знает, что с этим делать. Но в последний момент удержался от признания. Слишком странно, нелепо и глупо всё это выглядело со стороны. А уж история с крестинами, после которых резиновая женщина встала и пошла, наподобие Лазаря, воскрешенного Христом, не лезла ни в какие ворота. Поверить в это стороннему человеку было трудно. И Воскобойников ушел от ответа, сославшись на общую усталость. Слишком много суеты было в последние дни. Ладно, принял его объяснение муж сестры и, вынув из заднего кармана брюк фляжку с коньяком, предложил выпить. Сам сделал пару глотков, протянул фляжку Воскобойникову. Воскобойников глотнул из фляжки и передал ее друзьям хозяина. Те не стали возражать, оба приложились — а почему нет, пока отсутствует зоркий женский глаз? Хороший коньяк, констатировали в итоге все дружно и, сложив окурки в консервную банку на подоконнике, отправились обратно в квартиру.

Воскобойников вернулся домой под утро. Раздеваясь в прихожей, увидел, что портрет графа Толстого, занимавший место над дверью, висит косо. Дотянулся до него, поправил. При этом вспомнил бывшую жену, которая одобрила бы его стремление к порядку. Тут вни-

мание его привлекла негромкая музыка. Видимо, перед уходом он забыл выключить радиоприемник. Воскобойников заглянул в комнату — действительно приемник, стоявший на подоконнике, работал. Он подошел, выключил его. И увидел на столе две незажженные свечи, бутылку шампанского и два пустых бокала. На диване в позе спящей лежала «Анна». Вид свечей и шампанского озадачил его. Он хорошо помнил, что не ставил на стол свечи и не доставал шампанское из холодильника. Неужто это сделала она? С какой целью? Отпраздновать с ним Новый год? Мысль о том, что стол накрыла «Анна», позабавила Воскобойникова. Но он не стал осмысливать это обстоятельство подробно, чувствуя сильную усталость после новогодней ночи, и, выключив в гостиной свет, отправился спать.

Проснувшись после двенадцати и бреясь у зеркала в ванной, Воскобойников вспомнил о бутылке шампанского и свечах на столе. Как человек, все подвергающий сомнению, он не мог смириться с мыслью, что это дело рук резиновой женщины. Допустим, она смотрит на вас как живая, передвигается по комнатам — это можно отнести к возможностям современной техники (сегодня и не такие умные люди могут сочинить!), но то, что она поступает как разумное существо, ставит на стол свечи, шампанское, давая понять, что хотела бы встретить Новый год с Воскобойниковым, это выходит за пределы разумного. Значит, кто-то был в его отсутствие в квартире. Сестра всю новогоднюю ночь была у него перед глазами. Следовательно, это не она. Опять его мысль обратилась к бывшей жене. Неужели Шультайс заезжала вернуть ключи и, увидев «Анну», устроила этот спектакль? Как ни неприятно Воскобойникову это было, но он взял мобильник и набрал номер бывшей жены. Таня ответила. Как и двумя днями ранее, голос ее был

радостен и игрив, свидетельствуя о том, что ее новая жизнь, несомненно, лучше прежней и новый муж, которого Воскобойников в глаза не видел, весьма пришелся ко двору. Воскобойников поздравил Таню с Новым годом, дежурно, как принято в таких случаях, пожелал здоровья, счастья... Таня поблагодарила за поздравление. В свою очередь пожелала удачи в личной жизни в новом году. На этот раз она разговаривала с ним весьма доброжелательно. Видимо, находилась в хорошем настроении, и Воскобойников, теперь уже фигура вчерашнего дня, не мог это настроение испортить. Ах, ты опять о ключах, воскликнула она, когда он осторожно поинтересовался, не заходила ли она в его отсутствие. Спи спокойно, заявила она, через пару дней Сергей (так звали ее нового мужа) завезет их тебе. Воскобойников безрадостно принял сообщение о том, что ключи завезет Сергей. Меньше всего ему хотелось знакомиться с этим человеком. Но возврат ключей необходим. Поздравив еще раз Таню с праздником, он отключил телефон. По всему выходило, что стол всё же накрыла «Анна».

В какой-то момент он вдруг подумал о вдове, той самой, к которой он изредка заезжал в гости и о которой знали лишь немногие друзья. Вдову звали Валерия или Лера. Она была старше Воскобойникова на девять лет. Это была среднего роста пухлая женщина, с ямочкой на подбородке, с агатовыми глазами, с копной каштановых волос, когда-то весьма смешливая, но после смерти мужа, погибшего в автокатастрофе и оставившего ее с двумя детьми, смеявшаяся значительно реже — слишком много теперь у нее было забот. Воскобойников уже не помнил, как они познакомились

и где. Кажется, в доме у кого-то из его сослуживцев. Для него это были трудные дни — он только что разошелся с Шультайс и, занятый этим разводом, мало о чем мог нормально думать. И все же они обменялись телефонами, и когда жизнь его перетекла в нормальное русло, он вспомнил о ней и позвонил. Однажды они оказались вместе в одной постели. Воскобойников ничего не обещал Лере, и та не говорила в ответ жарких слов. Все было просто, буднично. Каждый из них нуждался в другом.

Подумав сейчас о Лере, Воскобойников вспомнил, что как-то давал ей запасные ключи от своей квартиры. Он был тогда болен, и Лера приносила ему продукты и пару раз готовила еду. Но ключи она, как ему помнилось, тогда же и вернула. В какой-то момент его охватило сомнение: вернула ли? Он уже собрался позвонить Лере, чтобы выяснить насчет ключей, а заодно и поздравить ее с праздником, но тут в дверь позвонили. Если это Брагинец, подумал Воскобойников, не открою ему, пусть убирается к чертям!

Каково же было его удивление, когда он увидел в дверной глазок Леру, о которой только что думал. Воскобойников открыл дверь.

— С Новым годом, дорогой! — Она поцеловала его в щеку.

— С Новым...

— Не бойся, я ненадолго... Оказалась здесь поблизости и решила забежать без звонка — наудачу! — Она повесила короткую шубку на вешалку, сняла шапку и вдруг озабоченно спросила, повернув к нему розовое от мороза лицо: — Надеюсь, я не помешала? Ты один?

— Один.

Воскобойников не видел Леру больше двух недель и был рад, что она пришла. У Леры была замечательная, на его взгляд, черта: будучи существом тонко чувствующим, она всегда знала, когда следует завершить свидание и отпустить Воскобойникова домой. Словно читала что-то невидимое на его лице, сообщавшее ей, что лимит общения исчерпан и дальнейшее совместное времяпрепровождение будет только в тягость. Это удивляло и даже восхищало Воскобойникова.

— Проходи, — предложил он.

Лера прошла в гостиную и застыла, удивленная. За столом, где стояли свечи, бутылка шампанского и два бокала, сидела молодая женщина, весьма привлекательного вида, и с любопытством глядела в ее сторону. Взгляд голубоватых глаз женщины был серьезен. Пухлые губы чуть раздвинуты в ожидательной полуулыбке.

Увидев, что Лера запнулась, Воскобойников, шедший сзади, сразу понял, в чем причина. Он чертыхнулся про себя, сожалея, что пошел открывать дверь, не убрав предварительно «Анну» в чулан или хотя бы в спальню. Он не боялся ревности Леры. Его беспокоила мысль, что он не сумеет ничего толком ей объяснить.

Лера поздоровалась с «Анной».

«Анна» в ответ молча кивнула. Воскобойников пропустил этот кивок, думая над тем, как объяснить Лере присутствие в доме... резиновой женщины... или живой? И в том и в другом случае нескладно получалось: либо он извращенец, сожительствующий с резиновой игрушкой, либо втихаря от Леры,

не предупредив ее, завел любовницу, а она просила, если в его жизни произойдут перемены, предупредить ее об этом.

— Извини, — напряглась Лера, — я не знала, что ты не один...

— Это Анна, — промямлил Воскобойников. — Она... Она... — Нужные слова не находились. И он начал оправдываться, словно неверный муж, застигнутый с любовницей: — Ты ничего не подумай... Эта девушка... Короче, между нами ничего нет...

— Я пойду, — заявила Лера.

— Нет, нет, подожди!.. Я всё объясню... — Он стал у нее на пути, надеясь все же как-то объяснить присутствие в доме «Анны».

И вдруг засуетился. Переставил зачем-то фужеры на столе, поменял местами тарелки. Подхватил бутылку шампанского и открыл ее — пробка с грохотом унеслась к потолку и, ударившись об него с силой, прыгнула в сторону елки и затерялась там, среди ветвей и игрушек.

— Давай выпьем... За Новый год...

Наполнил оба фужера. Один из них насильно всунул Лере в руку, второй взял себе.

— Ты забрал бокал у девушки... — заметила Лера, давая понять, что приличные люди не будут пить вдвоем в присутствии третьего.

— Что? Ах, да! Конечно... — Воскобойников бросился к серванту, достал еще один фужер, наполнил его, поставил перед «Анной». И устремив взгляд на Леру, потребовал: — Пей, чего же ты?.. — И сам первый выпил до дна.

Лера сделала пару глотков.

— Может, ты всё же присядешь? — сказал Воскобойников.

Лера присела у края стола. Она, конечно, ждала объяснений. Ей хотелось знать, кто же эта молодая особа. В ее положении увядающей вдовы, обремененной двумя детьми, не следовало спешить с выводами, а уж тем более совершать опрометчивые поступки. Найти замену Воскобойникову не так просто. К тому же она по своему привязалась к нему. Тот был неглуп, покладист, не скупился на подарки ей и детям.

— Я выпью водки! — заявил Воскобойников.

— Выпей.

Он в той же суетливой манере достал из серванта бутылку водки и рюмку. Налил. Выпил.

— Понимаешь, это трудно объяснить...

— Ты свободный человек, — сказала Лера. — Я пойму... Кто она? Сестра? Племянница? Новое увлечение?

— Ни то, ни другое... — ответил Воскобойников. Его отношение к Лере было скорее братским, нежели иным, но терять ее ему не хотелось.

— Понятно, — кивнула Лера. — Смена курса! — объяснила она себе присутствие женщины в доме Воскобойникова. — Я пойду.

— Сиди!

— А почему твоя знакомая молчит? Или разговаривать со мной ниже ее достоинства? — язвительно поинтересовалась Лера. Конечно, ей, женщине за сорок, трудно конкурировать с молодой привлекательной девицей.

— Она не может говорить.

— Что значит «не может»? Она немая?

— Вроде того... Видишь ли, — решил он на признание, — мне ее подарили... Это подарок.

— В каком смысле?

— В обычном. Она не натуральная женщина... Она сделана из силикона...

— Из силикона?

Услышав это признание, Лера перевела удивленный взгляд на «Анну», желая проверить, так это или не так.

«Анна» в ответ лишь усмехнулась и невинно почесала пальчиком кончик носа, что явно противоречило заявлению Воскобойникова о ее силиконовом происхождении. Это рассердило Леру. Ей было ясно, что Воскобойников морочит ей голову.

— Не знала, что ты способен сочинять глупости! — Лера поднялась со своего места. — Лучше бы сказал правду... Извини, что помешала вам.

Она метнулась в прихожую. Быстро оделась. Застегиваясь, стремительно пробежалась пальцами по пуговицам шубки, как по кнопкам баяна, и выскочила за дверь — туда, где мерзко лаяла чья-то мелкая (судя по голосу) собачонка и слышался хриплый мужской смех. Громко простучали каблуки ее сапожек в направлении лифта. Воскобойников не стал ее удерживать. Как-нибудь утрясется, подумал он.

Вернулся в комнату. «Анна» смотрела на него невинными голубоватыми глазками: мол, я здесь ни при чем, разбирайтесь в своих отношениях сами. Он подхватил ее на руки, унес в спальню и закрыл там в платяном шкафу. В какой-то момент, когда он заталкивал ее внутрь, ему показалось, что она упирается ногами, сопротивляясь ему, не желая быть пленницей.

Он вернулся в гостиную. Стал напряженно думать, к кому бы обратиться за помощью, чтобы найти того, кто сделал этот обременительный подарок. На ум при-

шел школьный товарищ Антон Кабанов, Кабан, Кабаша, с которым Воскобойников не виделся несколько лет и который, по слухам, работал в следственном отделе на Петровке. Дело было за малым — достать номер мобильного телефона Кабанова. Уж он-то поможет найти концы, подумал Воскобойников, зная напористый характер бывшего приятеля.

Зазвонил городской телефон. Воскобойников поспешил снять трубку. После неприятностей, связанных с «Анной», хотелось иных впечатлений, тянуло на люди, хотелось посидеть где-нибудь в компании хороших знакомых, он даже не возражал, если там окажется та, которая станет с глупым видом строить ему глазки. В трубке он услышал веселый голос Брагинца.

— Как настроение?

— Нормально, — сухо отозвался Воскобойников.

— Как там наша девочка? — вкрадчиво поинтересовался Брагинец.

— Ты, поди, уже всей Москве разболтал?

— Обижает, старый! Я не по этой части... — И добавил беспечным тоном: — Ты дома? Заеду вас проведать.

— Кого это — вас?

— Ну, вас... — уклонился от прямого ответа Брагинец.

— Не вздумай приходить, не пуццу! — заявил Воскобойников. — И Петренко своего держи от меня подале... —

— Между прочим, Анна моя крестница, и я имею право встречаться с ней, когда захочу.

— Пошел к черту!

— Ты так пылишь, — возбудился Брагинец, — будто это мы подарили тебе эту бабу!

— Вы хуже сделали... Теперь она, считай, живая.

— Это же здорово! Делай с этой бабой что хочешь, и ответственности никакой.

— Так не бывает, чтобы без ответственности... — сказал Воскобойников. — Ладно, мне некогда. — И отключил трубку.

Он вернулся к мыслям о Кабанове, стал думать, как связаться с ним. Перебрал в памяти одноклассников, тех, кто мог бы поддерживать с Кабановым отношения по сию пору и чьи телефоны у него были. Позвонил одному, второму, третьему — увы, как выяснилось, школьная дружба не имела продолжения, никто из них давно уже не видел Кабанова — Воскобойников только время потратил на лишние разговоры: как ты? что ты? а как этот? а как тот? Слава богу, шли праздники, и не у всех было время на досужий треп — все куда-то спешили. На всякий случай Воскобойников решил позвонить по старому домашнему телефону Кабанова, который не без труда отыскал в записной книжке десятилетней давности, валявшейся в письменном столе среди бумаг. Возможно, подумал он, тот, кто возьмет трубку, что-нибудь да знает о судьбе Антона. Каково же было его удивление, когда он услышал знакомый, с хрипотцой, кабановский голос. Антон жил всё в той же квартире, что и в школьные годы. По воспоминаниям Воскобойникова, квартира была большой — кажется, из четырех комнат, получил ее в свое время отец Антона, работавший заместителем чуть ли не министра. Кроме Антона и его родителей, там жила еще и сестра Кабанова, противная, самоуверенная девка, с брезгливой гримасой на лице, презиравшая всё и всех, вскоре после школы выскочившая за-

муж за какого-то мужика из МИДа; по утверждению Антона, на его сестре мог жениться только идиот. Как в дальнейшем семейство расселилось, Воскобойников не знал.

Кабанов заявил, что рад звонку Воскобойникова, хотя голос его не выражал особой радости. Возможно потому, что, как выяснилось позже, Кабанов был с перепоя и мучился от сильной головной боли. «Что у тебя?» — перешел он сразу к делу. Не о погоде же говорить со школьным другом, с которым они не виделись несколько лет. Воскобойников сказал, что ему необходима помощь в одном деликатном вопросе. И лучше поговорить об этом при встрече. «Башка трещит, — раздраженно выдохнул Кабанов. Голос хриплый, злой. — Вчера надрался, как упырь... — И когда Воскобойников, представив зримо его опухшее с красными глазами лицо, решил, что разговор откладывается до другого раза, тот сказал, шмыгнув носом: — Давай повидаемся...» И предложил встретиться через час в «Пекинской утке», что на Тверской возле «Мариотт Отеля». Антон жил поблизости, в десяти минутах ходьбы. Воскобойников не рассчитывал на столь быструю встречу и был рад, что Кабанов так оперативно отреагировал на его просьбу о помощи.

Придя на встречу, он нашел Кабанова во втором зале. Антон сидел за отдельным столиком у окна, в промежутке которого белесо дымился город и горели в ранних сумерках пока еще неяркие огни. На столике среди закусок независимо высилась бутылка виски «Джим Бим».

— Привет! — воскликнул Кабанов, увидев приятеля, и, поднявшись во весь рост, притянул его к себе. — Молодец, что вспомнил обо мне.

Воскобойников отметил, что Антон возмужал, стал шире в плечах, во взгляде сквозила уверенность. Над левой бровью появился небольшой шрам. В ожидании приятеля Кабанов выпил, повеселел. Голова освободилась от тисков. Голос, хрипевший с утра как несмазанная машина, стал чище, обрел привычные для слуха баритональные модуляции. Между прочим, Кабанов, владея гитарой, неплохо пел. Голос у него был приятного тембра и обладал достаточной силой. Наверное, он мог бы стать певцом и даже петь в опере, прояви он к этому определенное стремление, — но не сложилось. И все же немало девичьих сердец повелось в его сторону, когда он брал в руки гитару и начинал петь. Иному требуется затратить немало времени и душевных сил, чтобы очаровать ту, к которой тянется душа, Кабанов же спел пару песен — и вот выбранная им в жертвы уже готова идти за ним хоть на край света.

— Садись! — предложил Кабанов и, не дожидаясь, когда Воскобойников усядется, налил ему виски. — Понимаешь, — стал объяснять он свое состояние, — вчера с начальством пил... А там мимо рта не пронесешь. Пьют как лошади! Еле голову нынче от подушки отдрал... Говорю жене: застрели меня! Нет, мучайся, отвечает, может, умнее станешь. А куда умнее? Я и так умный. — Кабанов явно оправился от своей временной болезни, раз обратился к шутке. Он поднял бокал. — За Новый год!

Воскобойников поднял свой. Выпил. Поискал глазами, чем бы закусить.

— Бери все, что на тебя смотрит, — сказал Кабанов, указывая на заставленный тарелками стол.

Взгляд Воскобойникова задержался на блюде, где лежали жареные пельмени, и он положил пару штук себе в тарелку. Жуя их, сообразил, что они с креветками. Одобрил их вкус и съел еще пару.

Друзья выпили еще по одной. Заговорили о прошлом, стали вспоминать последние школьные годы, одноклассников, выясняли друг у друга, кого куда определила судьба и кого заслуженно, а кого — нет. Вспомнили и о школьных романах, из тех, что надолго западают в душу. Поговори с людьми, и у каждого обнаружится такой роман или безответное увлечение, память о коих незримым пунктиром летит через время, сохраняя трепетное отношение к ним долгие годы.

Потом Кабанов рассказал, чего он добился на своей Петровке. А был он теперь начальник, в звании подполковника, и две звезды его, блестящие по торжественным дням на каждом погоне парадного мундира, приятно согревали душу. И насчет звезд, было им сказано, — еще не вечер! Главное, ему нравилось то, чем он занимался. Хотя мокрушников развелось немерено и порою хочется пустить тому или иному пулю в лоб, вместо того чтобы копаться в его кровавых проделках, но нельзя — положение обязывает!.. И уж если мы заговорили обо мне, проговорил с искрящимся взором Кабанов, рассказывай, с чем пришел, что нужно; чем могу, помогу. Неспешностью суждений, отсутствием суеты в жестах он походил на уверенного в своих действиях пилота, способного посадить самолет в любых погодных условиях.

Идя на встречу, Воскобойников твердо знал, о чем станет говорить с Антоном, но после воспоминаний

как-то все смешалось в голове, и он не сразу сообразил, с чего начать. Минуту-другую он мялся, размышляя над тем, что включить в рассказ, а что оставить за его рамками, и решил рассказать всё как есть.

— Перед Новым годом я получил подарок. Явился посыльный, вручил мне большую картонную коробку... Я расписался в квитанции, и посыльный ушел... Все произошло так быстро, что я даже не успел спросить, от кого эта коробка... Вот теперь хочу найти того, кто мне ее прислал.

Кабанов, решивший, что Воскобойникову нужна помощь в более серьезном деле, был разочарован.

— И всё?

— И всё.

— Леха, это несерьезно, — сказал он. — Я думал, у тебя проблемы с бизнесом, к примеру, кто-то наезжает... Или близкий тебе человек оказался замешанным в мокром деле: подстрелил кого-либо из *травматики* или сбил старуху на машине...

— Поверь, для меня крайне важно найти этого человека.

— А что в коробке? Елочные игрушки? Пластид? О чем базар?

— Там не то и не другое... В коробке оказалась силиконовая женщина, хорошего качества, дорогая по виду, кожа как настоящая, волосы, глаза... Типа тех, что продают в секс-шопах. Только в секс-шопах — резиновые дешевки, рассчитанные на разовую забаву, а тут... Произведение искусства!

— Нормально! — усмехнулся Кабанов. — Зачем же тебе нужен тот, кто прислал ее? Сказать спасибо за доставленную радость?

— Понимаешь, это не просто подарок, а гнусность... К тому же появление этого создания у меня в доме усложнило мою жизнь... Если бы я только знал, кто это сделал...

— Отомстить хочешь?

— Может быть.

— Брось! Насколько я помню, ты человек не мстительный. Ты — мирный пес. Ты не из тех, что лают из подворотни на каждого прохожего, вылезая из ошейника. Что уж, так жизнь тебя накренила?.. Побывал бы ты, брат, в моей шкуре — другое дело.

— Кабан, я рассчитываю на тебя.

Кабанов сделал задумчивое лицо, поскреб затылок.

— Дело, скажу тебе, тухлое. А возни потребует немалой. Придется людей кое-каких привлекать... Платить готов?

— Готов...

— Десять штук зеленых.

— Сколько?!

— Не мне! Тем, кто будет этот узел распутывать. Концов, как я понимаю, никаких? В квитанцию ты не заглянул, только расписался?

— Это так.

— На посыльном была какая-нибудь форма? Или на груди реквизиты фирмы, которая занимается доставкой товаров?

— На нем была синяя спецовка поверх теплой зимней куртки... Рыжие волосы. Больше ничего.

— Вот видишь? Надо определить по изделию, что за фирма его производит, затем — кто этой продукцией у нас торгует. Далее — через торговую фирму узнать, кто заказал эту бабу и оформил ее доставку. Если при

оформлении доставки заказчик воспользовался чужой фамилией — это дополнительная головная боль... Как видишь, все непросто.

Воскобойников удрученно вздохнул.

— Дешевле никто не сделает, — пояснил Кабанов. — Даже больше сдерут. Я лично не советую тебе такие бабки тратить. Ну, прислал тебе какой-то мудака бабу, ну и что? Если нравится — оставь, нет — передай кому-нибудь.

Слова Кабанова огорчили Воскобойникова, слишком много надежд связывал он с ним. Но платить десять тысяч долларов за поиски неизвестного шутника было неразумно. Лучше потратить эти деньги с большей пользой... А вот вектор поисков его друг с Петровки, надо отдать ему должное, обозначил верно. Определить иностранную фирму, производящую эти изделия, компанию, которая продает их в России, и так далее, и так далее. Можно воспользоваться этой схемой и попробовать самому провести расследование. К счастью, есть Интернет, откуда можно получить необходимую информацию.

— Ты прав. Десять штук — большие бабки, и жалко пускать их в распыл, — признался Воскобойников.

Тем самым тема была исчерпана.

После того как обе стороны определили свои позиции, разговор для Воскобойникова потерял интерес. Пить ему не хотелось и слушать рассказы Кабанова о милицейских подвигах — тоже. Да и Кабанов, следует признать, как-то потух после очередной порции виски. Речь его стала менее ясной. Он уже не походил на умелого пилота воздушного лайнера. Ни с того ни с сего он стал вспоминать каких-то своих сослужив-

цев, сыпал именами и фамилиями, которые Воскобойникову ничего не говорили, точно готовился к написанию милицейской энциклопедии, где всем упомянутым было место. Уловив паузу в речи Кабанова и протиснувшись в нее, словно в кабину лифта перед закрывающейся дверью, Воскобойников поблагодарил приятеля за то, что тот оперативно отозвался на его просьбу встретиться с ним. И, сославшись на дела, сказал со скорбным лицом, что должен идти. Уже поднявшись, предложил оплатить половину счета за обед. На что Кабанов замахал рукой, заявил, что не следует его обижать, он сам все оплатит, и, поднявшись со стула, как и в самом начале, обхватил Воскобойникова за плечи и притянул его к себе. Не забывай, Леха, ведь жизнь проходит, шепнул он ему в ухо, и взор его увлажнился. Подержав школьного приятеля у груди, отпихнул его от себя: иди! На том и расстались.

Праздничные дни тянулись мучительно долго. Воскобойников страдал от безделья. При этом уклонялся от хождения в гости, а предложений было немало, и он удивлялся, что на него образовался такой непривычно большой спрос. Словно он был телевизионной знаменитостью, заполучить которую в компанию весьма почетно. Но ходить куда не хотелось.

В доме то тут, то там шумно гулял народ, будто перемещаясь из квартиры в квартиру, с громкой музыкой, сотрясавшей тишину, с пением, иногда с семейными скандалами, которые выплескивались на лестницу, и тогда истеричные пьяные крики будили спящих жильцов.

Были среди знакомых Воскобойникова и такие, которые сами напрашивались к нему в гости. Под разными предлогами он отказывал им. Ссылался на то, что он нынче холостяк и у него пусто в доме — из еды лишь самое необходимое, и не более того. Да мы всё принесем с собой, тебе ничего не нужно делать, убеждали его, но

он был неумолим. Однажды он все же дал слабинку. Позвонила дальняя родственница покойной матери, тетя Клава, с которой мать была дружна, и сказала, что хотела бы зайти, проведать его. Кроме того, есть разговор, добавила она. Тете Клаве Воскобойников не мог отказать. И назначил день и час.

Купил кое-что из еды, прибрался в квартире. Запратал «Анну» в платяной шкаф, чтобы не оказаться в глупой ситуации. Тетя Клава, женщина старомодных взглядов, непременно осудила бы его, обнаружив в квартире резиновую женщину, предназначенную для мужских утех. И опять «Анна» упиралась ногами, когда он запихивал ее в шкаф. Придется потерпеть, дорогая, сказал он (у него уже вошло в привычку разговаривать с нею), не могу же я выставлять тебя напоказ.

Тетя Клава пришла не одна, а с дочерью, Ксенией, девушкой девятнадцати лет, болезненного вида, отмеченной городской бледностью, но при этом улыбчивой, с очень живыми глазами, красившими ее не очень привлекательное лицо. Ксения была поздний ребенок, тетя Клава родила ее в сорок. Появление Ксении за спиной матери явилось для Воскобойникова сюрпризом. Когда обсуждался визит тети Клавы, про дочь речи не было. Ну да ладно.

Воскобойников усадил женщин в гостиной, где всё было накрыто для чая и стоял яблочный пирог, пахнувший ванилью и корицей, принесенный им от сестры. Поставил третью чашку — для себя. Раз тетя пришла не одна, а с дочерью, выставил на стол бутылку ликера и поставил маленькие рюмки. Поинтересовался, хотя ли женщины перекусить или будут только чай. Гости

от еды отказались. Он принес с кухни чайник и только после этого уселся за стол.

Поначалу говорили о новогоднем празднике. Тетя Клава поинтересовалась, с кем Воскобойников его встречал, высказала удовлетворение, узнав, что он провел новогоднюю ночь в семье сестры, спросила, как ее дети, муж, и, получив ответ, что дети в порядке, растут, а муж выпивает в меру, с радостным вздохом подвела черту: слава богу. Следующей темой стала личная жизнь Воскобойникова. Не нашел ли он себе невесту — был вопрос. Ксения, слушая мать, как-то странно хмыкнула и с интересом воззрилась на Воскобойникова, ожидая, что тот скажет в ответ. Бывшая жена Воскобойникова однажды отметила, что Ксения в него влюблена. И это видно невооруженным глазом. Брось, о чем ты?! — отмахнулся Воскобойников. Она еще девочка! (Ксении тогда было пятнадцать.) Вот-вот, сказала Шультайс, самый подходящий возраст, чтобы соблазнять взрослых мужиков, а потом выкладывать в Интернете всякие гадости... Разговор о невесте, заведенный тетей Клавой, был Воскобойникову неприятен. Что им всем не терпится оженить его? Будто он один в городе числится в холостяках. Нет, невесту не нашел, ответил Воскобойников. И позволил себе шутку: жду, когда Ксения подрастет. Тетя Клава не повелась на шутку: Ксения — серая птичка, а ты всегда к другому тянулся, к женщинам ярким, приметным, — как, впрочем, и все мужики. Вы же на цветные фантики клюете, и уж потом вас заботит, что там внутри! Я не птичка, поджала губы Ксения, и не серая. Ей было обидно, что мать сказала это при Воскобойникове, который ей действительно нравил-

ся. Твоя мама имела в виду другое, успокоил девушку Воскобойников, что ты пока не расцвела еще, у тебя все впереди. Будем ждать, добавил он добродушным тоном. Таким образом, разговор перекатился на Ксению, чего той совсем не хотелось. Как учеба, поинтересовался Воскобойников. Нормально, без хвостов. Ксения училась в университете на филфаке и была девушкой много читающей, в отличие от большинства своих сверстниц, проводящих время в развлечениях или в компьютерных забавах. И тетя Клава, несмотря на свое заявление о «серой птичке», гордилась дочерью, которую растила одна, без мужа. Муж ее, дядя Гриша, крепкий мускулистый мужик, с темной густой шевелюрой, выходец с Украины, умер (до рождения дочери) в сорок с небольшим, в начале девяностых, отравившись насмерть паленой водкой; с ним еще его приятель, купивший эту водку по дешевке, последовал в мир иной — их так прямо рядом и похоронили на Хованском кладбище. Так и стоят там в тени деревьев две плиты на расстоянии трех метров друг от друга, и взирают с них — теперь уже на чуждый им мир — два мужских лица, печали всякий раз приходящих сюда вдов. И что обидно: оба были нормальные трудяги и в алкашах не числились.

Тут и подрулил разговор к главному, из-за чего тетя Клава напросилась к Воскобойникову в гости. И рассказала она, в чем ее нужда. А нужда ее была в том, что памятник мужу, простоявший около восемнадцати лет, стало тянуть к земле, словно уставшего от долгой дороги путника, и процесс этот в последнее время ускорился, и требовалось немедленное вмешательство кладбищенских специалистов, дабы надгробная плита не

опрокинулась навзничь, как в свое время тот, мускулистый, черноволосый, что лежал теперь под нею, — нужны были деньги, чтобы вернуть плиту в прежнее состояние. (Сойдет снег, и надо поспешать.) А денег у тети Клавы было немного, жили они с дочерью скромно на ее пенсию и на то, что она зарабатывала, занимаясь изредка уборкой квартир. Кроме плиты и ограда, порядком поистрепавшаяся от долгого времени, нуждалась в сварочных работах и покраске. И помочь в этом деле мог только Воскобойников, а больше никому. Все прежние приятели мужа исчезли без следа, разметало их беспокойное время по разным углам и широтам. Часть необходимой для ремонта суммы тетя Клава уже набрала, но этого было недостаточно.

Тетя Клава, всегда аккуратная, причесанная, чистенький воротничок, сережки-бусинки в ушах, на губах улыбочка, была женщиной из простых, образования высшего не имела. Кончила в юные годы ПТУ. Большую часть жизни до ухода на пенсию проработала на часовом заводе: сначала в сборочном цехе, потом в ОТК. В свое время, при иной власти, тетя Клава славилась тем, что одаривала своих подружек произведенными на заводе часиками — говорила, что приобретает их по льготным ценам, как работница завода. А может, это была левая продукция, кто знает? Мать Воскобойникова одно время тоже носила часы, подаренные тетей Клавой. Но потом в голову ей закралась мысль, что часики эти, возможно, краденые, и она убрала их подальше в ящик комода. Как там было на самом деле — лишь Богу известно. По крайней мере, на заводе обвинений в хищении за тетей Клавой не числилось. А радости своим подружкам она

доставила немало, одаривая их приятными, доступными по цене часиками.

Отказать тете Клаве Воскобойников не мог и обещал дать нужную сумму после праздников: пусть закончатся суета, заполошность, разгульная жизнь. На радостях тетя Клава выпила рюмку ликера. Щеки у нее заалели, точно с мороза, в голосе появились смешливые нотки. Вот ведь как меня разобрало с рюмки-то, посмеялась она. Поднялась и отправилась в ванную — ополоснуть лицо: остудить холодной водой пылающие щеки. Каково же было ее удивление, когда, оказавшись в коридоре, она увидела там голую по пояс женщину, с крестиком на шее, преспокойно сидевшую на стуле у стены, в окружении висевших на стенах семейных фотографий.

— Здравсьте вам! — от неожиданности тетя Клава отступила назад. — Ты чего здесь, милая, расселась? Да еще грудь напоказ выставила!

Женщина на стуле не удостоила ее ответом. Лишь коротко посмотрела в ее сторону.

— Тебе что, плохо? Врача вызвать?

И опять молчание в ответ.

Тут уж тетя Клава, надо сказать, занервничала.

— Алексей! — вскричала она, вызывая хозяина. — Тут девка какая-то не пойми чего сидит в коридоре!

Прошло меньше трех секунд, как в коридор выглянули одновременно две головы. Но если Воскобойников предполагал, что могло стать причиной волнения тети Клавы, и в силу этого держался невозмутимо, то Ксения, увидев полуголую женщину на стуле, утратила дар речи.

— Кто это? — прошептала тетя Клава. И горестно качнула головой: — При посторонних с голой грудью! Срам!

— Извини, тетя Клава, — сказал Воскобойников, стараясь не показывать свои истинные чувства, — тут такое дело... Впрочем, об этом как-нибудь потом.

— Кто это? — уже громче повторила свой вопрос тетя Клава. И не дожидаясь ответа, скорбно проговорила: — Ты уже стал приводить в дом девиц легкомысленного поведения. Так и дурную болезнь подцепить не долго!

Воскобойников поморщился.

— Тетя Клава! Какая еще дурная болезнь!.. — И чтобы как-то оправдаться, заявил: — Это моя знакомая... она не совсем здорова...

— А ты что, врач? Взялся ее лечить? — не сдавалась тетя Клава. — Если она не совсем здорова, пусть лежит в постели, а не сидит, как ведьма, в коридоре. Еще крест нацепила, бесстыжая!

— Мама! Не вмешивайся, — прервала ее Ксения, которая уже оправилась от неожиданного зрелища и с любопытством вглядывалась в лицо сидевшей в коридоре «Анны».

Рассерженный поступком «Анны», Воскобойников подхватил стул вместе с нею и, сопровождаемый взглядами матери и дочери, понес его в спальню. Ну конечно, отметила про себя бывшая сборщица часов, куда же еще такую бессовестную тащить?! Только в спальню!

Забыв о цели своего прихода, так и не дойдя до ванной, тетя Клава вернулась в гостиную. Нервно налила себе ликера и выпила, невзирая на протесты Ксении, оберегавшей ее от различных излишеств. Неясная дума отразилась на лице Ксении, что-то в облике полуголой женщины, сидевшей в коридоре, показалось ей знакомым. Несомненно, она где-то видела ее, но где?

Вернулся Воскобойников, терзаемый мыслью, как бы деликатно спровадить мать и дочь домой, раз уж разговор о главном состоялся. Но не тут-то было. Тете Клаве требовались объяснения.

— Ты встречаешься с этой... женщиной?

— Нет.

— Что же она в таком случае делает у тебя в квартире? Опять вмешалась Ксения.

— Мама, не задавай ненужных вопросов.

— Почему? — не сдавалась тетя Клава. — Мы всё же родня... — И вновь к Воскобойникову: — Вот что значит не иметь в доме жены! Алеша, прости за резкость, но приводить в дом проституток... Это гадко!

— Я никого не привожу... И потом, эта девушка не проститутка.

— Что же она выставляет грудь напоказ?

— Мало ли... В конце концов, — рассердился он, — это мое личное дело, кто и как у меня сидит: с голой грудью или без. Всё, дорогие мои, попросаемся на этом, меня ждут дела... — заявил он, становясь у двери и отдавая себе отчет, что поступает невежливо, но втягиваться в дальнейшие разговоры по поводу «Анны» и объяснять, кто она и каким образом оказалась у него в доме, у Воскобойникова не было желания.

Тетя Клава покачала головой. Но больше давить на родственника не решилась, опасаясь рассердить его окончательно и лишиться впоследствии обещанных им денег на ремонт памятника. В конце концов, он взрослый мужчина и сам знает, с какими бабами якшаться. Ксения помогла матери надеть пальто. Оделась сама. Все это они проделали молча. Потом друг за другом по-

целовали Воскобойникова в щеку, с трудом дотягиваясь до нее. И попрощавшись, покинули квартиру.

Уже на лестнице, подходя к лифту, Ксения, вдруг оглушенная неожиданной догадкой, замедлила шаг. На вопрос матери: «Что с тобою?» — радостно воскликнула: «Я вспомнила, вспомнила, кто эта женщина! Это, представь себе, известная целительница, Анна, Анна Кригер, я видела ее фото в газете. Боже, как здорово! Обычно к ней на прием, как утверждает Ленка Мотылева, записываются за полгода вперед. А тут наш Алеша — ее бой-френд. Это же удача!» Разговор продолжался в лифте. «Ты не ошибаешься? — спросила ее мать. — Она ли?» — «Она!» — У Ксении не было сомнений. Тетя Клава не могла успокоиться и увязать в голове одно с другим: «Что же она в коридоре с голой грудью сидела? Да еще при гостях! Раз целительница, сиди одетая у себя в комнате, там и исцеляй!» — «Ну, мало ли, — засмеялась Ксения, выходя с горящими глазами из лифта, — у них, у целителей, свои причуды».

Если бы Воскобойников услышал этот разговор, он немало посмеялся бы над ним. Но он его не слышал. Заперев за родственницами дверь, он устремился в спальню, где стал отчитывать все еще сидевшую на стуле «Анну». Та, правда, пока он выпроваживал тетю Клаву и Ксению, успела накинуть сверху платье и сидела теперь одетая, с невинным видом. «Послушай, — восклицал он, — если ты отныне бегаешь по квартире и оголяешься, то делай это, по крайней мере, когда в доме нет посторонних людей!»

Эти праздничные две недели Воскобойников запомнил надолго. События развивались стремительно. То,

что вскоре произошло, он не мог представить себе и в страшном сне.

Дня через два после визита тети Клавы и Ксении его потревожил звонок в дверь. Воскобойников сидел в это время у компьютера и искал через Интернет адреса фирм, торгующих резиновыми изделиями для интимных услуг. «Анна» находилась здесь же в гостиной — сидела в кресле. Поднимаясь со стула, он посмотрел в ее сторону, прикидывая, убрать ее из комнаты или оставить, и решил оставить. Гостей он не ждал, а случайных людей пускать в квартиру не собирался.

Когда он открыл входную дверь, то с удивлением обнаружил перед собой Ксению, явившуюся без предупреждения. Она была не одна. Из-за ее плеча выглядывала девушка примерно ее возраста, такая же неяркая, болезненного вида, как и она.

— Чего тебе? — сухо спросил Воскобойников.

Полагалось впустить Ксению и ее спутницу в квартиру, а потом уж задавать вопросы, но он не спешил проявлять гостеприимство.

— Алеша! — возбужденно заговорила Ксения. Было заметно, что она волнуется. Бледные обычно щеки покрылись румянцем. Взгляд был просительный. — Нам хотелось бы поговорить с твоей знакомой, если она еще здесь.

Просьба Ксении привела Воскобойникова в замешательство.

— О чем ты? Она не умеет говорить. Она немая.

— Тогда разреши просто посидеть с нею рядом, поддержать ее за руку...

— А это еще зачем? — неприязненно поинтересовался Воскобойников, пытаясь понять, что стоит за

необычной просьбой родственницы. Все это походило на бред. Может, за то время, что они не виделись, Ксения повредилась умом? Вон как болезненно блесят ее глаза.

— Ты скрываешь, — продолжала Ксения, запинаясь, — но мы знаем, что эта девушка, Анна...

— Стоп! Откуда ты знаешь ее имя?

— Неважно. Нам известно, что она — целительница. И может лечить больных прикосновением рук. А у меня проблемы со здоровьем. Не вынуждай меня рассказывать тебе о них...

— Чушь собачья! С чего это тебе пришло в голову, что она целительница? Никакая она не целительница... И не может ею быть. Боже мой, Ксюша! Ты же образованная девчонка, прочла немало умных книг, а ведешься на сказки про целителей, точно малограмотная бабка.

— И все равно позволь нам увидеть ее...

— Да говорю же тебе: ты ошибаешься. Она не целительница, она — никто!

— Тебе что, жалко, если мы побудем с нею, расскажем о своих болячках? Саша, моя подруга, тоже нуждается в помощи.

Девушка за спиной Ксении кивнула, с надеждой заглядывая Воскобойникову в глаза, словно от его решения — пустить их в квартиру или не пустить, — зависело счастье всей ее жизни.

Сердобольный Воскобойников глядел на девушек и не знал, как ему поступить. Решил всё же впустить их. Пусть зайдут, потрогают «Анну», убедятся, что она существо из резины. Правда, после этого у них может возникнуть мысль, что он извращенец, но это уже ме-

лочи, в конце концов. А иначе уйдут и будут пребывать в заблуждении, что он, злой человек, не дал повидаться с той, которая может им помочь.

Пока девушки раздевались в прихожей и вытирали ноги о тряпку на полу, и делали это с излишней тщательностью, Воскобойников, отступив спиной в коридор, попытался еще раз объяснить им абсурдность их затеи.

— И все же не могу понять, Ксюша, с чего ты решила, что она целительница? Это всего лишь игрушка из силикона, случайно попавшая ко мне в дом, и не более того. Вы сами в этом убедитесь.

— Куда нам пройти? — поинтересовались девушки, оттанцевав на половой тряпке и заглянув по очереди на себя в зеркало: все ли в порядке с состоянием лица и прической?

— Идите за мной.

Воскобойников привел их в гостиную.

Когда они увидели «Анну», сидящую, как им показалось, с царственным видом в кресле по левую сторону от елки, обе подобострастно поздоровались с нею, отчего лицо хозяина квартиры перекосила кривая гримаса: не желают все-таки трезво смотреть на вещи, хотят сходить с ума!

За окном в морозном воздухе над белыми крышами плавало солнце, и янтарный свет его, проникнув в комнату, замысловатым крылом лежал на паркете, словно это всё, что осталось от погибшего Икара.

— Мы сядем? — попросила разрешения Ксения.

— Валяйте...

Девушки взяли стулья и, поставив их поближе к «Анне», с любопытством взиравшей на них, уселись

по одну сторону от нее. Некоторое время обе молчали, осваиваясь с обстановкой, приглядываясь к той, что могла бы излечить их от хворей.

Воскобойников, скептически хмурясь, ждал, что последует дальше.

— Анна, мы к вам... — заговорила Ксения. — Нам нужна ваша помощь.

— Очень, — подтвердила ее подружка Саша.

И обе замолчали.

«Анна» внимательно оглядела девушек. Одну из них, Ксению, она узнала, та была здесь два дня назад вместе с пожилой женщиной, от которой «Анне» крепко досталось.

— Алеша, — обратилась Ксения к Воскобойникову, — ты не мог бы нас оставить с Анной наедине? Я стесняюсь говорить при тебе о своей болезни...

Воскобойников всплеснул руками: цирк! Гримасничая, будто мим на представлении, вышел в коридор. Прошел на кухню. Включил чайник, достал заварку в металлической банке, сахарницу. Самое время выпить чаю, пока девицы занимаются глупостями. Но через некоторое время любопытство взяло верх: очень уж захотелось взглянуть, чем они там занимаются с его резиновой дамой.

Стараясь ступать бесшумно, он пересек коридор. Встал у входа в гостиную, осторожно заглянул в дверь. Ксения, придвинувшись со стулом к «Анне», что-то жарко шептала ей, вцепившись в ее руку. «Анна» внимательно слушала и даже, как показалось Воскобойникову, пару раз кивнула головой с понимающим видом. Это зрелище так увлекло Воскобойникова, что он забыл про чай. Потом настала очередь Саши, подружки

Ксении. Та тоже стала рассказывать о себе, но не шепотом, как это делала Ксения, а вполголоса, и Воскобойников, прятавшийся в коридоре, слышал отдельные фразы. Из чего он понял, что у Саши какие-то проблемы с почками. И в этом случае «Анна», выслушав девушку, сдержанно, с пониманием кивнула в ответ. Глупые девочки, подумал он, хотят обманываться — пусть. А эта резиновая самозванка, черт возьми, еще кивает, словно и вправду может чем-то помочь. Саша в эту минуту взяла «Анну» за руку и некоторое время гладила ее, и лицо девушки при этом было если не одухотворенным, то по крайней мере близким к этому состоянию. Бог мой, вздохнул Воскобойников, и все это происходит у него в квартире!

— Дорогие мои, — сказал он, решительно входя в гостиную и не желая наблюдать больше этот спектакль, — сеанс окончен!

Девушки поблагодарили «Анну» за минуты доверительного общения, послушно поднялись и прошли мимо Воскобойникова на выход, удовлетворенные встречей. Когда они одевались в прихожей, обматывали шеи шарфами, пристраивали на головы вязаные шапочки, Воскобойников спросил:

— Неужели вы ничего не почувствовали, когда касались ее руки?

— Ты о чем? — поинтересовалась Ксения.

— Ваша целительница — не человек... Резина! И все у нее резиновое: и руки, и голова! — Ему хотелось, чтобы девушки испытали чувство досады от его слов. — А вы ей доверили свои тайны!

Но девушки не верили ему. Смотрели на Воскобойникова с непониманием — зачем ему понадобилось со-

чинять эту небылицу? Целительница общалась с ними и в подтверждение того, что поможет, кивала головой, сама трогала их за руки. Может, пока они беседовали с нею, с хозяином квартиры что-то случилось? К примеру, лопнул какой-нибудь нужный сосудик в голове, и вот мужик несет, сам не ведая что.

— Это не смешно, — обидчиво заявила Ксения. — Если она резиновая, то почему ходит, общается с людьми?

— Долго объяснять....

— Вот видишь! — сказала Ксения и обратилась к Саше: — Ты знаешь, у меня такое чувство, словно легкие открылись, дышать стало легче. А ты как себя чувствуешь?

— Чудесно! — отозвалась Саша. — У меня, кажется, прошли боли.

— Мы в восхищении! — выдохнул Воскобойников, цитируя одного классика, и закончил цитатой из другого: — Я сам обманываться рад!..

Девушки, умиротворенные, вышли за дверь.

— Алеша, мы еще зайдем, если не возражаешь, — сказала Ксения уже за порогом и доверчиво улыбнулась.

— Ладно, ладно, идите, — сухо отозвался Воскобойников и закрыл дверь.

Когда несколько минут спустя, сделав себе чай на кухне, он появился в гостиной с чашкой в руках, то, садясь к столу, обнаружил на нем две тысячи рублей — двумя купюрами. Откуда они? — удивился он. Не в его привычках было держать деньги на столе. И вдруг до него дошло: эти деньги оставили девчонки — целительнице за труды! Вот дуры, выругался он и чуть не

смахнул со стола чашку, задев ее метнувшейся в возмущенном жесте рукой.

История с «целительницей» на этом не закончилась. Уже через день с утра на лестнице возле воскобойниковской квартиры собралось с полсотни молодых женщин, которые громко разговаривали, шумели, звонили в дверь, требовали, чтобы их пропустили к целительнице, Анне Кригер. Воскобойников выглянул на лестницу, ужаснулся. Объяснил, что целительница не принимает и вообще такая здесь не живет, и попросил всех удалиться. Но девушки не поверили ему. Заявили, что не уйдут, пока их не запишут на прием к целительнице, чтобы они в последующие дни в порядке очереди могли посещать ее. Воскобойников поспешил скрыться за дверь. Шум, гвалт на лестнице продолжался. Девушки болтали друг с другом, говорили по мобильным телефонам, о чем-то спорили. Сидели на ступенях, положив под себя кто газету, а кто глянцевый журнал. Пили чай из бумажных стаканчиков и ели бутерброды, принесенные из кафетерия в доме напротив. Курили. Бросали по углам окурки. В общем, вели себя как дома, не думая о том, что мешают жильцам громкими разговорами и тем, что оккупировали лестничные марши на двух этажах. К середине дня очередь увеличилась вдвое. Теперь, помимо девушек студенческого возраста, в очереди появились женщины возрастом постарше. Воскобойников поглядывал в дверной глазок и каждый раз приходил в ужас от того, что творилось на лестничной площадке. Периодически ему звонили в дверь, но он не открывал.

Некоторые жильцы, сразу несколько человек, не выдержав столь масштабного паломничества, гвалта,

скопления расхристанных тел на лестнице (с собакой-то, выгуливать ее, точно не пройдешь, да и с малым ребенком тоже; и девки эти, наглые, слушать ничего не желают), стали звонить в милицию, требуя навести порядок в подъезде. Что уж там звонившие говорили и какие находили краски, описывая происходящее, неизвестно, но где-то после четырех часов дня перед квартирой Воскобойникова появился наряд милиции из трех человек. Поначалу, выходя из лифта, бравые мужики в милицейских полшубках выглядели бодро и уверенно, но увидев толпу, оседлавшую несколько маршей, состоявшую из множества женских особей, галдящих, курящих, ругающихся матом, сидящих на ступенях, подпирающих стены, — заметно приуныли, подавленные масштабом увиденной картины. Было ясно: разогнать всю эту «жимолость» одним милицейским нарядом невозможно — тут автобус омоновцев необходим. Ну да ладно, будем разбираться, решили бравые ребята. Побеседовав с женщинами, говорившими наперебой, и выяснив, что их сюда привело, милиционеры потребовали от «слабой половины» общества вести себя потише и приличнее и выстроились шеренгой перед дверью Воскобойникова, желая побеседовать с хозяином квартиры. Старший в группе, с погонами лейтенанта на плечах, с щеточкой темных усов под плоским широким носом, над которым зеленели наглые глаза готового на все пройдохи, нажал кнопку звонка. Воскобойников открыл не сразу. Только после того как лейтенант стал тюкать кнопку пальцем, точно дятел, пытающийся проделать дупло в стволе дерева. «Чего надо?» — неприязненно поинтересовался Воскобойников, увидев перед собой три

красные физиономии, с которых еще не выветрилось праздничное пьянство. Обладатель лейтенантских погон в свою очередь поинтересовался, с какой целью он, Воскобойников, собрал на лестнице большое количество возбужденных женщин.

— Я никого не собирал, — объяснил Воскобойников, — это стихийное бедствие. Как летом саранча: налетит, управы нет! Я не знаю, что этим женщинам нужно.

— Твои соседи, — лейтенант перешел на «ты», — позвонили и сказали, что ты содержишь у себя в квартире притон для интимных услуг и устроил эту сходку, чтобы провести отбор. Женщины же, в свою очередь, утверждают, что у тебя находится знаменитая целительница и им надо у нее побывать с целью подлечиться. Так как же оно на самом деле?

— Предоставлением интимных услуг не занимаюсь и целительницу в доме не держу, — был ответ. Если бы все случившееся происходило с кем-нибудь другим, Воскобойников от души посмеялся бы над этим, но это происходило с ним, и ему было не до шуток.

— Предъяви паспорт, — потребовал лейтенант, ощупывая Воскобойникова, точно щупальцами, своими наглыми зеленоватыми глазами. И внутрь квартиры бросил взгляд, глянув через плечо хозяина.

— С какой стати я должен предъявлять паспорт? — воспротивился Воскобойников. — Я ничего не нарушал. Сажу дома и никому не мешаю.

— По твоей милости, — сказал лейтенант, — на лестнице собралась сотня баб, а это непорядок!

— Я их не звал. С таким же успехом они могли бы собраться у памятника Пушкину. Или возле Думы, у депутатов под окнами.

— И все же они собрались у твоей двери! Давай паспорт, если не хочешь, чтобы мы применили силу.

Воскобойников хотел прикрыть дверь и сходить за паспортом, но не тут-то было. Лейтенант, зеленоглазый бес, последовал за ним в прихожую. Ну и товарищи его, с рыхлыми от праздничного пьянства лицами, последовали за ним.

Воскобойников достал из письменного стола паспорт, вернулся в прихожую, где стояли стражи порядка, протянул его лейтенанту.

Тот некоторое время с глубокомысленным видом изучал его. Обнаружил штамп о расторжении брака. Поинтересовался:

— Один живешь?

Опять заглянул в паспорт и когда оторвал от него взгляд, увидел в открытую дверь гостиной находившуюся там «Анну». Та поднялась с кресла, на котором сидела, прошла к дивану и демонстративно улеглась на нем.

— А это кто? Сожительница?

— Нет.

— А кто же?

— Так... знакомая...

— А паспорт у знакомой есть?

— Когда ко мне приходят гости, я не требую показывать паспорт.

— Женщина! — обратился к «Анне» лейтенант. — Вы кто? Где проживаете?

На целительницу, по его мнению, «Анна» не походила, слишком легкомысленный у нее был вид, а вот на проститутку высокого полета — вполне!

«Анна», естественно, не ответила на заданный вопрос.

Объясняться с милиционером продолжал Воскобойников.

— Это родственница... из Краснодара... Приехала на неделю — погостить. — Не рассказывать же лейтенанту всю историю про подарок и про то, как женщина из резины стала передвигаться по квартире.

— А паспорт, паспорт, — не отставал лейтенант, — у родственницы есть?

— Паспорт... Он куда-то задевался, мы второй день не можем найти.

— А почему ты за нее отвечаешь, а она что?

— Она не говорит. У нее... болезнь связок.

— Понятно. — Лейтенант переглянулся с товарищами, тихо стоявшими за его спиной. — Паспорта нет, и голоса тоже нет... Интересная ситуация получается. — Он приблизился к дивану, посмотрел сверху «Анне» в лицо. — Из Краснодара, — констатировал он, и глаза его хитро блеснули. — Придется забрать твою «родственницу» к нам. Оформим занятие проституцией, оштрафуем.

— Это смешно! — всплеснул руками Воскобойников. — Вы ее потрогайте, потрогайте... И тогда поймете, что к чему.

— Зачем мне ее трогать, — отстранился лейтенант, — и так все ясно. А тебя оформим как сутенера.

Воскобойников принялся убеждать лейтенанта, что тот совершает ошибку, принимая «Анну» за проститутку, она по своему *силиконовому* происхождению не может быть таковой. Никак. Если и могут быть совершены с нею действия сексуального характера, то абсолютно без всякого на то ее желания, что можно отнести к разряду насильственных деяний. Так что из-

вини, лейтенант, ты попал мимо цели, она не проститутка. Лейтенант был с этим не согласен, и наглые его зеленоватые глаза буравили Воскобойникова, проверяя, насколько тот прочен и сколько с него можно содрать денег за то, чтобы уладить дело мирным путем и разойтись. После недолгих колебаний лейтенант намекнул, что если Воскобойников проявит сдержанность и понимание, то он может отделаться небольшим, так сказать «неофициальным», штрафом. Когда Воскобойников уяснил, о чем речь, и поинтересовался, во сколько ему обойдется улаживание дела, лейтенант, глянув на своих товарищей, сказал с ясным взором праведника: немного, по двести баксов на брата. Воскобойников так и сел. С какой стати он должен отдавать этим наглым рожам шестьсот баксов, и главное: за что? Лейтенант догадался, какие мысли витают в голове Воскобойникова, и стал объяснять, почему он должен отдать такую сумму: на лестнице за дверь собралось больше сотни баб, их надо утихомирить, отправить по домам (а бабы — это не домашние кролики, тут морковкой не обойдешься, вероятно, и силу потребуется применить!), кроме того, надо успокоить звонивших в милицию жильцов, убедить их, что произошло недоразумение и никакого притона в квартире такой-то нет, далее потребуется составить рапорт начальству о действиях, проведенных на месте происшествия, и представить все в соответствующем виде. Лейтенант был недоволен, что приходится объяснять очевидные вещи. Выслушав все это, Воскобойников остался на прежней точке зрения и решил денег не давать. (И не потому, что его мучила жадность, причина была в ином: заплати Воскобойников эти деньги, он

тем самым подписывался под своим унижением.) Поняв, что Воскобойников не собирается платить, лейтенант велел «Анне» подняться и следовать за ним. «Анна» послушно встала, надела свои балетки, лежащие на полу возле дивана, оправила платье на бедрах. Тут Воскобойников встал между нею и лейтенантом: «Подумайте, что вы делаете! Только она появится на лестнице, ждущие там женщины решат, что она цельница, и беды не избежать». Лейтенант был вынужден согласиться с этим. Стоял и соображал, как же следует поступить. Уйти ни с чем от Воскобойникова не хотелось, и не хотелось скандала на лестнице — там и так бог знает что творится. Он вынул мобильный телефон, позвонил своему начальству. Войдя в контакт с абонентом, вышел в коридор, стал излагать ситуацию невидимому майору, с которым говорил, советовался, как поступить, и потребовал помощи в виде дополнительного наряда. Воскобойников усадил «Анну» на диван. Из отдельных фраз, доносившихся из коридора, понял, что дело плохо. Взял со стола мобильник и позвонил Кабанову. По счастью, Кабанов оказался дома и был трезв. Воскобойников, не вдаваясь в детали, рассказал о том, что произошло, и попросил немедленно приехать.

Кабанов (все же старая дружба не была для него пустым звуком) отреагировал так же оперативно, как и в первый раз. Уже через двадцать минут, во время которых милиционеры томились в прихожей в ожидании подкрепления, он звонил в дверь квартиры Воскобойникова, хмуро оглядываясь на возбужденных женщин, оккупировавших площадку и лестничные марши.

Открыл ему один из милиционеров, топтавшийся у самой двери. Кабанов, отстранив его, решительно прошел в квартиру.

— Что это там за цирк на лестнице? — воскликнул он, увидев шагнувшего навстречу Воскобойникова. Присутствие на этаже толпы, состоящей из женщин, ошеломило его. — Чего им надо? Не выношу баб в таком количестве.

— Кто такой? — выступил вперед наглый лейтенант, и усы у него шевельнулись, как у кота. Появление решительного человека в штатском не входило в его планы.

— Подполковник Кабанов... — представился тот. Сунул руку под борт серо-голубой дубленки и вынул оттуда служебное удостоверение.

Заглянув в корочку, лейтенант сразу изменился в лице. Звание гостя и место работы произвели на него впечатление. Он козырнул и затих, ожидая, что скажет подполковник.

— Доложите обстановку, лейтенант, — приказал Кабанов.

Лейтенант стал докладывать:

— Женщины явились сюда, уверенные, что в этой квартире принимает больных известная целительница, а жильцы решили, что те собрались здесь по другой причине — желая получить работу в подпольном притоне. Притона здесь не оказалось, но вот проститутка с сутенером имеются. Хотели забрать их в отделение, но боимся, что женщины на лестнице устроят побоище, думая, что данная девица, — лейтенант указал пальцем на «Анну», — целительница. Ждем подкрепления, чтобы вывести задержанных и убедить женщин отправиться по домам.

Кабанов строго посмотрел на лейтенанта: что же ты за особь такая, если принимаешь интеллигентного человека за сутенера? Наверное, еще и деньги вымогал, подумал он. И обратился к Воскобойникову, стоявшему в стороне с мучительной гримасой на лице:

— Насколько я понимаю, — он кивнул в сторону «Анны», — это и есть твой подарок?

Воскобойников кивнул.

Лейтенант в недоумении посмотрел на обоих. Что имел в виду под словом «подарок» явившийся столь неожиданно подполковник?

Кабанов приблизился к «Анне», с любопытством оглядел ее. Та ответила невинным взглядом.

— Да-а... — вымолвил он, завершив изучение сидевшей в свободной позе женщины, которая никак, по его мнению, не походила на резиновую и которую доставили сюда в коробке. Полный сомнений, вновь устремил взгляд на Воскобойникова: — Это правда она?

— Она, она, — подтвердил тот.

И только тут лейтенанту пришла в голову мысль, что подполковник с Петровки и хозяин квартиры, вероятно, хорошо знают друг друга, если изъясняются загадками. И это ему явно не понравилось. Но гость с Петровки был намного старше по званию, и тут уж лучше не чирикать, чтобы не получить потом по шее от своего начальства.

Кабанов резко на каблуках повернулся к лейтенанту.

— Послушай, лейтенант, с какого перепоя ты решил, что этот человек — сутенер?

— Ну...

— Гну! — потемнел лицом Кабанов. — В таких делах нужны факты, а где они? Вместо того чтобы разби-

раться с бабами на лестнице и отправить их по домам, ты навалился на честного мужика! Небошь, еще и бабки вымогал — за улаживание дела... Вымогал? Скажи честно.

— Ну...

— Ясно. Глаза твои бесстыжие!.. Это честный человек, я его знаю немало лет, а ты сразу: сутенер!

— Виноват, товарищ подполковник! — потупился лейтенант, но тут же вновь поднял на подполковника наглые глаза: — А как же девица? — Он указал на «Анну». — Это явно не целительница... К тому же без паспорта... И вид, я бы сказал, весьма и весьма... — Он не договорил.

— Послушай, лейтенант. Тебя направили навести порядок в доме? Вот и наводи. Бери своих ребят и иди на лестницу — работай. Даю тебе на все про все полчаса... ну, минут сорок... Действуй, время пошло!

Милиционеры безрадостно, точно их отрядили копать могильную яму, отправились на лестничную площадку. Как управляться с таким количеством возбужденных женщин, убежденных, что за стенами находится целительница, к которой им необходимо записаться на прием, было непонятно. Лейтенант надеялся на прибытие дополнительного наряда — всё же легче будет.

Воскобойников и Кабанов остались одни. Вновь оглядев «Анну», Кабанов спросил:

— Она в самом деле резиновая?

— А ты потрогай...

Кабанов взял «Анну» за руку, потрогал ее пальцы. Та недовольно отвернула голову.

— Действительно, силикон... — Кабанов, успевший много разного повидать за годы своей службы, был не-

мало озадачен. — Но она двигается, осмысленно реагирует... Как это возможно?

— Сам затрудняюсь ответить на этот вопрос... Понимаешь, мы ее тут с приятелями покрестили, и после этого она пошла.

— В каком смысле — покрестили?

— В самом прямом. Зашли приятели в гости, говорят: давай ее покрестим, раз она у тебя в доме живет, ведь ты же православный? Пригласили священника, двух крестных, как положено, совершили обряд...

Кабанов покачал головой.

— Вот дураки! Крестить резиновую бабу! Делать вам нечего!

— Это не я... Это они. Выпили в честь Нового года и говорят: давай окрестим ее.

— А ты малый ребенок — куда они, туда и ты... — Кабанов удрученно покачал головой. — Что же выходит, душа у нее появилась?.. Это скверно. С такими вещами шутить нельзя.

«Анна», слушавшая разговор, была недовольна, что Кабанов ругает Воскобойникова.

— Однажды, в связи с одним уголовным делом, мы ставили следственный эксперимент, — продолжал Кабанов. — Пригласили священника и попросили показать обряд крещения... А в качестве объекта, чтобы удобнее было показывать, вывели к нему служебную собаку. Священник просто показывал со словами молитвы все стадии обряда, ну и, конечно, поливал ее водой, как положено. И что ты думаешь? После этого Шалтая, так звали пса, словно подменили. Он перестал слушаться, начал проявлять строптивость, а после и вовсе сбежал. Через два года один наш сотрудник случай-

но обнаружил его в цирке, в Воронеже, там он ходил по проволоке, вместе с акробатами... Мерзкая история!

— Вот видишь. Недаром я обратился к тебе за помощью. Помогите найти дарителя. Если он найдется, я отправлю Анну к нему, и дело с концом.

— Какую Анну? У нее и имя есть? — удивился Кабанов.

— Есть. Это тоже — приятели. Давай, говорят, назовем ее Анной, нельзя в доме женщину без имени держать.

— Нехорошо всё это: имя, крестины... — сказал Кабанов. — У тебя выпить есть?

Воскобойников отвел школьного друга на кухню. Налил водки, поставил ту самую квашеную капусту, которой в банке оставалось на четверть.

Кабанов успел выпить, но закусить не успел. Помешали нервные звонки в дверь. Оба вышли в прихожую.

Это вернулся лейтенант. Лицо его вспотело, и весь он был какой-то взъерошенный. От былой самоуверенности не осталось следа. Взгляд его зеленоватых глаз был тревожен. В открытую дверь в спину ему, точно воздушная пробка, ударил гул возбужденных голосов.

— Товарищ подполковник, — сказал он, прикрыв дверь, — женщины не желают расходиться. Требуют целительницу. Нет, говорю, здесь никакой целительницы. Не верят. Требуют пустить их представителей в квартиру...

— Вот еще! — возмутился Воскобойников, — Мне только женской депутации не хватало! Имею я право на неприкосновенность личной жизни?

— Имеешь, имеешь, — сказал Кабанов. — Но не сейчас, раз такая каша заварилась... Придется пустить

их представителей. Лейтенант, иди и скажи, что выйдет подполковник и будет с ними говорить.

Лейтенант с обреченностью во взоре, словно ему предстояло вернуться в преисподнюю, вышел за порог и прикрыл за собою дверь.

— Так, — Кабанов сосредоточенно оглядел комнату. — Надо спрятать эту резиновую девку, чтобы избежать лишних разговоров... Есть куда?

— В платяной шкафу. Но она всякий раз упирается ногами, не хочет там сидеть.

— Мы ее и спрашивать не будем, — заявил Кабанов.

Вдвоем они подхватили «Анну» под руки и понесли к платяному шкафу.

— Сиди тихо, я тебя прошу, — приказал Воскобойников и закрыл на всякий случай дверцу шкафа на ключ.

Кабанов оглядел комнату: нет ли каких следов пребывания женщины в доме? Воскобойников понял, что беспокоит его друга.

— У нее вещей-то всего — платье, трусы и балетки на ногах, — пояснил он, — да пара чулок в придачу. Больше в коробке ничего не было.

Кабанов зашел на кухню, выпил еще рюмку для крепости духа и, велев Воскобойникову оставаться в квартире, отправился на лестничную площадку.

Увидев его, крепкого мужчину с волевым подбородком и сталью во взоре, строго глядящего им в лица, женщины постепенно смолкли, сначала в первых рядах, а затем и все остальные, словно постепенно отключали ток на всех участках электроцепи.

— Женщины! — воскликнул Кабанов, встав в позу революционного оратора и подняв вверх широкую ладонь. — Я — подполковник милиции Кабанов. Вот мое

удостоверение. — Он вынул из кармана пиджака удостоверение, развернул его и показал женщинам, стоявшим в первых рядах.

— Правду говорит, документ соответствует, он — подполковник... — подтвердили те, обращаясь к стоящим сзади. И эти, задние, передали эту информацию дальше, как эстафетную палочку. И так она добежала до нижнего этажа, и находившиеся там решили, что дело наконец-то сдвинется с мертвой точки, раз пришел важный милицейский чин.

А Кабанов между тем, вдохновленный всеобщим вниманием, продолжал:

— Я ответственно заявляю, что целительницы, из-за которой вы пришли сюда, в квартире нет! Она здесь не проживает! — И, опережая возгласы сомневающихся в том, что он говорит правду, а таких здесь было немало, выкрикнул: — Вы можете убедиться в этом сами, отправив в квартиру своих представителей! Не более пяти человек! Я сам провожу их туда. С хозяином квартиры договоренность имеется...

Пока женщины определялись, кого отправить на «передовую» (а желающих оказалось немало, даже чуть не возникла склока по этому поводу, но спорящих вовремя примирили), Кабанов в позе боевого командира, следящего за удачным развитием атаки, созерцал эту картину. Бросил победный взгляд в сторону милиционеров, жавшихся друг к другу, которым несладко пришлось в противостоянии с женщинами.

Наконец пять отобранных, во главе которых оказалась темноволосая девушка в дубленке, с решительным взглядом, с поджатыми губами, с несомненными задатками лидера, окружили Кабанова. Еще одна, в те-

плом платке, опущенном на воротник темно-зеленого пальто, с прядью светлых завитых волос, змеившейся вдоль щеки, судя по ее возбужденному лицу, из числа наиболее непримиримых, замыкала группу.

— Значит, так... Ходить по квартире строго за мной, — начал инструктаж Кабанов. — Это частная собственность, хозяин понятия не имеет о вашей целительнице... Вы для него — стихийное бедствие. Еле уговорил его впустить вас.

Женщины спокойно выслушали его, но в глазах у каждой сквозило недоверие: есть, есть целительница, только ее почему-то скрывают! Любят у нас преследовать незаурядных людей!

Пока шли переговоры, Воскобойников ушел в гостиную, подальше от шума на лестнице.

Солнечный день за окном начал вянуть. Снег искрился на карнизе, но не так остро, как с утра. Солнце все еще ярко проглядывало сквозь дымку, и его розоватый свет заливал улицы, придавая благородство убогим строениям, прохожим, одетым по большей части в темное, деревьям с оголенными ветвями, покрытыми снегом. И только черная очищенная дорога, по которой в дымных клубах передвигались машины, не желала принимать благородный вид и отрывивала из-под колес грязную кашу. Но это не портило общей картины. Большая часть пространства розово светилась, словно до него долетело дыхание цветущих по весне вишневых садов.

И чего им не сидится дома, подумал Воскобойников о женщинах, собравшихся на лестнице. А еще лучше — встали бы на лыжи или пошли на каток. Да и просто пройтись по улице в такой-то день — тоже удоволь-

ствие! Так нет же! Обуянные ложной идеей, они будут толкаться на лестнице, курить друг другу в лицо, молоть вздор, не понимая, что оказались заложницами чужих представлений о том, что хорошо и что плохо, и, не желая считаться с реальностью, отдали себя во власть химер. Большинство этих женщин молоды, полны сил и вряд ли страдают от каких-либо серьезных болезней. Но у них есть желание получить что-то для себя впрок — мало ли! — так надежнее. Молва ж о чуде (а его, может, и не было вовсе) нередко бежит впереди того, кто берет на себя смелость исцелять людей.

В дверь позвонили. Воскобойников пошел открывать. При виде пяти делегатов, вошедших в квартиру за Кабановым, на лице его отразилось страдание. Захотелось немедленно продать квартиру и уехать куда-нибудь подальше от Москвы — на Дальний Восток, к примеру, в глухой поселок, где ему никто не станет докучать.

— Показывай, хозяин, жилые комнаты и прочие помещения, — сказал Кабанов, стараясь держаться официально, словно они не были с Воскобойниковым в друзьях.

— Смотрите, — вздохнул Воскобойников. — Вот прихожая...

Затем направился в гостиную. И вся цепочка из шести человек, с Кабановым во главе, проследовала за ним. Женщины с пристальным вниманием оглядывали стены и предметы в комнате, не пропуская ни одного закутка. Блондинка в темно-зеленом пальто заглянула даже за елку — но расстояние между елкой и стеной было слишком узким, чтобы там мог поместиться человек. Девушка в дубленке, возглавлявшая депутацию, за-

глянула под обеденный стол, стоявший в центре, — пусто. Посмотрела через стекло на закрытый балкон, где лежали присыпанные снегом какие-то коробки. И идущие за ней — одна за другой — посмотрели туда же: никого!

Потом женщины осмотрели кухню, ванную и туалет, заходя туда по очереди, и, не обнаружив следов той, которую они жаждали видеть, разочарованные, последовали за хозяином дальше.

Когда вошли в спальню, Кабанов как бы ненароком встал у платяного шкафа, спиной к нему, чтобы воспрепятствовать проникновению в него, если у кого-то из депутации возникнет желание заглянуть внутрь. Но желания не возникло. Видимо, женщины посчитали для себя неприличным лазить по чужим шкафам.

Когда все переместились обратно в прихожую, блондинка в темно-зеленом пальто сказала, не удовлетворенная результатами осмотра:

— Куда же она все-таки делась?

И с подозрением взглянула на Воскобойникова.

— Да не было ее здесь! Это ложная информация, — возбудился тот. — Ко мне, бывает, заходят женщины... Но с целительницами я дружбу не вожу.

Кабанов строго оглядел женщин.

— Вы осмотрели, что хотели?

— Осмотрели, — подтвердила брюнетка в дубленке.

— Вопрос снят! Идите, доведите информацию до остальных и расходитесь.

— Нет, что-то здесь не так! — не сдавалась блондинка в темно-зеленом пальто. — Целительница была, это точно. Позавчера она принимала по этому адресу двух девушек...

— Вранье! — заявил Воскобойников.

— Вранье! — согласился Кабанов.

Брюнетка в дубленке сделала шаг к Кабанову.

— Слушайте! Вы бы лучше убийц и педофилов ловили, а вы боретесь с целительницами! Кому они мешают? Никому. Они делают полезное дело.

— Я с целительницами не борюсь! — рассердился Кабанов. — У меня другой профиль... Вам же я предлагаю немедленно покинуть дом, иначе мне придется вызвать ОМОН. — Он открыл дверь, давая понять, что женщинам следует покинуть прихожую.

И тут случилось неожиданное. Из недр квартиры доносился глухой стук. Он стих, затем повторился с новой силой. Блондинка в темно-зеленом пальто, словно чуткая гончая, сделала стойку. Повернулась на стук. Женщины переглянулись. Кабанов не понял, что это за звуки. А вот Воскобойников помертвел, сразу сообразив, что это «Анна», которой надоело сидеть в шкафу, барабанит в дверцу изнутри.

Оттеснив Кабанова и Воскобойникова в сторону, женщины дружно рванулись на стук и вновь оказались в спальне. Стук доносился из платяного шкафа. К счастью, ключ был в замке, и через мгновение дверца была распахнута. Из шкафа — к изумлению и радости женщин — вылезла молодая особа, хоть и легкомысленного вида, но весьма похожая на целительницу, о которой шла речь.

— Я чувствовала, что вы скрываете ее, — заявила с победным видом блондинка в темно-зеленом пальто, обращаясь к Воскобойникову, появившемуся в дверях. И поправила сбившийся на плечах платок. — Девушки! Это она — Анна Кригер!

«Анна», довольная тем, что выбралась наконец наружу, с любопытством оглядывала стоявших перед ней женщин.

— Бросьте! Никакая это не Кригер! — заявил бледный Воскобойников, понимая, что теперь унять толпу на лестнице вряд ли удастся, и это повергло его в ужас. Рассказывать этим безумным девицам, что они видят резиновую женщину, присланную ему в подарок накануне праздников, было бессмысленно. — Это моя родственница из Краснодара! — выкрикнул он с отчаянием утопающего, погружающегося в морскую пучину.

— А почему она в шкафу?

— Долго рассказывать... Но поверьте, это не она.

— Не верим! — Брюнетка в дубленке обратилась к «Анне»: — Женщина, признайтесь, вы же Анна Кригер?

«Анна» ответила молчанием. Это молчание было воспринято как подтверждение правоты женщин.

— Гражданки!! Покиньте квартиру! — потребовал Кабанов, видя, что ситуация принимает катастрофический характер и теперь без ОМОНа не обойтись. Можно, конечно, плюнуть на всё это и уйти (в конце концов, он здесь случайный посетитель), но Кабанов не такой был человек. — Я ответственно заявляю, эта женщина не целительница! — выкрикнул он, вытаскивая для пущей убедительности пистолет из кармана и пытаясь отеснить депутацию. — Вам же сказали: она родственница хозяина квартиры!

На пару с Воскобойниковым, которому сложившаяся ситуация прибавила отваги, они выдавили женщин на лестничную площадку. Может, на тех подействовал вид рассерженного Кабанова, потрясающего пистолетом и готового стрелять вверх голов..

— Ну что там? Рассказывайте! — точно гигантское животное, шевельнулась толпа на лестнице, увидев депутацию, вытесненную из квартиры.

— Она там! — выкрикнула блондинка в темно-зеленом пальто, вскинув вверх обе руки. — Ее от нас скрывают!

— И держат как пленницу! — добавила темноволосая девушка в дубленке.

Толпа ответила громким возмущенным гулом, отчего Воскобойникову показалось, что задрожали стены.

Выглянув на лестницу, Кабанов с удовлетворением отметил, что к милиционерам прибыло подкрепление и теперь уже пятеро стояли перед возбужденной толпой.

— Лейтенант, держись! — крикнул Кабанов лейтенанту. — Я вызываю ОМОН!

Закрыв на замок дверь, он повернулся к Воскобойникову:

— Ну и заварил ты, брат, кашу!

— Я заварил?!

— Теперь уже без разницы, кто заварил! А вот расслабывать, как всегда, придется нам, — заявил он, имея в виду милицию.

Кабанов вынул мобильник из кармана, позвонил куда-то. Назвал себя. Коротко объяснил, что происходит в жилом доме по такому-то адресу, и попросил прислать группу омовцев, и как можно скорее, пока одуревшие женщины не разнесли подъезд в щепки.

А женщины тем временем, проявив незаурядное стремление к достижению цели, стали теснить милиционеров к дверям соседних квартир, отбиваясь от стражей порядка руками и ногами, не стесняясь в выборе

приемов. Усатому лейтенанту, подпиравшему своих товарищей в спину, крепко досталось в ухо. Удар был столь силен, что он, увидев, как поплыли перед глазами фигуры людей, подумал, что та, которая нанесла его, вероятно, занимается боксом, черт бы ее подрал! А как славно начиналось сегодня дежурство: тихо, мирно, без привычных эксцессов (даже выпили по «сто» по случаю праздников), пока этот мудозвон с проституткой не собрали в доме толпу из сумасшедших баб.

С немалыми усилиями милиционерам удалось отбить атаку и оттеснить женщин на половину лестничного марша вниз. Женщины оказывали яростное сопротивление. Узкое пространство не позволяло милиционерам держаться цепью, и женщины воспользовались этим. Они выдернули из милицейской группы сперва одного, затем второго, из тех, что были послабее своих товарищей, и, утянув их в толпу, протащили по цепочке вниз, туда, где их возбужденные товарки, не занятые в боевых действиях на переднем крае, ждали своей очереди вступить в сражение. Наградив тумаками захваченных милиционеров, их выкинули из толпы этажом ниже, и те, в синяках и ссадинах, лишившись по пути своих теплых шапок, сочли за благо ретироваться, переложив тем самым на плечи ожидаемых омоновцев дальнейшее укрощение разбушевавшейся толпы.

И омоновцы вскоре появились. Что было весьма своевременно. Первая группа выкатилась из грузового лифта на этаже, где жил Воскобойников. Другая, поднявшись следом, десантировалась этажом ниже. Цель была — рассеять толпу на две части, чтобы легче было ее рассеять и выдавить из подъезда. Женщин, настроенных идти до конца, не напугало прибытие омонов-

цев. К ним тоже явилась помощь в виде срочно вызванных мужей и ухажеров. У тех тоже имелись дубинки, и ребята были там крепкие. Завязалось настоящее побоище. Если бы сторонний наблюдатель захотел отразить сцены этой битвы на живописном полотне, ему потребовался бы талант, равносильный таланту Сурикова или Рубо.

Омоновцы были проинструктированы начальством: обращаться с женщинами в щадящем режиме, чему они и старались следовать. Что же касается мужчин, о которых речи не было, то тут омоновцы дали волю своим чувствам и молотили их своими дубинками от души. Некоторые из них, кому особенно досталось в драке, сожалели, что не могут применить оружие, тогда удалось бы очистить лестничные марши в считанные минуты и обойтись без серьезных травм.

Кабанов выглянул из квартиры, чтобы оценить положение дел, и с удовлетворением отметил, что омоновцы не столь быстро, но все же одерживают верх, выдавливая противостоящих им женщин и мужчин с одного лестничного марша на другой. Вторая группа действовала столь же успешно. Примерно через полчаса подъезд был освобожден, а активисты сборища посажены в автозаки и увезены в неизвестном направлении. Во избежание повторения ситуации у подъезда поставили дежурный наряд.

— Победа! — сдержанно произнес Кабанов, оглядев опустевшую лестничную площадку и марши, примыкающие к ней, — всё это замусоренное, со следами грязи и крови на стенах; на одной из ступенек лежали потерянные кем-то наручные часы на кожаном ремешке, ниже — шерстяной платок, маленькая пудреница из

желтого металла, шапка-ушанка, а еще ниже — раздавленная пачка сигарет.

— Может, имело смысл отдать «Анну» толпе, раз уж они так жаждали ее увидеть? — спросил устало вышедший следом за Кабановым Воскобойников, глядя с брезгливым чувством на уходящую вниз затоптанную грязную лестницу. — Пусть потрогали бы, посмотрели...

— Э нет, — сказал Кабанов, — толпе потакать нельзя. А резиновую девку тебе следует побережь... Она отныне — вещдок. Мало ли что еще может случиться!

И предложил отправиться куда-нибудь, посидеть за рюмкой водки, чтобы снять стресс и расслабиться. Воскобойников не возражал — этот день стоил ему немалых душевных сил.

По совету Кабанова он написал от руки объявление, в котором сообщалось, что интересующая народ целительница проживает по другому адресу, и, уходя из дома, приклеил его на дверь подъезда,

Какие-то проказливые подростки, прочитав это объявление, потихоньку дописали отсутствующий адрес — это был адрес их одноклассника, жившего на соседней улице, которому они хотели насолить, не думая о возможных последствиях.

После нашествия женщин, возбудившего надолго жителей подъезда, Воскобойников начал с удвоенной энергией искать того, кто послал ему «Анну» в подарок. Проще всего было избавиться от нее (передарить кому-либо или выбросить в мусорный контейнер во дворе, откуда ей был бы прямой путь на свалку), но ему страстно хотелось вернуть ее дарителю, чтобы тот мог вкусить все те неприятности, которые странным образом связаны с «Анной» и от которых мирно текущую жизнь Воскобойникова скособочило, точно больного, страдающего радикулитом. Обозначив круг «подозреваемых», он звонил знакомым мужчинам и женщинам, пытаясь разными способами выведать, не причастен ли тот, кому он звонит, к данной проделке. Задавая вопросы, он был весьма аккуратен и тщательно прятал сверхзадачу в ворохе слов, как прячет страдающий влюбленный любовное послание в букет цветов, чтобы оно не попало в чужие руки. Поиски не дали результата. Либо он так и не вышел на дарителя, либо тот сумел

перехитрить его, не выдав себя в разговоре ни единым словом.

По ночам ему снилось черт-те что. Прежде редко тревожные, теперь его сны носили беспокойный характер, и утром, если он помнил их содержание, то пытался понять, что они могут значить. Снились ему крупные рыжие тараканы, плавающие во множестве в графине с водкой, и его мучила мысль, как они оказались там и почему недохнут. Станный способ настаивать водку! Снились женщины, с развевающимися волосами и все в темно-зеленых пальто, бегущие за ним по улице, а он удирал от них почему-то на лыжах. Снились какие-то козы с колокольчиками на шеях, толкущиеся где-то в загоне. Звон колокольчиков был назойлив, неприятен, напоминал тупое звяканье бутылок, отчего хотелось посрывать их, и он даже попытался это сделать, но козы, обычно глупо-попослушные, ускользали из рук, демонстрируя свою строптивость... Как-то ему приснился пес Шалтай, сбежавший из милиции в цирк, о котором рассказывал Кабанов. Он шагал ловко по натянутой проволоке, а за ним — также по проволоке — шла резиновая «Анна». В одной руке она держала китайский зонтик, в другой — будильник, видимо, для равновесия. Какой-то человек с бородой, сидевший рядом с Воскобойниковым, сказал ему с непритворным удивлением: и ты разрешаешь своей бабе ходить по проволоке?! В трико, на виду у всех? Молоток! Да она не моя баба, пытался убедить его Воскобойников. А чья же? — не поверил тот. И поразил его своей логикой: твоя она, раз ты глаз от нее оторвать не можешь!.. Вот такая снилась дребедень, отчего Воскобойников просыпался в скверном расположении духа.

Близилось православное Рождество. Как-то в один из дней в дверь позвонили. Открыв дверь, Воскобойников увидел перед собой мужчину лет тридцати восьми, гладко выбритого, с холеным лицом, несколько надменного, в ондатровой шапке, надетой почти до бровей и некоторым образом удлинявшей его голову.

— Я — муж Тани, — представился он. — Привез ключи.

И хотя у Воскобойникова не было желания познакомиться с этим человеком, занявшим его место в жизни Шультайс, но просто взять ключи и не пригласить того в квартиру он не мог. И Воскобойников предложил ему войти.

Муж Тани вошел, сняв предварительно шапку и оголив начинающую лысеть голову. Сунул руку в карман темно-серого элегантного пальто, вынул оттуда два ключа, соединенных металлическим кольцом, протянул их Воскобойникову. Воскобойников взял ключи, сдержанно поблагодарил. Повесил их на крючок возле вешалки. Ждал, что последует дальше.

Муж Тани чего-то тянул, не уходил. Он был чем-то обеспокоен. Причина этого беспокойства стала ясна через минуту.

— Разрешите воспользоваться вашим туалетом? — попросил он. — А то, понимаете ли... — Он не договорил.

— Пожалуйста, — разрешил Воскобойников. — Туалет налево по коридору.

И предложил гостю снять пальто и повесить его на вешалку. Что тот и сделал.

Стоять в прихожей и ждать, когда муж Тани облежится, было глупо и даже унижительно, и Воскобой-

ников вернулся в гостиную, к компьютеру, где сидел до прихода гостя. Сел боком, чтобы видеть, когда муж Тани пойдет обратно.

Муж Тани появился как-то бесшумно и так же бесшумно, словно тень, заглянул в комнату. Теперь, после того как он облегчился, у него включилось любопытство и захотелось узнать: в каких условиях жила его жена до встречи с ним? Коротко оглядев гостиную, где высилась елка, перемигиваясь разноцветными лампочками, он наткнулся взглядом на «Анну» и слегка опешил от неожиданности. Он не предполагал, что в квартире есть еще кто-то, кроме хозяина. Таня убеждала его, что Воскобойников живет один. Муж Тани поздоровался с незнакомкой. Звук его голоса оторвал Воскобойникова от компьютера, и он пожалел, что упустил момент, когда гость вышел из туалета в коридор. Теперь гость увидел ту, которую ему не следовало видеть. Впрочем, плевать, кто ее теперь только не видел! Воскобойников поднялся со стула, направился к мужу Тани, стоявшему в дверном проеме. Тот неожиданно оживился, стоило «Анне» кивнуть в ответ на его приветствие. В глазах его светился интерес, а широкое холеное лицо готово было растянуться в улыбке. Неужели этот малый бабник? — подумал смешливо Воскобойников. Или внешность «Анны» произвела на него столь сильное впечатление, что он засиял, как отдраенная до блеска кастрюля? А может, он тоже решил, что перед ним целительница, как там ее? — Анна Кригер!

Бежали секунды, а муж Тани не уходил. Воскобойников молча разглядывал его. Чувствуя, что пауза затянулась и следовало ее как-то оправдать, муж Тани неуверенно проговорил:

— Морозный день сегодня...

— Да. Холодно, — подтвердил Воскобойников.

— Таня намеревалась сама привезти ключи, но вот мороз... и она попросила меня.

— Мне без разницы. Главное — ключи у меня.

Муж Тани тянул время и не уходил. Ведя разговор с хозяином квартиры, косился на «Анну».

— Наверное, нам бы следовало как-то представиться друг другу, — сказал он Воскобойникову.

— Зачем?

— Ну... Есть нечто, что нас объединяет.

— Вы говорите о Шультайс? Не думаю. Я — прошлое, вы — настоящее, а это два разных времени... К тому же Тане это вряд ли придется по вкусу, если мы начнем дружить.

«Анна» тем временем поднялась с кресла и с независимым видом прошла к выходу. Задержалась возле гостя. Взглянула на него без особого интереса. Куда это она поперлась? — подумал с неудовольствием Воскобойников — ведь у нее нет нужды ни в еде, ни в ванной комнате, ни в туалете. Правда, в последнее время «Анна» стала брать книги с книжных полок и пыталась читать. Но Воскобойников уже ничему не удивлялся.

Воспользовавшись задержкой «Анны», муж Тани заговорил с нею.

— Меня зовут Сергей... У вас, я вижу, красивая елка. Кто ее наряжал?

— Я, — сухо отозвался Воскобойников, оборвав нить в разговоре, за которую гость хотел зацепиться. Кажется, этот малый и вправду на нее запал, подумал он. Какая неожиданность! Может, отдать ему ее? Явись он с нею к Шультайс, та так и рухнет.

«Анна» тем временем вышла из комнаты. Говорить больше было не о чем, и муж Тани сказал:

— Я пойду.

— Да-да.

Закрыв за гостем дверь, Воскобойников решил посмотреть, чем занимается «Анна». Он нашел ее в спальне. Она лежала на кровати и смотрела в потолок, на котором вспыхивал и загорался красный свет, отражавшийся от рекламы в доме напротив, смонтированной перед Новым годом. Была половина пятого дня, но за окном уже сгущались сумерки, и от вспышек света в душе Воскобойникова возникла неясная тревога. Увидев его, «Анна» сделала жест рукой, предлагая ему сесть рядом. Воскобойников покачал головой и объяснил «Анне», что ее место не здесь, на хозяйской кровати, а в гостиной или же в чулане. И впервые подумал о том, что ее следует упаковать обратно в пленку и убрать в чемодан. Тем самым закончатся все ее хождения. Но в следующее мгновение ему стало неловко от этой мысли: ведь она теперь почти человек.

Неожиданно позвонила Шультайс. Из разговора с бывшей женою Воскобойников понял, что муж ее уже добрался до дома.

— Тебя можно поздравить? — сказала она.

— С чем?

— У тебя появилась женщина, и говорят, весьма смазливая...

— Ну... — замялся Воскобойников, — считай, что это так.

— Я рада за тебя.

— Я тоже.

— Надеюсь, она умна, умеет готовить?

— Умеет.

— Честно говоря, я думала, что ты не скоро найдешь себе пару.

— Почему?

— Ты одинокий хорек. Тебе никто не нужен...

— Может быть... Признаюсь, меня удивляет твой нынешний интерес к моей персоне.

— Ничего удивительного. Я отдала тебе несколько лет из своей драгоценной жизни.

— Лучших лет! — подчеркнул Воскобойников.

— Не льсти себе, — сказала Таня. — Надеюсь, лучшие годы у меня впереди. — И отключила трубку.

После разговора с бывшей женой Воскобойников повеселел. Он почувствовал, что Таню злит, что у него появилась женщина. Если бы она знала, о ком идет речь! Как бы то ни было, его порадовало, что наличие женщины у него в доме доставляет ей неприятные эмоции. Значит, какой-то червячок внутри, связанный с их общим прошлым, все еще живет, все еще шевелится и беспокоит ее.

Позвонил Брагинец, не звонивший два дня. Стал приглашать Воскобойникова в гости. Сказал, что не только он, но и жена Алла хотела бы его видеть. Воскобойников стал отказываться, сославшись на усталость. Какая усталость? Брось! Праздники в стране! — не сдавался Брагинец. На что Воскобойников, объясняя причины усталости, рассказал ему в подробностях о нашествии женщин, пытавшихся проникнуть к нему в квартиру, решивших, что он прячет у себя известную целительницу. Им всем, блин, вдруг захотелось лечиться, закончил неприязненно он свой рас-

сказ. Брагинец оживился, прерывал речь Воскобойникова выплесками смеха, уточнял детали и опять хохотал, услышав их.

— А как Анна? — спросил он, отсмеявшись.

— А что — Анна? Рассказывает по комнатам или сидит в кресле возле елки. Строит глазки случайным гостям, которые появляются в квартире. На меня смотрит, чего-то ожидая. Тут предложила сесть рядом на постель. В общем, живое существо, только не говорит... Неудачная, скажу я тебе, была шутка — крестить ее.

— Брось! Не грузи себя, жизнь и без того тяжелая ноша.

— Как ты не понимаешь — окрестив ее, мы открыли какой-то неведомый нам клапан, через который в нее вошла душа... И теперь, если сломать ее, — Воскобойников понизил голос, — или выбросить на помойку, это будет равносильно убийству...

— Ну, старик, ты загнул насчет убийства!.. Это всего лишь силиконовая кукла! Тебе следует показаться врачу! Хочешь, у меня есть хороший психиатр?..

— Пошел к черту!

На этом разговор завершился. Совет Брагинца показаться психиатру привел Воскобойникова в негодование: устроили с этой куклой потеху, а теперь — покажись психиатру! То, что «Анна» ходит по квартире, сидит в кресле, строит глазки, видит не только он, но и другие. Следовательно, с психикой у него полный порядок.

Придя в себя, он позвонил Кабанову, снова просил посодействовать в поисках неизвестного дарителя. Кабанов обещал помочь. За меньшую, конечно, цену, по-

нимая всю необычность ситуации. С юмором поинтересовался, как здоровье «Анны». Спросил: не толпятся ли кликушествующие бабы у него под дверью? Порадовался, что второй день — никого. Видимо, сработало объявление на двери подъезда.

Часов в восемь вечера раздался звонок в дверь. Глянув в дверной глазок, Воскобойников увидел широко улыбающегося Брагинца. Вот мерзавец, приперся, сник Воскобойников. Поначалу он не хотел открывать дверь, но по слабости душевной все же открыл. Брагинец оказался не один. За ним прятался Петренко.

— Вот, привел тебе психиатра!

Вслед за Петренко из укрытия с громким смехом вывалились еще несколько человек: жены того и другого, а также Филипп Порошин, еще один приятель, с женой. Появление шумной компании с бутылками и свертками в руках привело Воскобойникова в состояние ужаса. Все прибывшие набросилась на него. Воскобойникова тискали, целовали, поздравляли с наступающим Рождеством, а он криво улыбался в ответ. Не спрашивая его согласия, компания ввалилась в прихожую, заполнила ее и часть коридора. А там, громко переговариваясь, гости снимали с себя шапки, дубленки и шубы и, став меньше в объеме, точно обшипанная для жарки домашняя птица, покатались в квартиру. В коридоре разделились надвое: мужчины, потирая руки, пошли в гостиную, женщины — на кухню, освобождать пакеты с принесенной едой и готовить трапезу.

Мужчины окружили Воскобойникова: ну, рассказывай! Воскобойников без особой радости повторил

все то, что рассказывал ранее Брагинцу по телефону. Петренко чувствовал себя героем: это ему пришла в голову идея окрестить «Анну», после чего включился невидимый механизм, и она стала двигаться и действовать, точно живая. Тоже мне, Пигмалион! — буркнул Воскобойников. Петренко только польстило это замечание. «То, что бабы в таком количестве осадили твою квартиру, — заметил он, — редкая удача! Это встряхнуло твою застойную, как болото, жизнь! Иногда подобные встряски просто необходимы». — «Знаешь, — заявил Воскобойников, — я соберу этих женщин у твоей квартиры. И посмотрим, что скажет твоя жена». Мужчины дружно посмеялись над шуткой. Затем последовали новые вопросы. Приятелей, и в первую очередь Порошина, для которого вся эта история была в новинку, интересовало буквально все, связанное с «Анной». Что она делает в отсутствие Воскобойникова? Как ведет себя наедине с ним? Как поступает, когда приходят гости? Воскобойников рассказал несколько эпизодов. Один был связан с неожиданным приходом Леры, которая приняла «Анну» за любовницу Воскобойникова, второй — с появлением мужа Тани Шультайс, тот привез ключи и вдруг проявил интерес к «Анне», что его, Воскобойникова, немало позабавило. Рассказал он и о приходе тети Клавы с дочерью; девчонка приняла «Анну» за известную целительницу, что и послужило толчком к нашествию женщин. (То, что «Анна» во время визита родственниц появилась в коридоре с голой грудью, желая эпатировать их, Воскобойников утаил.) Потом поведал о появлении в квартире милиционеров и как старший из них, наглый лейтенант, вымогал у него день-

ги, объявив Воскобойникова сутенером, а «Анну» — проституткой, раз у той нет паспорта. Если Воскобойников не хочет осложнений, заявил он, пусть платит бабки. «Шестьсот долларов, как вам это понравится? И если бы не мой школьный дружок Кабанов, неизвестно еще, чем бы всё кончилось». — «Теперь с этим проблем не будет», — загадочно ухмыльнулся Петренко. И они с Брагинцом обменялись многозначительными взглядами, от чего Воскобойников почувствовал неясную тревогу: опять что-то затевают!

Когда женщины накрыли стол и все расселись вокруг него и налили по первой, жена Брагинца, Алла, обладательница пухлых белых рук, с лунообразным лицом, с тремя нитками жемчуга на упитанной шее, которые она теребила, если была возбуждена или чем-то недовольна, огляделась по сторонам и, не обнаружив того, что искала, простодушно поинтересовалась:

— А где та, о которой мы столько наслышаны?

— О чем ты? — прикинулся недогадливым Воскобойников. Только теперь он сообразил, что вся эта компания приперлась к нему с единственной целью: поглазеть на резиновую бабу.

— Брось, ты знаешь, о чем...

— Не догадываюсь. С женой, как тебе известно, я разошелся, а новую еще не завел.

Алла вцепилась в жемчуг у себя на шее.

— Я говорю о той, что прислали тебе в подарок.

Воскобойников оглядел сидящих за столом. И спросил с печальной нотой в голосе:

— Вы пришли ко мне? Или смотрины резиновой бабе устраивать?

Все как-то засмутились от этих слов. Каждый знал про себя, что если бы не резиновая женщина, обретшая вдруг человеческие качества, он бы вряд ли сегодня сюда приехал. Но признаться в этом никто не осмелился.

И лишь Петренко, наглый, озорной Петренко, с невинным видом нашкодившего школьника, решился на частичную откровенность:

— Старик! Конечно, мы приехали к тебе... Но вот молодежь, в лице наших жен, и Филипп, король французский, хотели бы посмотреть на столь необычный феномен... Чего ты ее скрываешь?.. Между прочим, — Петренко указал на Брагинца, — этот славный муж — ее крестный отец и тоже хотел бы увидеть свою крестницу...

— Да, — поддержал его Брагинец. И сунул по обычной своей привычке указательный палец в защечную полость, проверяя, что там ему мешает нормально жевать.

Подумав немного, Воскобойников решил, что будет лучше, если он приведет «Анну» к столу, иначе эта публика от него не отстанет.

— Черт с вами!

Он вышел из комнаты. И вернулся через минуту, держа за руку силиконовую красавицу, которая, надо сказать, оказавшись на свободе, после томления в шкафу, куда ее Воскобойников упрятал, выглядела весьма оживленной. Глаза ее сияли, на губах играла улыбка. Округлый подбородок был приподнят вверх. Было в ней что-то легкомысленное и царственное одновременно. И даже платье яркой летней расцветки, в котором она была, выглядело на ней весьма привлекательно.

Взгляды гостей дружно устремились на «Анну». Особый интерес проявили жены. Со слов Брагинца и Пе-

тренко они знали, что Воскобойников, благодаря случаю, стал обладателем резиновой женщины. И что та мастерски сделана, хороша собою, очень похожа на живую; а тут еще после крестин, которые ей устроили, стала двигаться, ходить, улыбаться, чего раньше за резиновыми существами не наблюдалось. Но увиденное превзошло все ожидания. Перед ними предстала молодая привлекательная особа, с озорно светящимися глазами, совсем не похожая на резиновое изделие, и жены решили, что мужья ввели их в заблуждение, а вышедшая к ним девица — живая! Мало того, каждая испытала легкий приступ ревности. Особенно жена Петренко — Эмма. Они нас дурачат, подумала она о муже и Брагинце. Хотят выдать знакомую проблядушку за резиновую бабу из секс-шопа. Этот номер не пройдет! В том же направлении двигались и мысли Аллы. Лишь жена Порошина, Наташа, зная, что муж ее, Филипп, как и она, видит эту девицу впервые, не испытывала подобных чувств.

На мужчин не меньшее впечатление произвело появление «Анны». Она ли это? — удивленно переглянулись Петренко и Брагинец.

Походка «Анны» была легка и грациозна, как у гимнастки. На это обратили внимание все присутствующие, когда она по кругу обходила стол, направляясь к стулу, на который ей указал Воскобойников. Эмма, когда «Анна» проходила мимо, успела прихватить ее за руку, чтобы проверить, резиновая она или нет. С чувством удивления и удовлетворения одновременно она отметила, что рука — надо же! — резиновая. И как-то повеселела от этого. И кивком головы, подтверждающим ее впечатления, ответила на взгляд Аллы, интересовавшейся тем же самым.

«Анна» же, вырвав свою руку из руки Эммы, отозвалась на недружественный жест недовольной grimасой и продолжила свое движение к стулу. Воскобойников уготовил ей место между собой и Брагинцом. Вот она села. Несколько мгновений за столом стояла тишина. Присутствующим казалось странным сидеть за одним столом с резиновой бабенкой, пусть и обладающей повадками живого существа.

Лишь Петренко и Брагинца не смущало такое соседство.

— Дорогие мои! — заговорил Петренко, решив, что пауза затянулась. — Пора выпить за встречу!

Руки присутствующих дружно потянулись к рюмкам. И все одновременно заговорили, словно с каждого сняли обет молчания. Каждому хотелось одолеть в себе чувство неловкости, связанное с тем, что он, нормальный человек, будет пить и закусывать в компании с резиновой куклой. Хотя все ехали сюда с единственной целью — увидеть ее.

Выпили. Стали закусывать, искоса поглядывая на «Анну». Та в свою очередь невозмутимо взирала на присутствующих. Воскобойникова, закусившего маринованным грибом и отложившего вилку в сторону, забавляло поведение гостей.

— Надо повторить, — радостно вскричал Петренко, — к тому же имеется повод!

— Не увлекайся, — шепнула ему Эмма, как и всякая добропорядочная жена, не любившая, когда муж напивался. А за Петренко водился подобный грех.

— Милая, брось, мы только начали... Хочу поздравить Алешку и его... — Петренко замялся, подыскивая точное определение, — и его гостью, Анну, с тем, что

отныне она не бесправное существо, а гражданка России! — Петренко — лицо наглое, вдохновенное — обвел глазами собравшихся и остановил свой взгляд на Воскобойникове. Сунул руку в нагрудный карман пиджака. — О чем свидетельствует... — он тянул паузу как умелый артист эстрады, — данный российский паспорт, выданный Анне Ивановне Резинченко! — Петренко вынул паспорт и, открыв его на первой странице, показал присутствующим. — Паспорт, подчеркиваю, подлинный!

Все дружно потянулись к паспорту, словно это был медоносный цветок, притягивающий пчел. Некоторое время, давясь от смеха, определяли, похожа ли «Анна» на свою фотографию в паспорте или не очень. Только Воскобойников, не видевший в этом повода для веселья, оставался бесстрастным. Лишь спросил у Петренко:

— Где ты взял фотографию?

— В прошлый раз снял Анну на мобильник, — порадовался тот своей изобретательности.

Трюк с паспортом позабавил всех.

— Скажите, почему — Анна? — спросила жена Порошина.

— Это наша идея — дать ей это имя, — пояснил Брагинец. — По-моему, оно вполне ей соответствует.

— А Ивановна?

— Подлинный папаша неизвестен, — сообщил Петренко, — пришлось воспользоваться именем крестного отца... А крестный — вот, Ванька, — он указал на Брагинца.

— А Резинченко?.. Видимо, от резины? — поинтересовался Порошин.

— А ты догадливый, король французский! — засмеялся Петренко.

— По-моему, это полная глупость! — заметил Воскобойников. — Какой идиот выдал вам паспорт?!

— Ты как маленький, — покачал головой Петренко. — Будто не знаешь... За хорошее бабло у нас и добермана можно сделать гражданином России. Главное — цена вопроса! В общем, Анна, я тебя поздравляю! — Он протянул паспорт Брагинецу, сидевшему рядом с «Анной». — Передай девушке...

Брагинец положил паспорт перед «Анной» на стол. Та взяла паспорт в руки и стала с интересом листать его, разглядывая содержимое.

— Нравится? — спросил Брагинец, возбужденный не столько от водки, сколько от затеи приятеля.

«Анна» кивнула.

— Ну и зачем ей паспорт? — поинтересовался Воскобойников.

— Да мало ли... Может в Ялту съездить... — сказал Петренко. — Или кредит в банке взять, чтобы ты себе дачу построил или «бентли» купил. — И, чувствуя себя именинником, провозгласил: — За гражданку России — Анну Резинченко!

— Дайте рюмку Анне, — потребовал Порошин. — Что же она всухую сидит?

— Она не пьет, — тоном учителя заметил Воскобойников. — И на ответную речь не рассчитывайте — она не говорит...

— Как интересно! — повеселела Алла, поверив наконец в то, что «Анна» не такая, как все, и муж ее не обманывал, расписывая случившееся с Воскобойниковым.

Все выпили, затем повторили. Жены, пившие вино, увлеченные необычностью ситуации, не отставали от

своих мужей. И скоро все хорошо захмелели. Захмелел и Воскобойников, пивший водку от безвыходности наряду со всеми. А что поделаешь? Не уйдешь же от стола, когда дом полон народу! Вскоре и он повеселел — водка сделала свое дело. Наклонившись к Брагинцу за спиной «Анны», устыдил его сквозь зубы за то, что тот, при живой жене, цепляет «Анну» за колено, лезет к ней под подол платья, желая удостовериться, что там и как. Между прочим, прошептал Воскобойников, могу ее тебе подарить; надеюсь, ты схлопочешь от Аллы такую же оплеуху, как от той девицы, что приходила в день крестин. Брагинец, красный от выпитого, тут же отодвинулся от «Анны», заявив, что им движет чисто научный интерес, а не сексуальный.

Петренко, чувствуя себя на гребне успеха, сыпал шутками. Говорил комплименты женщинам и к «Анне» обращался с речами. Убеждал ее в том, что ей повезло, что она попала к Воскобойникову, а не к кому-либо еще. Алешка — умница, надежный мужик, и на улице тебя не выгонит, так что спи спокойно, если, конечно, умеешь спать. Все его монологи, обращенные к «Анне», вызывали у присутствующих приступы смеха. Даже Воскобойников улыбнулся пару раз, отмечая про себя отдельные остроумные пассажи шутника.

«Анна» смотрела на гостей Воскобойникова с любопытством. Так смотрит малый ребенок на приглашенных по случаю его дня рождения взрослых, когда те веселятся и напиваются за его здоровье.

Застолье шло своим ходом. Никто и предположить не мог, что Петренко на истории с паспортом не успокоится. А у того была еще одна забава в запасе, и он только ждал подходящего момента, чтобы обнародовать ее.

И вот ему показалось, что момент настал. Петренко попросил тишины и, когда все умолкли, предложил отпраздновать прямо сейчас помолвку Воскобойникова и «Анны», раз уж они живут вместе. Что тут началось! Подпившие гости с восторгом восприняли это предложение. Конечно, давайте помолвим их, чего уж тут! Перебивая друг друга, шутники стали выкрикивать пожелания молодым — одно забавнее другого.

Воскобойников же от предложения Петренко пришел в ярость: «Что вы тут из меня Петрушку делаете?! Пошли вон, видеть вас не желаю! Все — вон!» Его стали успокаивать. Особенно усердствовал Порошин, понимая, что Петренко переборщил. Он просил Воскобойникова не принимать это близко к сердцу, ну неудачно пошутил Колька, бывает, но он не со зла! Порошина поддерживали женщины. «К черту, — не мог успокоиться Воскобойников, — пусть себе помолвки устраивает со своими бабами!» Услышав эту гневную тираду, Эмма подскочила со своего места: «О каких бабах речь?!» Петренко схватился за голову: «Какие бабы?! это он со зла, Эмма, не верь!» — «Нет уж, ты расскажи», — потребовала жена, ужаленная в самое сердце. На защиту Петренко поднялся Брагинец, выпятил свой округлый живот навстречу Эмме: «Не верь Алешке! заявляю ответственно: у Николая никаких баб нет!» — «Есть!» — рявкнул Воскобойников и не узнал своего изменившегося голоса. И вновь потребовал, чтобы все убиралось вон из его дома. Эмма, заведенная новостью, лезла на Петренко, но Брагинец стоял между ними наподобие защитного бастиона, не давая ей нанести мужу пощечину. Рука Эммы, полная негодующей энергии, стремилась добраться до лица Петренко, но удары не попадали в цель. Петренко что-то

кричал в ответ из-за спины Брагинца, пытаясь убедить жену, что он невинен, как младенец в купели, и что-то такое произнес в своем сумбурном монологе, кажется о бесконечной любви к ней, Эмме, что несколько остудило ее ярость, заставив усомниться в правдивости слов Воскобойникова. И, наверное, семейный скандал был бы исчерпан, если бы не последовала вслед за этим из ряда вон выходящая сцена. «Анна», словно желая подтвердить слова Воскобойникова, неожиданно бросилась на Петренко и, обхватив его за шею, прикинула к его губам жадным поцелуем. Тот, не ожидавший такого поворота, мычал, пытался вырваться, но «Анна» не отпускала его. Поступок «Анны» подействовал на Эмму сильнее, чем палка действует на злую собаку. «Боже мой! — взвыла она. — Вот оно в чем дело! Вы все извращенцы! Все! Трахаετε резиновых сучек из секс-шопов, а с нормальными бабами у вас ничего не получается! Алла, уходим, нам здесь делать нечего!» — воззвала Эмма к жене Брагинца. И бросилась к выходу. Алла, нервно теребя жемчуг на шее, поспешила за нею, а следом и жена Порошина, понимая, что вечер окончательно испорчен, устремилась в прихожую. Мужьям, дабы избежать еще больших неприятностей, ничего не оставалось, как последовать за своими женами.

Петренко, пытаясь освободиться от «Анны», не придумал ничего лучшего, как запустить руку под подол ее платья, надеясь, что когда он рванет за трусы, она выпустит его из цепких рук. Так оно и вышло. Но в отместку «Анна» ударила его по лицу.

— Вот сучка! Резиновая, резиновая, а рука тяжелая! — пожаловался он Воскобойникову и побежал догонять жену.

Два дня спустя после скандала с «помолвкой» Воскобойников, с красными щеками, излучая морозную свежесть, в шапке, заломленной на затылок от быстрой ходьбы, зашел с улицы в подъезд и остановился у почтовых ящиков, намереваясь проверить свою почту. Но не успел этого сделать. Возле него замедлил шаги сосед, проживающий на третьем этаже, солидный, в очках, с щеточкой усов, похожий на делового бобра, по фамилии Соломатин, державший путь на улицу. Заговорил с Воскобойниковым, чего раньше не бывало. Прежде они только здоровались. Одна из ламп дневного света на потолке моргала, и это раздражало Воскобойникова, слушавшего поначалу соседа вполуха. Сосед поинтересовался погодой в городе, потом стал что-то пространно говорить о том, что вот, мол, Воскобойников — счастливый человек, потому что свободен от зависимости от одной женщины и имеет возможность познавать разные стороны суетной жизни, чего не могут другие, обремененные женами, несущие нелегкий семейный крест; мог бы и о со-

седах подумать, в частности о нем, Соломатине, коли уж он, Воскобойников, так удачно устроился. В конце монолога последовало предложение (совсем уж неожиданное для человека, который обычно держался отчужденно) зайти как-нибудь к нему на огонек — для дружеской беседы. На том и разошлись в разные стороны: сосед отправился на улицу, Воскобойников пошел к лифту, бросив в очередной раз взгляд на моргающую лампу. Туманные и неясные речи соседа озадачили Воскобойникова. Чего тот хотел, он так и не понял. И мучился некоторое время, пытаясь ухватить сверхзадачу соседского монолога.

О том, что стояло за зашифрованными речами соседа, Воскобойников догадался позднее. После еще одной неожиданной встречи, объяснившей многое.

Под вечер в квартиру Воскобойникова позвонили. Открыв дверь, он увидел соседа, жившего этажом выше. Это был сорокалетний мужик, с покатыми плечами, скуластый, с маленькими, глубоко посаженными глазами и с непомерно большим улыбающимся ртом, занимавшим значительную часть его лица. Все в доме звали его «Пашка-связист». По какой причине он получил это прозвище, никто не знал. Благо бы трудился где-нибудь на телефонной станции или продавал мобильники, а он работал охранником в супермаркете. В руках у Пашки был электропаяльник. Пашка, ленившийся гвоздь прибить у себя в квартире, с паяльником в руке выглядел довольно подозрительно. С таким же успехом он мог держать удочку или хоккейную клюшку.

— Здорово!

— Тебе чего? — удивился Воскобойников — вроде бы он не приглашал к себе Пашку для паяльных работ.

— Чего там у тебя, рассказывай, — весело поинтересовался тот, и Воскобойников почувствовал сильный запах чеснока.

— Ты о чем?

— Я о том самом... — ощерился Пашка, показывая длинные кривые зубы. И полез в задний карман серых спортивных штанов с пузырями на коленях. Вынул оттуда черный квадрат бумажника.

— Не понимаю, что тебя интересует? Паять мне ничего не надо.

— Брось темнить... — Рот Пашки все еще кривился в улыбке. — У меня брат двоюродный в ментах служит, они тут были на днях, по случаю, когда бабы демонстрацию у твоих дверей устроили...

— И что?

— Он рассказывал, что ты проститутку у себя пригрел, симпатичную, и даешь ею пользоваться... За бабки! Между прочим, удобная штука, когда в доме такое место есть. И ехать никуда не надо. Я вроде к тебе по паяльному делу пошел, а сам вместо этого — перепихнулся...

— Ты что, сдурел? Нет у меня никакой проститутки. Иди к жене!

— Оставь! У меня давно на нее не пляшет! Короче, говори: какая такса? Бабки у меня с собой.

— Я же сказал тебе: проститутку в доме не держу. Живет у меня временно родственница из Краснодара.

— Ну вот! Видимо, о ней и речь!

— Ты что, меня не слышишь? Или такой непонятливый?

— Алексей! — Пашка называл его не Алексеем, а Алексием. — Не жмись, будь человеком! Многие му-

жики в доме знают про твою девку и готовы пользоваться. Хорошие бабки можешь срубить!

Вот оно что, подумал Воскобойников. Теперь стало понятно, что имел в виду сосед по фамилии Соломатин, приглашая к себе на огонек и предлагая познакомиться поближе. Не дай бог, местные мужики начнут с вопросами ходить. Тогда хоть из дома беги!

— Значит, так, — сказал Воскобойников строго. — Выпить могу налить, если нуждаешься... А вот относительно проститутки — это выдумки! Так и передай мужикам! Я — не сутенер!

Пашка нахмурил брови. Вертел в руках ненужный паяльник. Уходить не спешил.

— Бездушный ты мужик! — заявил он. — Вот мать твоя, покойная, добрейшей души человек была. Сколько раз она меня выручала — и деньгами, и пожрать давала, и вообще... Говорят, яблоко от яблони недалеко падает, а вот ты, видно, далеко откатился — ствола не видать!

— Слушай, ты, ботаник! — Воскобойникову надоело стоять в дверях, нюхать чесночный запах и что-то объяснять. — Не знаю, кто куда откатился, но бабы для тебя у меня нет!

Но Пашка-связист был малый упертый. И если во что поверил, то переубедить его в обратном было не просто.

— Ты вот русский? — спросил он. И сам себе ответил: — Русский! И я — русский. Мы, русские, должны помогать друг другу.

И он произнес целую речь об особенностях русского характера и о вреде установки «моя хата с краю, ничего не знаю». Где он так насобачился словами сы-

пать, непонятно. Словно не в супермаркете по сторонам глазами шарил, отыскивая бабок, уворовавших пакет кефира, а на кафедре философии лясы точил. Вот, к примеру, рассуждал Пашка, таджики, узбеки, азербайджанцы и прочий восточный люд всегда помогают своим соотечественникам. Стоит одному приехать в столицу и устроиться здесь, как он тут же перетаскивает за собой другого, а вместе они тащат третьего. И друг с другом — не разлей вода. И плов вместе едят, и дом вместе строят, и народ на базаре вместе облапошивают! Не то что наш брат — русский. Тот и украдет у своего, и подножку подставит, и бабу у товарища отобьет, и в колодец твой плюнет, а то еще и паленой водкой отравит! Вот и соображай! Выходит, узбек душой приличнее, хотя и девок в паранджу прячет по неразумности своей! А под паранджой как ее рассмотришь? вот и берешь в жены черт-те что — но это к делу не относится! Когда-то ж надо начинать нам, русским, любить себя и перестать лить говно в соседскую кастрюлю... Пора сделать шаг навстречу друг другу. (Речь была длиннее раза в два, но для удобства читателя автор ее подсократил.)

Человек иных взглядов на месте Воскобойникова слезу бы пустил, слушая проникновенные рассуждения Пашки, помогавшего себе взмахами паяльника, словно дирижер у пульта. И расцеловал бы его в душевном порыве. Но Воскобойников, подуставший за время праздников от множества обрушившихся на него событий, готов был послать его куда подальше, но не сделал этого по одной причине: Пашка отнес бы эту резкость на счет той самой русской ментальности, о которой так жарко разглагольствовал. А тут еще

Воскобойников услышал шаги у себя за спиной и понял, что это приближается ведомая любопытством «Анна», и стоит только Пашке ее увидеть — считай, всем оправданиям Воскобойникова конец!

— Не держу я проституток! — воскликнул Воскобойников и захлопнул дверь, оставив Пашку за порогом в печальных раздумьях о сущности русской интеллигенции, привыкшей уклоняться в сторону от коренных национальных проблем.

— Чего тебе? — поинтересовался Воскобойников нервно, отойдя от двери, обращаясь к «Анне», уже стоявшей в прихожей. — У меня из-за тебя одни проблемы. А я хочу с книжкой на диване лежать! Понимаешь, такая малость — с книжкой на диване!

Он прошел стремительно в гостиную. Открыл бар, налил себе в бокал водки. Но пить не стал. Подумал: так и спиться недолго! Убрал бокал с водкой в бар.

«Анна», пришедшая следом, стояла в дверях и молча наблюдала за ним, видимо, хотела успокоить его, но как это сделать — не знала. Подошла сзади, стала у него за спиной. Тронула за локоть. Бежать, бежать из дома, подумал он, хотя бы к той же Лере, пока еще окончательно не свихнулся.

— Ты хоть и из резины, — сказал он, не глядя на «Анну», — но умеешь притягивать неприятности. Просто поразительно!

Он устремился в прихожую. По-прежнему не глядя на «Анну», ходившую за ним по пятам, быстро надел дубленку, шапку. Обмотал вокруг шеи шарф... Но выйти из квартиры ему было не дано.

В дверь позвонили. За первым звонком последовал второй. Воскобойников, замерший под портретом бле-

стящего офицера, участника севастопольской кампании Л.Н.Толстого, решил твердо не открывать. Даже если за дверь окажется сам Господь Бог. Тот, если пожелает, Сам откроет дверь.

Наступила пауза. Потом что-то звякнуло — видимо, ключ, входящий в замочную скважину. Не успел Воскобойников испугаться визита Господа Бога или грабителя, как дверь открылась и перед ним появилась бывшая жена — Таня Шультайс. В белой меховой шапочке, такой же шубке, розовощекая от мороза, вся сияющая, но при этом с гримасой любопытства на лице. Она не ожидала увидеть в прихожей Воскобойникова и от неожиданности отступила на шаг.

— Не понял... — пролепетал Воскобойников, уставившись на ключи в ее руке. — Каким образом? Ключи же твой муж вернул...

— Ах, прости, не знала, что ты тут, — сдержанно улыбнулась Таня. — Понимаешь, Сережка перепутал и привез тебе не те ключи...

Видимо, это так, подумал Воскобойников. Когда заезжал Танин муж, он не проверил, те это ключи или не те, просто повесил их на крючок возле вешалки. Меньше всего Воскобойникову хотелось сейчас видеть Таню, да еще в присутствии «Анны», которую он, знай о визите своей «бывшей», закрыл бы в шкафу.

Но поздно, Таня уже увидела «Анну», стоящую в коридоре.

— Так это, значит, твоя новая пассия?

Танины глаза округлились от любопытства, в них загорелись острые огоньки, а сама она как-то вытянулась, словно хотела помериться с кем-то ростом и старалась быть выше.

Воскобойникову стала ясна истинная цель ее прихода: увидеть ту, что заняла ее место.

Таня подошла к «Анне», обошла вокруг, бесцеремонно оглядывая ее. И сказала, обернувшись к Воскобойникову:

— А она ничего, Сережка прав... Несколько простовата... И вот платице, — она презрительно скривила губы, — не по сезону. Что, не нашлось другого? Могу прислать, у меня есть пара ненужных...

— Оставь их себе. Мы уж как-нибудь сами, — ответил сухо Воскобойников. У него не было желания препираться с Таней. — Нам нравится зимой носить летнее... Верно, Анна?

«Анна», всё внимание которой было сосредоточено на госте, чья бесцеремонность пришлась ей не по вкусу, в ответ на обращение Воскобойникова послушно кивнула.

Подобное послушание показалось Тане забавным.

— Какое единение душ! Прямо Шеридан! «Голубок и горлица никогда не ссорятся...» Где же флейта и арфа? — ерничала Шультайс, показывая свою образованность.

— В соседней комнате, — ответил Воскобойников, принимая удар. Он все еще стоял в дубленке и шапке и не спешил раздеваться.

— Не думала, что у тебя столь непритязательный вкус, — продолжала цеплять его Таня, светлая, сияющая, пахнувшая дорогими духами. — Мне казалось, тебя тянет к утонченным женщинам, а тут... — Она вновь обошла «Анну» по кругу. — Как говорил один «новый русский», выходя из Эрмитажа: чистенько, но бедненько! — Шультайс торжествовала. Ее ревнивое чувство

было удовлетворено: она лучше нынешней избранницы Воскобойникова. И Таня не жалела красок, чтобы подчеркнуть свое превосходство. — Я так долго обманывалась на твой счет!.. Что ж, каждый выбирает по себе. Я думаю, ты и твоя подруга будете прекрасно смотреться где-нибудь на пляже в Мариуполе. А вот в Париж ее лучше не вывозить...

— Таня, — сказал Воскобойников, — откуда в тебе столько желчи ко мне? А ведь я любил тебя, и ты любила... Я часто задаюсь вопросом: куда все это ушло?

Таня не была настроена на лирические воспоминания.

— Ты сдулся... как воздушный шар, — сухо объяснила она, твердо веря, что так оно и случилось.

— А он? — спросил Воскобойников, имея в виду нового мужа Тани. — Еще не сдулся?

Шультайс победно усмехнулась.

— Он не сдуется. Не та порода!

«Анна», внимательно слушавшая разговор бывших супругов, неожиданно подняла вверх правую ладонь, словно призывая к тишине. Оба замолчали, привлеченные этим жестом. Таня — с усмешкой на лице, Воскобойников — с напряженностью во взоре: что там еще такое?

«Анна» ушла в комнату и тут же вернулась, держа в руках стакан с водой — Воскобойников пил перед этим из него минеральную воду, не допил и оставил на столе. Она приблизилась к Тане и резко плеснула воду ей в лицо, обмочив, кроме лица, и белый мех шапки.

У Тани, не ожидавшей подобного поступка, округлились глаза и по-детски открылся рот. Капли стекали по ее лицу, утратившему как-то сразу сияние и победоносный вид.

— Зачем ты так? — сказал Воскобойников, обращаясь к «Анне», не одобряя ее поведение.

Та повернулась и ушла в гостиную.

— Публичная девка! — бросила ей вслед Таня.

Хотела еще что-то сказать, теперь уже бывшему мужу, но отказалась от этого: не поймет, раз с такой связался! Но уйти просто так, без «выстрела» под занавес, Таня не могла, это было не в ее натуре. И тут она вспомнила о ключах, которые всё это время держала в руке. Таня театрально швырнула их на пол — ключи, звякнув, укатились по паркету в коридор, с глаз долой, будто улетели в небытие, — и с гордо поднятой головой, точно одержавшая победу героиня пьесы, не утирая мокрого лица, вышла за дверь, в который раз уже согревая себя мыслью, что поступила весьма разумно, расставшись с Воскобойниковым.

Посмотрев с утра внимательно на «Анну» и помня замечание своей «бывшей», сделанное ею накануне, Воскобойников сказал:

— Надо бы тебя переодеть, права Татьяна. А то привезли тебя в летнем платье, а сейчас — зима. Будешь ходить как приличные люди.

Тряпок Шультайс в доме не осталось, да они и вряд ли бы подошли — Таня была выше «Анны» на голову. И Воскобойников поехал к сестре. Та ростом и размерами была близка к «Анне».

В доме у сестры его усадили обедать. Сестра похвасталась, что приготовила чудесный борщ. Вся семья (муж и две девочки) уже сидела за столом и в ожидании борща постукивала ложками. Пришлось и Воскобойникову сесть за стол, и он это сделал с радостью, потому что уже несколько дней не ел первое. Борщ действительно оказался хорош, и он попросил добавку. Муж сестры намекнул, что хорошо бы по рюмке, но Воскобойников отказался, и тот, встретив выразительный взгляд жены, не стал настаивать.

С сестрой удалось поговорить много позже: то племянницы лезли со своими разговорами и просили поиграть с ними, то муж ее жаждал побеседовать с Воскобойниковым на тему предстоящих выборов, желая выяснить, за кого он собирается голосовать. Ни за кого, признался Воскобойников и отделался знаменитой репликой Чапаева из одноименного фильма: «Я за Интернационал!» Чем, надо признать, не порадовал свояка, любившего во всем ясность. Наконец оставшись с сестрой наедине, на кухне, где она домывала посуду, Воскобойников смог приступить к главной теме своего визита. Нет ли у тебя каких-либо ненужных вещей из твоего гардероба, спросил он, какого-нибудь «секонд-хенда», хочу помочь одной нуждающейся женщине. Сестра, к счастью, не стала спрашивать, кого он хочет облагодетельствовать и зачем, ушла в спальню и вскоре принесла оттуда кофточку темно-розового цвета, темную юбку и шерстяное нарядное платье. Показав это брату, сложила все это в пластиковый пакет и поставила перед ним на пол. Воскобойников был счастлив: теперь он оденет «Анну» по сезону, и она не будет выглядеть легкомысленно.

Воскобойников вернулся домой и, подойдя к двери, с удивлением услышал в своей квартире разухабистую цыганскую музыку. И это был не радиоприемник. Трясущейся рукой он открыл дверь и понял, что в квартире дым коромыслом. Вешалка была полна чужих шуб и пальто. Там даже висела одна милицейская шинель. Что это за люди и как они попали к нему в дом? Да еще в его отсутствие? Позже выяснится, что это «Анна» открыла дверь непрошеным гостям. Музыка и пение доносились из гостиной. Судя по исполнению, играли виртуозы.

В коридоре Воскобойников увидел не знакомого ему скучающего человека в смокинге, с бабочкой на шее, сидевшего на стуле с аккордеоном. Он не музицировал. Цыганщину играл кто-то другой.

— Что вы здесь делаете? — спросил у него Воскобойников.

— Жду, — последовал ответ.

— Чего?

— Своей очереди. Когда генерал пригласит...

— Какой генерал?

— Генерал милиции Калашник. Матвей Петрович.

Дальше в коридоре Воскобойников увидел балерину в белой пачке, с миловидным лицом. Девушка, приоткрыв дверь в ванную комнату и держась за ее верх, разминалась, поднимая вверх то одну, то другую ногу.

— А вы что? — спросил он.

— Тоже жду.

— Чего?

— Когда позовет генерал. Меня пригласили исполнить па-де-де из балета Минкуса.

— Какой к черту Минкус! Это мой дом! А я никого не приглашал! — У Воскобойникова даже голос сел от возмущения. Он шагнул в гостиную.

Там он застал такую картину. За столом сидела веселая компания: хорошо пьяный Кабанов и три не знакомых ему человека, таких же пьяных, один из них был в милицейской форме, с погонами майора; «Анна», находившаяся тут же, ухаживала за гостями, подкладывая им в тарелки все то, что нашла в холодильнике и выставила перед этим на стол. Пили гости свое: виски и дорогую водку.

Перед сидящими за столом приплясывало цыганское трио: два парня в ярких рубахах, с гитарами, и жгучая

брюнетка в цветастой длинной юбке. Пели они что-то слезливо-протяжное из цыганского репертуара.

— О! — воскликнул Кабанов, двинув отяжелевшей головой, когда увидел в дверях Воскобойникова. — А мы пришли к тебе посмотреть на твою девицу. Звоним... И вдруг нам открывает сама Анна. Она и пустила нас на огонек. Мы со своим горячим! — подчеркнул он, словно это было главное. — И все хорошие люди! Не возражаешь?

— Кто такой? — спросил важно один из гостей — мужчина с мясистым лицом, тяжелым взглядом, коротко подстриженный, с седыми висками, одетый в штатское. Чувствовалось, он главный в компании.

— Это хозяин квартиры, — пояснил Кабанов и представил Воскобойникову мужчину с мясистым лицом: — Знакомься, генерал МВД Калашник, Матвей Петрович. Наше всё! — добавил он с оттенком подхалимажа.

— Хозяин?.. Садись! — радушно предложил генерал. — Гостем будешь! Патрикеев, налей чего-нибудь человеку, — велел он мужчине в милицейском форме.

Тот послушно исполнил его просьбу. Он был, пожалуй, самый трезвый в компании. Еще один, восседавший за столом, оказался депутатом городской думы Мордаевым.

Генерал наслаждался игрой и пением цыган. Что-то подвывал им не в лад. В паузах, наткнувшись на Воскобойникова пьяным взором, всякий раз сурово спрашивал: кто такой?

И Кабанов отвечал ему:

— Хозяин квартиры.

— А это хозяйка? — спрашивал Калашник, указывая пальцем на «Анну». — Мне она нравится, — заявил он, усилив какую-то свою думу.

— Это не хозяйка, — попытался объяснить Воскобойников, — это... родственница из Краснодара...

— В жены ее, что ли, взять?.. Я ведь вдовец, — объяснил он Воскобойникову. — Таисья моя умерла от рака. Сын уже большой, у него свои погрешности...

— Нельзя ее в жены, Матвей Петрович, — убеждал его Кабанов; хоть и пьяный был, но понимал, что это неправильно.

— Почему?

— Есть причина.

— И генералу нельзя? — насупился Калашник.

— И генералу...

— Кто такой? — спросил в очередной раз Калашник, сфокусировавшись на лице Воскобойникова и пытаясь понять, откуда этот человек взялся.

— Товарищ генерал, это хозяин квартиры, — вновь объяснил Кабанов. Ему было неловко перед школьным другом за то, что генерал не может запомнить его лица.

— Чего он хочет?

— Чего ты хочешь? — поинтересовался Кабанов у Воскобойникова.

— Покоя хочу! Не хочу гостей! — отозвался тот и задержал свой сердитый взгляд на «Анне».

— Какой покой, Скоба?! — Кабанов впервые назвал Воскобойникова школьной кличкой. — Покой нам только снится!

Воскобойников показал «Анне» кулак. Та виновато потупилась: вроде хотела как лучше.

— Между прочим, — вмешался в разговор депутат Мордаев, — если бы вы знали, какая у нас беспокойная жизнь! — И умолк, так и не пояснив, чем же так беспокойна жизнь депутата.

Чтобы как-то ускорить процесс выдворения гостей из квартиры, Воскобойников громко заметил:

— Между прочим, в коридоре дожидаются аккордеонист и балерина...

— Давай сюда аккордеониста, — распорядился Кабанов, обращаясь к майору. — Балерину — на закуску!

Майор расплатился с цыганским трио, сунув одному из гитаристов в руки толстую пачку денег, и пошел за аккордеонистом. Цыгане вежливо раскланялись и удалились, пятясь задом.

— Надо любить искусство! — изрек Калашник и потянулся вилок к тарелке с маринованными грибами. Долго не мог насадить на вилку один из них. Устав с ним бороться, взял его пальцами, положил в рот. — А ты... ты вот любишь искусство? — спросил он у Воскобойникова.

— Нет, — хмуро, с вызовом ответил тот.

— Напрасно... — качнул головой Калашник. И впери туманный взгляд в аккордеониста, стоявшего в лакейской позе с инструментом у двери. — Ты кто?

— Аккордеонист.

— Тогда играй.

— Что прикажете?

— «И снится мне не рокот космодрома... не эта ледяная синева...»

— Разрешите присесть? — поинтересовался музыкант. — Так сказать, для удобства... — пояснил он.

— Садись, — царственно разрешил Калашник.

Музыкант присел на свободный стул, оттянув его предварительно ближе к двери. И заиграл.

— Послушайте, — заговорил Воскобойников, сдерживая себя и стараясь быть деликатным. — Я не ждал сегодня гостей и не готов к этому...

Калашник, приготовившийся петь, посмотрел на него.

— Послушай, тебя как зовут? Хозяин?.. Мне нравится эта баба. — Он указал на «Анну», забыв, что собирался петь.

— Нельзя ее в жены, товарищ генерал, — сказал ему Кабанов.

— Почему?

— Она — резиновая... — признался Кабанов, надеясь, что это остановит пьяного Калашника.

— Ну и что? Да мало ли резиновых? — сказал тот как ни в чем не бывало. И указал на Мордаева. — Вот депутат, Васька Мордаев, мы с ним не первый год сотрудничаем... Так он — тоже резиновый, гнется в каюк хочешь сторону, и ничего, как видишь, живет!

— Это неправда! — обиделся Мордаев.

— Молчи, если не хочешь, чтобы у твоей жены отняли бизнес.

Мордаев умолк.

Калашник посмотрел на «Анну», его пьяные глаза потеплели.

— Ты мне нравишься, — сказал он. — Ты похожа на мою Таисью. Такая же молчаливая... Хочешь пойти за меня?

«Анна» бросила беспокойный взгляд на Воскобойникова и потупилась.

Калашник перехватил ее взгляд.

— Ты что, его боишься? — Он поднялся со стула, чуть пошатываясь, подошел к Воскобойникову.

Кабанов с интересом наблюдал за этой сценой: неужто генерал станет просить руки «Анны» у Скобы?

Но Калашник неожиданно выхватил пистолет из под пиджака, приставил его к виску Воскобойникова и спросил, обращаясь к «Анне»:

— Ну хочешь, я его убью? Прямо сейчас?

Ничего себе! — струхнул Воскобойников. И прикрыл глаза. А кто бы на его месте не струхнул?

Аккордеонист как-то сразу зафальшивил, сбился с темпа, а потом и вовсе смолк. Поднялся со стула и был таков — от греха подальше.

Спутники генерала, не ожидавшие от него подобного поступка, замерли, лишившись дара речи.

— Ну, что, червяк? — спросил Калашник, сняв пистолет с предохранителя и наклоняясь к Воскобойникову. — Ответь: зачем ты эту землю топчешь?.. Российскую землю?.. Держишь в пленницах женщину, словно турок какой в Стамбуле, сутенерничаешь?!. — У генерала перепуталась в голове информация. Видимо, Кабанов что-то объяснял ему перед походом к Воскобойникову, но совсем с другим смыслом. А в пьяной голове все поменялось с «плюса» на «минус».

Воскобойников вжал голову в печи, не ожидая ничего хорошего. Объяснять сейчас что-либо генералу было бессмысленно.

«Анна» замахала испуганно руками и если бы имела голос, крикнула бы, призывая генерала остановиться.

Тут и Кабанов, сразу протрезвевший, пришел в себя.

— Матвей Петрович! — воскликнул он и вцепился в руку генерала, пытаясь отвести ее в сторону от головы Воскобойникова. Депутат вжался лицом в свою тарелку, опасаясь случайного выстрела в его сторону. — Товарищ генерал! Не горячитесь! Это мой друг...

— А мне плевать, раз он такую девку в заточении держит, — заявил тот.

Раздался звук разбиваемой тарелки, отчего все вздрогнули, а Калашник пришел в чувство. Это «Анна» швырнула с силой тарелку на пол.

Кабанов и майор подхватили генерала под руки и отвели его на место, где тот сидел до выходки с пистолетом. Оба призывали его, точно малого ребенка, успокоиться.

— Не держит он девку в пленницах, — объяснял заботливо Кабанов. — Здесь другой случай... Хочешь, заведи ее себе, Матвей Петрович! — И он подмигнул бледному Воскобойникову.

На звук бьющейся тарелки в комнату заглянула балерина с глазами, круглыми от испуга.

— А мне что делать? — спросила она, поняв по поведению гостей, что ссора улажена.

— Танцуй! — махнул ей рукой майор.

Балерина исчезла на мгновение и вернулась с маленьким магнитофоном. Включила музыку и поставила его на стул, туда, где пятью минутами раньше сидел аккордеонист, убежавший, к несчастью, без гонорара.

Воскобойников, не в силах больше терпеть подобное, поднялся из-за стола и выбежал вон из комнаты.

— Куда он? — поинтересовался генерал, не глядя на танцующую балерину, пытающуюся на малом пространстве повторить заученные па.

— Куда? — переспросил Мордаев, вытирая бумажными салфетками с лица остатки пищи. И позволил себе шутку: — Скорую вызывать!.. Ты такого шороху навел, Матвей Петрович! Еще немного — и мозги его были бы на стене!

Кабанов, чувствуя себя крайне неловко за случившееся перед школьным другом, подумал, что надо как-то закруглять застолье, и чем скорее, тем лучше.

Кончились праздники, начались трудовые будни, как было сказано в одном старом прекрасном фильме.

Сослуживцы Воскобойникова без потерь в составе явились на работу. Пришел и исчезнувший в день предновогоднего застолья Мызников, доставивший всем столько волнений (помнилось открытое настежь окно в туалете и болтающийся шарф на раме). Он появился у себя в отделе трезвый, гладко выбритый, но с заметно посеревшим лицом — вероятно, какая-то болезнь, еще не известная ему самому, начала свою разрушительную работу. А может, он уже догадывался о том, что болен... Но не принято говорить товарищу при встрече: как ты плохо выглядишь! Принято говорить наоборот.

В местах для перекуров все оживленно делились впечатлениями от прошедших праздников, утверждали, что страшно устали, но время провели замечательно, кто на лыжах в Альпах, кто на берегу океана в теплых широтах, кто на подмосковной даче. Иногда к рассказам приплетались небылицы, дабы добавить

красочности к однообразию событий (поди проверь, как там было в Альпах!), делалось это с желанием взглянуть в глазах собеседника более удачливым человеком, чем тот; хотя, быть может, немалую часть времени и те и другие маялись от скуки.

Воскобойников, наоборот, отмалчивался. Решил не рассказывать, как он провел праздники и что ему пришлось пережить за эти дни. Он твердо знал, что не следует расширять круг людей, знающих об «Анне» и о том, что последовало за ее появлением в его доме. Круг этот и без того был достаточно обширен. В день нашего посещения женщин два или три телеканала показали в новостных программах сюжеты об этом событии; к счастью, в каком из домов происходила эта драма, прозвучало невнятно, и те из сослуживцев Воскобойникова, кто по случайности видел их (новости), не связали это безумие в подъезде с его фигурой. Чтобы избежать расспросов, как он провел праздники, Воскобойников, явившись на работу, тут же засел за недоделанный отчет для начальства.

Уходя из дома, Воскобойников закрыл входную дверь на второй замок, что обычно делал редко. Тем самым хотел застраховать себя от каких-либо новых неожиданностей, связанных с поведением «Анны». Перед уходом он велел ей переодеться: снять платье и надеть юбку и кофту, привезенные от сестры. При этом он отвернулся, чтобы не видеть, как она переодевается. И поймал себя на мысли, что поступи он так раньше, то непременно счел бы свой поступок нелепым. Глупо, сказал бы он себе, отворачиваться от шкафа, от стула или от любого другого предмета... Когда «Анна» переоделась и предстала перед ним для обозрения, он на-

шел, что она выглядит неплохо, менее легкомысленно, чем прежде, и что вещи сестры, как он и предполагал, оказались ей впору и к лицу.

Прежде чем покинуть квартиру, он предупредил «Анну» (а говорил он с нею строго, точно с непослушным ребенком), что закрывает дверь на второй замок и что без ключа она ее не откроет и не сможет впустить посторонних, как это случилось ранее. И все же, сидя над бумагами за своим рабочим столом, он нет-нет, да и вспоминал об «Анне», думая о ней, как о живом существе: что она делает, чем занимается в его отсутствие? Надеюсь, спички она не станет искать и пожар не устроит, успокоил себя Воскобойников. Тут он вспомнил о дарителе. Поиски его в связи с последними событиями как-то отошли на второй план. Желания найти его поубавилось. Что это, в конце концов, изменить? А времени и сил потребует немало.

В обеденный перерыв сослуживцы Воскобойникова отправились в соседнее кафе, где частенько обедали и считали его своим. Звали и Воскобойникова, но тот отказался, сославшись на занятость и желая избежать расспросов о том, как он провел праздничные дни.

Воскобойников сделал себе чай. Достал из запасов в шкафу пачку печенья. За чаепитием его застал телефонный звонок. Звонил Кабанов. Долго извинялся за то, что привел непрошенных гостей.

— Сам понимаешь, — стал объяснять он, — выпили в тот день с генералом, а он и говорит: хочу увидеть ту, из-за которой столько шума было, ОМОН и прочее. Я не мог ему отказать. Если бы твоя резиновая подруга не открыла нам дверь, ничего бы не было...

— Она мне не подруга, — буркнул Воскобойников.

— Без разницы. А насчет выходки с пистолетом... Будем считать это неудачной шуткой.

— Ничего себе, блин, шутки!

— Брось, Скоба! Ты очень впечатлительный... Ну хочешь в качестве компенсации десять бутылок виски?

— Зачем мне? Да еще в таком количестве, — отказался Воскобойников и подумал: хорошо хоть не пристрелили!

— Я знаю, что у тебя сейчас в голове, — заявил Кабанов. — Не следует плохо думать о нашей милиции. Тем более, в твоём деле есть некоторые подвижки... Ну об этом в другой раз. Пока!

Звонок Кабанова, его извинения не улучшили настроение Воскобойникова. На душе по-прежнему было тревожно и тоскливо, словно единственное окно, через которое проникал свет, завесили темной тряпкой. Ему не давала покоя мысль: а если Калашник все-таки спустил бы тогда курок? Как повели бы себя в дальнейшем персонажи этого сборища? И воображение нарисовало ему следующую картину: Кабанов встает из-за стола, идет в спальню нетвердой походкой, откинув одеяло, срывает с постели простыню, и майор, на пару с депутатом, заворачивает в нее тело Воскобойникова, и все вместе думают, что с этим телом делать. Утопить ли в реке, сбросить ли в канализационный люк или сунуть в контейнер для мусора — бездомным собакам на радость? Генерал, по всей вероятности, в эту минуту уже храпит, сраженный водкой, выключившись из реальной жизни... А «Анна»? Что делает она в эти минуты? По всей вероятности, тупо сидит, не понимая, что произошло.

Ход мыслей Воскобойникова прервал телефонный звонок. Воскобойников взглянул на экран мобильного телефона: номер был ему незнаком. После коротких колебаний он включил связь.

— Мне нужен Алексей Воскобойников... — прозвучал в телефоне голос, показавшийся ему знакомым.

— Ну, я Воскобойников...

— Алексей, привет! — обрадовался звонивший. — Хочу извиниться за наш неожиданный визит...

— Кто это?

— Мордаев. Василий Семенович. Депутат.

Легко на помине, подумал Воскобойников.

— Я был у вас в гостях, если можно так выразиться. Генерал Калашник, Кабанов и я... — продолжал Мордаев. — Припоминаете?

— Припоминаю, — сухо отозвался Воскобойников.

И подумал: а куда он дел майора, там же еще был майор? Кстати, майор был самый трезвый. И судя по лицу, довольно приличный малый. Впрочем, дорастет до генерала, там будет видно.

— Еще раз приношу извинения... Мы выпили... Всякое бывает...

— А что бы вы стали делать с телом? — неожиданно спросил Воскобойников.

— С каким телом?

— С моим, конечно. Если бы выстрел состоялся.

— Ну зачем вы, право! — ответил Мордаев голосом, утратившим повышенное дружелюбие. — Это была лишь шутка... Шутка!

— И все же?

— Перестаньте! Я звоню вам с деловым предложением... — Голос его опять смягчился. — Я мог бы тру-

доустроить вашу... э-э... подругу! — Он замялся, прежде чем произнес это слово.

— Вы о ком?

— Я об Анне.

— В этом нет нужды.

— Не отказывайтесь. Мы проверим ее в деле... Мне нравится, что она молчит, исполнительна. Пока вас не было, она хорошо ухаживала за нами. И слова не проронила! Нам в Думе нужны такие работники: меньше слов и больше дела! Плюс — хорошие внешние данные. Если она выдержит испытание, сделаем ее депутатом. Дальше — больше. Несколько резиновых особ, подобных ей, будут в Думе весьма к месту!

Воскобойников тряхнул головой, словно хотел стряхнуть с волос дождевую воду, пытаясь понять суть предложения Мордаева. Прелестная картина: «Анна» — в Думе! Только голосует и молчит, а что еще? Классная карьера за столь малый срок! Ионеско отдыхает. Но почему депутат употребил выражение «несколько особ»?

— Не понимаю, о чем вы? — сказал Воскобойников. — Она, то есть Анна, не говорит, она — немая... Как же вы будете держать немую у себя в помощницах?

— Это-то и замечательно! Будет делать только то, что ей прикажут, а для разговоров найдутся другие!

— А что вы имели в виду, говоря о «нескольких особах»?

Мордаев удовлетворенно хмыкнул.

— Бросьте, Алексей! Не надо от меня скрывать главное. Мы можем стать партнерами. Я сразу понял, что вы изобрели «живую резину». Это же потрясающе! Делать подобие человека из «живой резины»! Мы многого можем добиться, вы и я!

Воскобойников осел на стул. Опрокинул чашку с недопитым чаем и еле успел убраться в сторону бумаги, чтобы не замочить их.

— С чего вы решили, что я изобрел «живую резину»? — осторожно спросил он, уже предвидя новые неприятности. — По-моему, вы слишком много выпили в тот раз.

— Дорогой друг, не держите меня за дурака. Женщина может быть только живой или мертвой. И никак иначе. По мне, лучше живой! А уж если она из резины и действует точно живая, значит, здесь что-то не так. Какая-то загадка. Пока вас не было, я прихватил в коридоре вашу девочку за зад (пардон, не сдержался!) и убедился, что она из резины. Я атеист с многолетним стажем и не верю во всякие чудеса. Это пусть церковники о воскрешении Лазаря рассказывают. Следовательно, здесь имеет место наука. Вы — гений! Можете получить Нобелевскую, раз изобрели подобную вещь.

— Бог мой! — вскричал в отчаянии Воскобойников. — Да нет никакой «живой резины»! Поймите, я экономист, я не изобретатель! — И, услышав голоса вернувшихся с обеда сослуживцев, заговорил в два раза тише: — Это всего лишь продукция, которой торгуют в секс-шопах. Резиновые девки для секса. Одну из них по недоразумению прислали мне. Вы можете закупить их в любом количестве. Хоть целую фуру! И поставляйте к себе в Думу. И на этом давайте закончим, я нахожусь на работе, и ко мне пришел народ...

— Хорошо, — бодро отозвался депутат; чувствовалось, что он не рассчитывал на быструю победу и готов к затяжной осаде изобретателя, чтобы добиться своей цели. — Вернемся к этому разговору в другой раз. По-

думайте, если согласитесь на сотрудничество, вы станете богатым человеком.

Но Воскобойников не слышал этих слов, потому что отключил трубку. Болван! — выругался он про себя.

— Что это у тебя за потоп на столе? — спросила Маша Черкашина, входя в комнату и увидев пролитый чай. — Стареешь? Руки чашку не держат?.. Хочешь, пока не поздно, познакомлю тебя с одной из своих подруг и она возродит тебя к жизни?

— К черту подруг! — взорвался Воскобойников. — Как вы все мне надоели!

Маша удивленно попятилась от него. Всегда вежливый, выдержанный, флегматичный, Воскобойников словно с цепи сорвался. До этой минуты Маше казалось, что ничто не способно вывести его из равновесия.

Увидев, как изменилось лицо Маши, Воскобойников понял, что с ним что-то не так, раз он потерял самообладание, сорвался на крик, причем уже во второй раз после истории с «помолвкой». Он опустил на стул. Попросил у Маши прощения. В голове мелькнула мысль, что следует избавиться от «Анны». Передать ее, наконец, кому-нибудь? Кажется, чего проще? Вынес из дома — и все. Но что-то подсказывало ему, что с удалением «Анны» из квартиры мало что изменится, раз уж запущен свыше маховик. Это как после землетрясения. Толчки прекратились, земля под ногами уже не трясется, но оно (прошедшее землетрясение) продолжает оказывать воздействие на состояние жизни вокруг: еще продолжают рушиться стены, обваливается грунт в широких разрывах земли, надо откапывать заваленных обломками живых и погибших, восстанавливать дороги и делать еще немало вещей,

чтобы вернуть жизнь в месте катастрофы к нормальному состоянию. И все же мысль о том, чтобы передарить «Анну» кому-нибудь из приятелей (ну, хотя бы тому же Брагинцу) не покидала его. И опять, как это бывало не раз, на ум ему неожиданно пришел тот самый погибающий пассажир, оказавшийся по воле обстоятельств запертым в каюте идущего ко дну парохода. Каждый раз у него было новое лицо. Сегодня лицо было женское, искаженное мукой страдания, похожее на лицо учительницы литературы, в которую Воскобойников был влюблен в девятом классе. Каюта уже была заполнена водой, и Полина Сергеевна (так звали учительницу) отчаянно дергала ручку двери, пытаясь открыть ее. А вокруг замедленно, как в кино, плавали различные предметы: какие-то бокалы разной формы и цвета, обрывки газет, предметы женского туалета, навсегда покинувшие чью-то сумочку, китайские фарфоровые божки размером с палец, выбравшиеся на волю из шкатулок... Хоровод этот, словно тяжелый эсминец, замыкал большой черный том Библии с золотым обрезом и золотым крестом на обложке... Почему ему опять привиделась эта картина, Воскобойников не мог ответить.

Маша, в знак того, что она не обиделась, принялась прибирать у него на столе. Смахнула в корзину для мусора размокшее печенье, которое он даже не успел попробовать, протерла тряпкой насухо поверхность стола, поправила бумаги, переложив их совсем не так, как они лежали. Но это черт с ним, с порядком бумаг, подумал Воскобойников.

Очередной день прошел на редкость спокойно. Никто из нежелательных лиц не звонил. Жаждавшие встречи с целительницей Анной Кригер теперь осаждали другой дом и другую квартиру, по адресу, указанному шкодливыми подростками, доставляя головную боль местной милиции. Само объявление на дверях воскобойниковского подъезда давно сорвали, и понять, кто направил женщин по новому адресу, не представлялось возможным. Местное милицейское начальство, употребив не одну бутылку водки, мучилось в поисках выхода из создавшейся ситуации и искало способы, как перенаправить воинствующих женщин в соседний район — пусть там штурмуют подъезды и безобразничают.

Сама же виновница событий, всколыхнувших жизнь Воскобойникова, большую часть времени провела в кресле, занимаясь чтением книг. Ее буквально обуял дух познания. Она читала одну книжку за другой.

Воскобойников, в котором возродилось желание извлечь из темной ямы неизвестности того, кто прислал ему «Анну», придя с работы, больше часа провел

за компьютером, удивляясь, что его никто не беспокоит — ни сбрендивший на «живой резине» депутат, ни друзья-гуляки, ни дочка тети Клавы, Ксения, звонившая после нашествия женщин еще пару раз и просившая о встрече с «Анной», но он решительно отказал ей и велел больше не звонить по этому поводу.

Неожиданно «Анна» поднялась с кресла и вышла из комнаты. Воскобойников только минуту спустя сообщил, что она покинула помещение, и с удивлением посмотрел в проем двери. Что ей там понадобилось? Он встал, почувствовав потребность размяться. Сделал пару упражнений для рук. Взгляд его привлекла открытая книга, оставленная «Анной» в кресле. Воскобойников взял том в руки. Это оказался «Дон Кихот». Его это немало озадачило и удивило. Что может понять силиконовое существо в этом духовном послании, адресованном живым людям? Не меньше он был удивлен, когда вслед за этим вернувшаяся в комнату «Анна» поставила перед ним чашку с крепким чаем и блюдо с печеньем. Вид у нее был весьма торжественный. Надо же — сделала чай! «Дорогая, ты меня отравить хочешь? — пошутил он и, взглянув на «Анну», понял, что не следовало так шутить. — Спасибо, спасибо за чай, — поспешил исправиться Воскобойников. — Вижу, что от тебя не только неприятности, но есть и польза...»

В середине следующего дня в офис, где трудился Воскобойников, ворвалась группа людей, большая часть из них — с фотоаппаратами и телекамерами в руках. Поинтересовавшись у того, кто попался на пути, где можно найти Воскобойникова, все эти люди прокатились шумной волной по коридору, распугивая местную публику, которая со дня основания фирмы еще не

видела в ее стенах такого количества пишущей и снимающей братии. Что? Что случилось? — спрашивали сотрудники друг у друга, провожая взглядом толпу, бесцеремонно вкатившуюся в комнату, где сидел Воскобойников. Наверное, из налоговой, будут делать обыск у Алешки, предположил кто-то. Почему у него? Не вижу логики, отозвался другой. Если будут шмонать, то пройдут по всем кабинетам! А чего шмонать? Мы же не банк и не коммерческая компания. Если, конечно, наш Главный чего-то не нахимичил! Сказавший это тут же прикусил язык и счел за благо удалиться к себе в кабинет. Может, Алексей чего-то напутал в расчетах? — строили догадки сотрудники.

Воскобойников до появления «пришельцев» пребывал в благостном состоянии — ему наконец удалось завершить работу над годовым отчетом, который от него ожидало начальство. Оставалось лишь сделать некоторые уточнения. Документ получился весьма удачным, и это радовало его. Плавая в клубящихся облаках мечтаний, таких же розовых, как стоявшие за окном дни, он уже подумывал о том, что даст себе сегодня отдых, поедет к Лере и проведет вечер у нее. Пора объяснить. Его все-таки тянуло к ней, несмотря на разницу в возрасте. Лучше было бы пригласить Леру к себе, но присутствие «Анны» не позволяло это сделать. По двум причинам: «Анна» станет для Леры раздражающим фактором, и в ее присутствии Воскобойников с Лерой будут чувствовать себя, точно влюбленные школьники, знающие, что в соседней комнате присутствует бдительная мать, следящая за их поведением... Воскобойников улыбнулся при мысли об этом. И вот тут в комнату ворвалась толпа, защелкали фотоаппараты, ослепляя все вокруг свои-

ми вспышками. Воскобойникову показалось, что к нему пожаловала толпа человек в шестьдесят, хотя «пришельцев» было в два раза меньше. Оттеснив в сторону занимавших в кабинете свои места Черкашину и Петухова (их буквально вмяли в стены), галдящая и снимающая саранча взяла Воскобойникова в кольцо, чуть не задушив его жарким дыханием, запахом парфюма и какой-то чесночной еды. Вспышки одна за другой полыхали то справа, то слева, словно имели целью разорвать реальное пространство на части. Множество голосов, перебывавших друг друга, обрушилось на Воскобойникова. В этом гвалте он долго не мог понять, чего от него хотят эти люди. Отчетливо его мозг улавливал лишь возгласы, с которых начинались многочисленные вопросы, обращенные к нему: «Господин Воскобойников! Скажите...» И дальше следовал вопрос, смысл которого ускользал от него. Когда наконец набросившиеся на него «пришельцы» поняли, что так от Воскобойникова, ошарашенного всем этим, ничего не добьешься, и поубавили свой пыл, он сообразил, чего от него хотят. Все эти люди явились с целью узнать, как он сделал свое *удивительное открытие*, которое сулит человечеству необычайные возможности. Как ему пришла в голову столь блестящая мысль? А уж к этому пристегивалось все прочее: где и когда родился? кто родители? что он думает о власти в стране? как оценивает работу нынешней милиции? нравится ли ему Большой театр после реконструкции? что он думает об однополых браках?.. И опять все возвращалось к главному вопросу: как ему удалось сделать такое феноменальное открытие? «О каком открытии речь?!» — вскричал Воскобойников. И некоторые из «пришельцев», из тех, что были посообразительнее, по-

думали в этот момент, что у него есть и другие научные открытия, раз он так ставит вопрос. И взяли это на заметку. Но сейчас всех интересовало главное: как он изобрел «живую резину», из которой можно сделать подобие человека, и уже имеется один экземпляр — женщина! Боже, вот, оказывается, в чем дело, побледнел Воскобойников. Он понял, что это дело рук депутата Мордаева, решившего по пьяному делу, что он создал «живую резину». Вот подлец! Теперь он еще и разболтал это журналистам. Что отвечать собравшимся, Воскобойников не знал. Рассказывать о том, что какой-то неизвестный шутник прислал ему резиновую женщину, а та после обряда крещения, в силу неясных обстоятельств, стала двигаться, ходить, совершать поступки, свойственные человеку, — это выставить себя идиотом. «Я не понимаю, о чем вы, — чуть не плача заявил Воскобойников, стараясь выиграть время и придумать что-нибудь, чтобы выбраться из петли, в которой оказался. — Это ошибка, здесь произошла ошибка», — раз за разом повторял он, не объясняя, в чем она, боясь, что явившиеся к нему люди, не удовлетворенные каким-либо объяснением, кроме главного — что он изобретатель, разорвут его на части. Когда Воскобойников совсем пал духом, не зная, как объяснить существо дела, неожиданно за спинами «пришельцев» появился тот, кто все это устроил, — Мордаев. Ростом выше среднего, гладко выбритый, с жизнерадостной улыбкой на лице, словно явившийся на свадьбу жених, в дорогом темном костюме, на котором были обозначены два алых пятна — галстук с большим узлом и платок в нагрудном кармашке, — раздвинув фотографирующую братию, он встал рядом с Воскобойниковым с видом старшего брата, готового защитить младшего.

В эту минуту Воскобойников был рад его появлению: пусть объясняется, раз заварил эту кашу.

— Господа журналисты! — призвал тот к порядку. — Не все сразу!.. — И дождавшись, когда поутихнет шум, произнес речь: — Мы рады вас здесь видеть. Думаю, меня не надо представлять. Я — Мордаев, человек вам известный. Мы сотрудничаем с Алексеем Воскобойниковым, изобретателем «живой резины». Он товарищ скромный и не готов к такому вниманию со стороны прессы. Побережем его. Я попробую осветить многие вопросы, а уж там, где не хватит моей компетенции, включится Алексей Петрович. Предваряя наш разговор, могу сказать следующее: изобретение Воскобойникова имеет большее значение для мировой науки. Существо, подобное человеку, сделанное из «живой резины», не ест, не пьет... не курит, — здесь Мордаев широко улыбнулся, давая понять, что сказанное насчет курения — шутка, и продолжил: — Оно не нуждается в сне и вообще в каком-либо отдыхе. В перспективе его можно отправлять в космические полеты к планетам Солнечной системы и далее, которые требуют десятков лет пути...

Бог мой, что он несет, — подумал Воскобойников, стараясь укрыться за спиной Мордаева. Только бы не побили, когда вскроется обман. С другой стороны, рассудил он, я никого сюда не звал и не вводил в заблуждение рассказами о «живой резине», будь она неладна! Мало ли что еще придет в голову этому Мордаеву! Может, он еще заявит об открытии высокоразвитой цивилизации тараканов, которые говорят на многих языках и сочиняют музыку, подобную музыке Баха?.. Черт возьми, как неудобно перед Главным и сотрудниками за этот цирк!

И вновь посыпались вопросы.

— Что заставляет изделие из резины действовать подобно живому человеку? Что это, энергия или что-то другое? Если энергия, то какова ее природа? Каков характер?

Мордаев строго взглянул на журналистку, задавшую этот вопрос: нельзя быть такой умной, особенно женщине! И многозначительно произнес, подкрепив конец фразы улыбкой:

— Это пока секрет. Пройдет время, и мы с Алексеем Петровичем расскажем обо всем.

Вопрос к Воскобойникову:

— Как вас осенила идея сделать «живую резину»?

Воскобойников начал что-то мямлить, и опять Мордаев взял инициативу в свои руки.

— Случайно, — в доверительной манере сообщил он, словно любил собравшихся журналистов как свою близкую родню. — Большинство открытий совершается случайно.

— И все-таки, каким образом думает ваша женщина, если в голове у нее ничего нет, кроме пористой резины? — спросил настырный молодой человек, представлявший один из каналов телевидения.

— Как думает? — Мордаев замялся, но тут же нашелся: — Так и думает!

— Вы хотите сказать, что резина действует как мыслящая субстанция? — не отставал настырный молодой человек, переглянувшись со своим напарником, стоявшим с камерой рядом.

Еще один умник, поморщился Мордаев, словно попробовал квашеную капусту, где оказалось слишком много кислоты, — нельзя таких на телевидении держать!

— Этот механизм пока недостаточно хорошо изучен... — ответил он со скорбной улыбкой. И опережая возможную реплику настырного молодого человека, желавшего все же докопаться до сути, воскликнул: — Друзья мои! Не технические моменты нас с вами должны сейчас интересовать... а то, что изобрел «живую резину» наш с вами соотечественник, русский человек. А Россия всегда была богата талантами! — И он окинул толпу вдохновенным взглядом.

Лишь прозвучали слова о России, тут же обозначился иностранец, американский журналист.

— Позвольте мне!.. Я так понимаю, если существо из «живой резины» способно мыслить, значит, его можно использовать в военных целях? Например, посадить в качестве пилота в истребитель, который летит на вражескую территорию, или в подводную лодку?

— Мы так далеко не заглядывали.... — Мордаев заулыбался: перед иностранцем следовало держать марку. — И потом, Алексей Петрович, смею вас уверить, пацифист! Не для военных целей он создал свое существо. Это, как вам известно, женщина, и довольно милая. А у женщин другие жизненные задачи.

Журналисты мучили Мордаева и Воскобойникова больше часа. Отвечал на вопросы в основном Мордаев. Воскобойников отделялся короткими репликами, чаще изрекал что-то нечленораздельное. Оба вспотели, словно бежали длинную стайерскую дистанцию. Но Мордаев после пресс-конференции сиял.

— Теперь мы с вами, друг Алеша, повязаны на долгие годы, — заявил он, пожимая перед расставанием Воскобойникову руку.

Журналисты так же стремительно покинули офис, как и появились в нем. Словно из дырявой посуды быстро истекла вода. После них остались поваленные стулья, мятые служебные бумаги на столах, какой-то мелкий мусор и грязь от обуви на полу.

Маша Черкашина и Петухов наконец смогли вернуться на свои рабочие места. Всю так называемую пресс-конференцию они, за неимением возможности выбраться из комнаты наружу, простояли у стен и слышали всё, что говорилось. Теперь оба отряхивались и приглаживались, словно путники, попавшие под дождь.

Комната наполнилась сгорающими от любопытства сотрудниками. Живые горящие глаза, сочувственные лица, общее возбуждение. Всем не терпелось узнать причину столь неожиданного интереса незваных гостей к фигуре Воскобойникова. Что это было? — интересовались они. По какому поводу скандал? Может, и вправду здесь побывали представители налоговой службы и вместе с ними, как обычно, наподобие рыб-

прилипал, жмущихся к телу акулы, вездесущие журналисты?.. Все взоры были устремлены на Черкашину и Петухова, оказавшихся невольными свидетелями того, что творилось в комнате.

Те же кивали на сидящего отрешенно Воскобойникова, похожего на расхристанного пса, побывавшего в потасовке:

— Вы у Алексея Петровича спросите... Наш Алеша, оказывается, изобретатель! Он создал, ни много ни мало, живую резиновую женщину!

— Да ну?!

— Точно! Мы и не подозревали, какой талант расцвел рядом с нами!

— Это правда, Алексей Петрович? Вы сделали женщину из резины? Наподобие живой?

— Зачем? — поинтересовался местный скептик. — Обычных, что ли, мало? Уж чего-чего, а этого добра...

— Это неправда! Произошла ошибка, — отказывался Воскобойников, затравленно глядя на сослуживцев. — Я не изобретал ничего. И пытался объяснить это журналистам, но меня не захотели слушать! А тут еще этот сбрендивший депутат явился...

— Тогда откуда все эти разговоры о резиновой женщине, которая живет у тебя в доме? — спросил Петухов. Он был уверен, что здесь дело нечисто и Воскобойников что-то скрывает.

— Не знаю, — покривился Воскобойников и встретился глазами с Мызниковым.

Тот, как помнит читатель, слышал разговор Воскобойникова с Брагинцом, в котором речь шла о резиновой женщине. Воскобойников с отчаянием подумал, что если Мызников заговорит, ему конец. Но Мызников,

к счастью, оказался человеком не болтливым и промолчал. И вообще вскоре ушел к себе в комнату, не желая наблюдать, как сослуживцы терзают своими вопросами Воскобойникова, которому и так пришлось несладко.

Кто-то из сердобольных женщин сунул Воскобойникову в руки рюмку с коньяком.

— Выпей!

Воскобойников выпил коньяк. И вскоре почувствовал его живительное действие. Стало легче.

Сослуживцы еще некоторое время донимали его вопросами, желая удовлетворить свое любопытство. (Человеческая слабость — куда от нее денешься!) Но Воскобойников упорно твердил, что произошла ошибка, его, вероятно, с кем-то перепутали, и он не знает, о чем речь; и что так же далек от желания что-либо изобретать, как Париж далек от Сургута. Бывает же, говорил он, что люди попадают под следствие по ошибке, а потом выясняется, что они не виновны, и их выпускают на свободу... «У нас не выпускают, — заявил желчный Петухов. — Коли угодил за решетку, будешь сидеть. И ты, раз попал в изобретатели, теперь долго будешь ходить с ярлыком изобретателя. А если еще и резиновую бабу у тебя дома найдут!.. — Петухов многозначительно посмотрел на Воскобойникова. Его уверенность, что Воскобойников что-то темнит, только упрочилась. — Был бы ты женат, этого бы не случилось». — «Отстань!» — Воскобойников махнул рукой. После этого офисный народец как-то потерял интерес к происходящему и постепенно рассосался, не рассчитывая узнать еще что-либо новое...

До Леры в этот вечер он все же добрался, как и мечтал. Но не в благостном настроении с желанием поми-

риться, все объяснить, а утомленный, безрадостный, пьяный. Домой он не спешил, опасаясь, что у дверей квартиры его караулят какие-нибудь настырные молодчики с телекамерами. Нужно было пересидеть где-то допоздна, и он выбрал Леру, предпочтя ее другим.

Лера увидела, что он пьян и в удрученном состоянии, не стала ни о чем расспрашивать. И вообще повела себя так, словно не было размолвки. Провела его в кухню, усадила за стол, поставила перед ним тарелку с супом, нарезанный хлеб, что-то из закусок. Села напротив. Проголодавшийся Воскобойников некоторое время ел молча. Молчала и Лера. Тишину нарушало негромкое бормотание телевизора, висевшего на стене, и что-то булькало на плите в кастрюле. Насытившись, Воскобойников поинтересовался, где Лерины дети. Лера сказала, кто где. Сын Павел, десятиклассник, отправился на хоккей, дочь Лика (она была моложе брата на два года) находилась у себя в комнате. Дети Леры были вполне самостоятельными людьми и никогда не задавали матери ненужных вопросов по поводу визитов, часто поздних, Воскобойникова. Не спрашивали, какое место он занимает в ее жизни, не судили ее. И это ему определенно нравилось, и он испытывал к ее детям почти родственные чувства.

После разговора о детях опять наступило молчание. Воскобойников чувствовал себя опустошенным, и затевать с Лерой разговор об «Анне», рассказывать все подробно, кто она такая и откуда взялась, у него не было ни желания, ни сил.

Неожиданно в кухню вбежала Лика, с пухленькими щечками, как у матери, с такими же агатовыми глазами и ямочкой на подбородке.

— Мама! У тебя телевизор работает? Сделай громче! — И тут она увидела Воскобойникова, смутилась. — Ой, это вы?.. Здравствуйте!.. Там про вас говорят!

— Про меня? Где? — не понял Воскобойников. От усталости он даже не удивился.

— По телевизору. В новостях!

Лера метнулась к телевизору, прибавила звук.

Воскобойников увидел на экране себя, взъерошенного, напуганного, жалкого, а рядом красавца Мордаева, прикрывающего его плечом, и пришел в ужас. Голос за кадром рассказывал, что состоялась пресс-конференция, где журналисты разных изданий и телеканалов встретились с московским изобретателем Алексеем Воскобойниковым (последовал крупный план) и его компаньоном Мордаевым (тоже крупно). Воскобойников изобрел «живую резину», из которой сделал женщину. Эта женщина ходит, действует, как живой человек, взахлеб рассказывал журналист, совершает человеческие поступки, способна читать, мыслить, только не говорит. Ей не нужны еда и отдых. Дальше следовало какое-то не очень резкое изображение женщины, снятое, видимо, на мобильный телефон, в котором Воскобойников узнал «Анну». Вот подлец, подумал он о депутате, и съемку успел сделать!

Лера тоже узнала «Анну» и перевела удивленный взгляд на Воскобойникова. Теперь она стала кое-что понимать.

Лица, обхватив мать за талию, прижималась к ней телом, счастливая, чувствуя и себя немного причастной к славе Воскобойникова, о котором она не знала, что он изобретатель: ну, приходит к матери человек, симпатичный, малоразговорчивый — в общем, ничего особенного, и вот надо же!

Дальше в телевизионном сюжете рассказывалось о том, что женщина, сделанная из «живой резины», по утверждению изобретателя, не механический робот по японскому образцу, а мыслящее существо, и мыслит оно за счет особого состава резины, аналогичного клеткам человеческого мозга. Услышав это, Воскобойников схватился за голову и отвел в сторону стыдливые глаза: что они плетут?! Ничего подобного он не говорил. Разве что это мог ляпнуть одуревший Мордаев, но на пресс-конференции он слушал его откровения вполуха.

Мать и дочь истолковали его жест по-своему: человек стесняется своей славы. Это обнадеживает, с таким можно иметь дело. Кроме этого, Лера была счастлива, что «Анна» оказалась *детисцем* Воскобойникова, а не его любовницей.

Но сюжет показом фрагментов пресс-конференции в офисе Воскобойникова не закончился. Сенсацию надо было раскручивать на полную катушку, и телевизионщики, знавшие свое дело, жали вовсю. На экране появились автор сюжета и два приглашенных им ученых, доктора наук, один — специалист в области биологии, другой — профессор-химик. Биолог был лыс, гладко выбрит, с обвислыми щеками, с ленинскими глазными щелками, химик имел вьющуюся шевелюру, словно волосы только что подзавили горячими щипцами, крючковатый нос и неопрятную растительность под носом и на подбородке. Химик стал утверждать, что изобретатель «живой резины» — невежа, графоман. Не может быть никакой *мыслящей* резины, потому что химический состав любой резины есть не что иное, как... Дальше следовал поток формул и наукообразных заключений, смысл которых Воскобойникову, имевшему в школе по химии трой-

ку, был неясен, а точнее скрыт, как содержимое чужого сейфа в связи с отсутствием ключей. Биолог не то чтобы полемизировал с химиком, но имел всё же иную точку зрения. Нельзя огульно отвергать, что бы это ни было, утверждал он, надо все проверить, тщательно изучить... Мир во многом еще не познан, и возможно всякое. Бывают же чудеса. Может быть, «живая резина», которую на суд общественности представил господин Воскобойников, умеет воссоздавать внутри себя бином человека. Возможно, материи — неживая и живая — при определенных условиях взаимодействуют, стимулируя возникновение нейрохимических процессов. Если это так, нас ждет немало открытий на этом пути.

Воскобойников нервно дернулся на стуле.

— Водка есть? — спросил он у Леры.

— Есть.

Ему не терпелось запить весь этот бред, участником которого он поневоле стал. Лере же подумалось, что он хочет отметить свою удачу. Она вынула из шкафчика початую бутылку водки и две рюмки — Воскобойникову и себе. Поставила на стол.

Воскобойников налил рюмку себе, сразу выпил и, не закусывая, налил вторую.

— Налей мне, — попросила Лера, освобождаясь из объятий дочери.

Воскобойников вместо этого выключил телевизор.

— Поздравляю, — сказала Лика и, сверкнув улыбкой, удалилась к себе в комнату, чтобы не мешать матери и ее другу.

Лера сама налила себе водки, выпила.

— Я так мало знаю о тебе... — сказала она. — А ты, оказывается, знаменитость, изобретаешь такие вещи...

До сих пор с трудом верится, что девушка, которую я встретила у тебя, сделана из резины...

Воскобойников обреченно махнул рукой. Когда выяснится, что не существует никакой «живой резины», он станет посмешищем для многих людей. Его будут считать городским сумасшедшим. «Слух обо мне пройдет по всей Руси великой...» Мысль о будущем позоре угнетала его. А Лера что-то говорила и говорила, глядя на него посветлевшими влюбленными глазами, но он не слышал ее. Мысли его были далеко, теряли определенность, обращались в нечто туманное — слишком много сегодня было выпито. Он сидел, опершись локтем о стол, и тупо смотрел в пространство. А Лера как-то не думала о том, что Воскобойников ее не слушает, и голова его утратила ясность. Ей хотелось выговориться и сказать — впервые за время их знакомства — что она привязалась к нему, что он стал важной частью ее жизни, некоей высоко звучащей струной, с удалением которой нарушится привычный музыкальный ход бытия. Но сказанное мною, подчеркнула она, ни к чему тебя не обязывает, пусть всё остается как было. В какой-то момент он взглянул на Леру с удивлением, морща брови, с пеленою во взоре, как-то разом подурневший, не понимая, кто эта пухленькая возбужденная женщина с ямочкой на подбородке, сидящая перед ним, и откуда она взялась, черт возьми?! Некоторое время он пытался сосредоточиться, но так и не смог — утратив власть над телом, уткнулся безвольной головой в стол и отключился... Темнота, темнота, в которой ни огонька, ни звука, поглотила его, готовая, если надо, держать его в своем мешке вечно, не давая вспомнить, кто он, что он и откуда; но время для этого еще не пришло.

У себя в квартире Воскобойников появился только вечером следующего дня. Пока шел от лифта, опасливо косился по сторонам, нет ли кого в засаде. К счастью, на лестничной площадке и выше ее, откуда хорошо просматривалась его дверь, никого не было.

Войдя в прихожую, он разделся. Блестящий офицер Л.Н. Толстой опять висел криво. Надо прибить сбок гвоздь, подумал он, чтобы граф не сваливался набок. Из комнаты доносилась музыка. Воскобойников понял, что это дело рук «Анны» — опять включила радиоприемник. Ну что же, если она читает книги и умеет мыслить, следовательно, может маяться от безделья, скучать в одиночестве. И он с виноватым чувством подумал об «Анне», сожалея, что оставил ее одну на такое долгое время.

Воскобойников вошел в гостиную и онемел от увиденной там картины. «Анна» лежала на полу между столом и входной дверью, раскинув в стороны руки, будто неживая. Глаза закрыты. Волосы растрепаны. Запя-

стья рук — в крови, словно их перерезали острым предметом. Тут же валялся окровавленный нож. Что это, устроила расправу над собой?

Воскобойников в смятении бросился к ней, опустился на пол. И только тут сообразил, что «Анна» существо бескровное, внутри у нее только силикон и алюминиевый каркас, и если порежет вены на руках, то не может истечь кровью. Но кровь на запястьях была. Воскобойников тронул пальцем кровь, попробовал на вкус. Это оказалось вишневое варенье. Воскобойников поискал глазами и увидел банку с вареньем на полу у кресла. Вот мерзавка, нашла где-то варенье!

— Вставай! — велел он. — Хватит меня дурачить... Я понимаю, тебе было одиноко, но не следует меня пугать. У меня и так голова кругом! Да, я вчера не пришел, плохо, конечно... Но были обстоятельства.

«Анна» открыла глаза, медленно села на полу. Посмотрела на Воскобойникова. В глазах ее была такая человеческая тоска, что Воскобойникову стало не по себе. А ведь она и вправду совсем живая, мелькнула мысль.

— Ну, прости... — сказал он.

Затем поднял ее на руки, как ребенка, отнес и усадил в кресло — на привычное место. Вынул из кармана носовой платок и обтер ее запястья от варенья.

— Не делай так больше...

Отнес нож на кухню. Обмыл его над раковиной. Вернулся в комнату. Прежде чем растянуться бездумно на диване, постоял возле «Анны», погладил ее по голове, желая тем самым утешить. Подивился тому, что стал сентиментальным и сочувствует — кому? — резиновой кукле.

«Анна» взглянула на него исподлобья, повеселела. Когда он улегся на диван, подняла с пола книгу — это был все тот же «Дон Кихот», открыла заложенную страницу, стала читать.

Идиллическая семейная сцена, усмехнулся Воскобойников: изобретатель «живой резины» и его детище. Вот вляпался, так вляпался!

«Анна», читая, морщила личико, иногда отрывала глаза от книги и смотрела туманно в пространство, словно обдумывая прочитанное.

Абсурдность происходящего поражала наблюдавшего за нею Воскобойникова. С какой целью читает это резиновое создание? Проткни ее, к примеру, завтра шилом или отдели голову от туловища, и всё — нет ее. Зачем ей, в таком случае, это знание? Да и человек, между прочим, находится не в лучшем положении, подумал он мгновение спустя. Всю жизнь что-то учит, читает, изучает, а потом — смерть, и всё, что было накоплено, уходит неизвестно куда. И зачем собирались эти знания, одному Богу известно. И по наследству их не передашь...

Думая обо всем этом, он заснул. Сквозь сон он слышал звонки мобильного телефона, которые тревожили его, еще немного — и он бы проснулся, но звонки прекратились. Это «Анна» отключила телефон.

Воскобойников спал еще некоторое время и проснулся от того, что кто-то подергал его за плечо. Открыв глаза, он увидел перед собой свою сестру Ольгу.

— Ты как здесь? — не понял он спросонья.

— У меня ключи, — пояснила та.

Он тут же поднялся, сел на диване, пригладил волосы, пытаясь таким образом привести себя в порядок после сна.

— Не вовремя задремал... — объяснил он, словно оправдывался перед школьным учителем за то, что уснул во время урока. — Как ты? Как девочки?

— Девочки нормально, — ответила Ольга. И отвернувшись от брата, сделала шаг в сторону «Анны», отложившей книгу, и принялась разглядывать ее. — Лучше расскажи о себе, изобретатель... — сказала она.

— Изобретатель? — не понял Воскобойников.

— Ну как же! Мы тоже телевизор смотрим, а там про тебя...

— Ах, вот ты о чем...

— Это она? «Живая резина»?

— Ты за этим сюда явилась?

— Да нет, тебя повидать... Не звонил целую неделю, а тут смотрю — мой брат в «ящике»... Да еще изобретатель! Откуда, думаю, в нем это, если он гвоздь может вбить в стену только после серьезного принуждения?

— А ты не верь всему тому, что по «ящику» болтают.

— Ну как же! Твое лицо, крупно, пресс-конференция, ученые какие-то спорят...

Ольга приблизилась к «Анне», протянула к ней руку с намерением потрогать ее.

— Не делай этого! — остановил ее Воскобойников. — Она не любит, когда ее трогают.

Ольга присела к столу.

— Не понимаю, — сказала она, — с какой целью ты это делаешь? Пригрел живую девку в доме и выдаешь ее за «живую резину». Это же мошенничество чистой воды!

— За «живую резину» я никого не выдавал, это все враки! — повел головой Воскобойников, он устал объяснять, что к чему. Но держать родную сестру в неведении, когда немало других в курсе дела, было нехорошо. — Но

девушка действительно резиновая, — признался он. — Мне прислали ее в подарок перед Новым годом.

— Как это прислали?

— В картонной коробке. Посыльный принес.

— В картонной коробке?.. Но она же двигается... Вон книгу перед этим отложила, пялится на меня... Как такое возможно?

Пришлось Ольге все рассказать. Как крестили «Анну», как она пошла после этого и что затем началось. И про нашествие женщин рассказал, и про Мордаева, мерзавца, загнавшего его, Воскобойникова, в угол с этой самой «живой резиной»; и как теперь выкручиваться из этой ситуации, одному Богу известно.

Теперь Ольга с опаской поглядывала на «Анну»: разве может та быть разумным существом, не имея прошлого, жизненных навыков, духовной основы внутри? Глядишь, отчебучит что-нибудь ужасное! Тут люди-то, всё это имеющие, и то порою такое творят, что ум за разум заходит...

Продолжить разговор Ольга решила на кухне.

— Пошли чаю выпьем, — предложила она.

Они перешли на кухню и говорили вполголоса.

— Отдал бы ты ее, Алеша, кому-нибудь, — сказала Ольга.

— Отдал бы, — признался Воскобойников, — только теперь это мало что изменит. Все равно терзать меня будут: где она? куда дел? Правда ли, не правда — отвечай! Вон наша родня Ксюша Снегирева звонит: пусти, говорит, к целительнице, у меня проблемы по женской линии, после первого сеанса мне лучше стало... А какая она, к черту, целительница?!. А уж на работе, поверь, меня еще долго обсмеивать будут!

— Ну и пусть. Главное — избавиться от нее.

— А ты знаешь, — усмехнулся он, — я уже как-то привык, что она здесь рядом, сидит, ходит, капризничает, как всякая нормальная женщина...

— И все же подумай, — сказала сестра, брови ее шевельнулись, и над переносицей появилась вертикальная морщинка, свидетельство ее озабоченности. — Зачем тебе держать в доме неизвестно что? По сути, это же бесовское отродье... — И Ольга перекрестилась. — Ладно, мне пора.

По дороге в прихожую они зашли в гостиную за сумочкой Ольги. Забирая ее, Ольга задержалась у стола, посмотрела внимательно на «Анну», будто хотела напоследок что-то уяснить для себя. Та, прервав чтение, взглянула на нее исподлобья. Потом на лице ее появилась вежливая улыбка. Видимо, понимает — раз это сестра хозяина, следует быть кроткой, подумал Воскобойников. И вдруг задал «Анне» неожиданный вопрос:

— Анна, скажи мне, ты способна исцелять людей?

Острый взгляд голубоватых глаз устремился на него. И «Анна», после долгой паузы, утвердительно кивнула.

— Врешь! — нахмурился Воскобойников, недовольный таким ответом. — Чтобы быть целителем, надо обладать определенными чувствами, многое знать... А ты ничего не знаешь, да и энергетики нужной у тебя нет. Ну, прочла ты с десяток книг, и что?

«Анна» покачала головой, на этот раз весьма сердито, недовольная тем, что ей не верят.

Воскобойников переглянулся с сестрой и решил вывести лгунью на чистую воду:

— У меня сейчас голова болит... Сними боль, если можешь.

У него действительно разболелась голова.

«Анна» отложила книгу, поднялась с кресла. Когда она шла к Воскобойникову, Ольга сумела рассмотреть ее в полный рост. Узнала надетые на ней свои вещи: кофту и юбку. Отметила, что все пришлось впору и девушка хорошо сложена. Вот, оказывается, кого хотел приодеть брат. И вновь у нее закралось сомнение в том, что девушка сделана из резины.

«Анна» тем временем взяла ладонь Воскобойникова, с минуту держала ее в своих руках. Когда она отпустила руку, Воскобойников с удивлением обнаружил, что боль прошла.

— Надо же! — воскликнул он, обращаясь к сестре. — Голова прошла... — Затем повернулся к «Анне», стоявшей перед ним в позе победительницы: — И все равно, ты не целительница. Это случайность...

— Я пойду, — сказала Ольга. — Проводи меня...

Они вышли во двор, окунувшись в резкий морозный воздух. Небо было темным, безоблачным, несколько редких звезд, те, которым удалось пробиться сквозь толщу темноты, мерцали над головой.

— Может, отвезти тебя? — спросил Воскобойников, найдя взглядом свою машину.

— Не надо, — отказалась Ольга. — Я такси возьму...

Они пересекли двор, вышли на улицу. Некоторое время шли вдоль проезжей части. Под ногами хрустел снег. Повсюду горели огни. Ольга не спешила поднимать руку, оттягивая момент расставания с братом.

— И все-таки, — сказала она, — избавься от нее... Отдай тому, у кого до таких игрушек нужда... Это не дело, когда резиновую девку в живых держат. Добром это не кончится.

— Между прочим, — сказал Воскобойников с глупой улыбкой, — у нее даже паспорт есть... Настоящий! Представляешь?

— Боже! Чему ты радуешься? Я боюсь за тебя, Алеша... — Ольга остановилась и посмотрела брату в глаза.

Воскобойников притянул ее к своей груди. Так они стояли несколько мгновений, со стороны похожие на любовников, которые не могут расстаться. Потом пошли дальше, слушая, как хрустит снег под ногами.

— Ты вот сказала, что она — бесовское отродье, — заговорил Воскобойников. — Это не так. Рассуди: она не робот, у нее есть душа. А бес душой не одаривает, он может лишь погубить ее. Душу-то дает Бог. И неважно, в какую оболочку Он ее помещает. У человека ее прикрывают кожа и мышцы, у птиц — перья, у зверей — шерсть, а вот у Анны — резина. Так уж случилось. Когда приходит смерть и душа отлетает, не имеет значение, из какого сосуда она истекла...

— Еще немного, и я подумаю, что мой брат серьезно болен... — сказала Ольга. Вид у нее был утомленный. Она поправила Воскобойникову шарф, вылезший из-под воротника дубленки наружу. — Береги себя. Ты мне очень дорог.

Когда, проводив сестру, Воскобойников возвращался домой, на подходе к подъезду его остановил скользнувший тенью мужик, вылезший из черного джипа, стоявшего поблизости.

— Господин Воскобойников? — окликнул он.

— Я, — напрягся Воскобойников, не ожидая ничего хорошего. И оказался прав.

— Это ты изобрел «живую резину»? — последовал уточняющий вопрос.

Мужик был выше среднего роста, имел уверенный вид, волевой подбородок, когда говорил, над наглыми глазами шевелились, как живые, густые темные брови. И одет он был добротно. Или из ментов, или фээсбешник, решил Воскобойников.

— Ничего я не изобретал... — ответил он.

— Брось! — заявил незнакомец. — В Интернете ролик гуляет с твоей резиновой девкой, которая действует, словно человек...

Воскобойников подумал о Мордаеве: вот сволочь! Он еще и видео в Интернет запустил!

Незнакомец подошел совсем близко, он не боялся свидетелей и не скрывал своего лица.

— Рассчитываешь получить хорошие бабки за промышленное использование «живой резины»? Верно?

Воскобойников молчал. Слишком много пришлось бы объяснять незнакомцу. И все равно тот бы не поверил.

— Что ж, — продолжал нежеланный собеседник, — навар — вещь полезная... Но если хочешь жить без проблем, будешь делиться. Еще Ильич говорил, делиться надо. А мы возьмем тебя под защиту.

— Кто это «мы»?

— Хорошие люди. Придет время, узнаешь.

Воскобойников неожиданно успокоился.

— Послушайте, это недоразумение. Нет у меня никакой «живой резины», все вопросы к депутату Мордаеву. Это он наколбасил в этом деле.

Незнакомец несколько мгновений разглядывал его. Сейчас ударит, подумал Воскобойников. Но удара не последовало.

— Резиновая баба у тебя есть? Только не ври!

— Ну допустим, — вынужден был признать Воскобойников и подумал: не следует ничего объяснять.

— Уже лучше, — кивнул удовлетворенно незнакомец, и брови его шевельнулись. — Она ходит, двигается, верно?

— Ходит, — вновь подтвердил Воскобойников.

— Ну вот! А ты говоришь: не изобретатель! Подумай над тем, что я сказал. Мы люди не жадные, нас устроит половина...

— Какая половина?! — возбудился Воскобойников. — Говорю же, нет у меня ничего.

— Не спеши отказываться, — сказал обладатель густых бровей. — А то ведь можно срок получить за хранение наркотиков в особо крупных размерах... А на нарах с тобой резиновой сучки не будет... Кстати, как она, хорошо сосет?..

На том и расстались. Мужик с густыми бровями повернулся и, не дожидаясь ответа на свой вопрос, пошел к машине. Воскобойников поспешил к подъезду. Чертте что, подумал он раздраженно. Все сошли с ума!

В подъезде его ожидала еще одна нежеланная встреча. Прямо из лифта на него вывалился Пашка-связист. Он был навеселе, лицо красное, взгляд озабоченный, шапка на затылке, — видимо, не хватило водки, и он отправился за новой бутылкой. Ткнувшись в грудь Воскобойникова, он радостно воскликнул:

— О, изобретатель!

И Воскобойников понял, что тот тоже смотрел телевизор, где героями программы были он и Мордаев.

— Гуляешь? — спросил он, желая сбить Пашку с мысли и уйти от нежелательных вопросов.

— Ну-тк! Сам понимаешь.

— А что говорил президент Буш?.. «Вместо водки лучше душ!»

— Это как кому, — не согласился Пашка.

Воскобойников шагнул в кабину лифта, с мыслью поскорее нажать кнопку и уехать. Но не тут-то было. Пашка тут же завернул следом. Везти же Пашку на свой этаж не имело смысла — больше времени потеряешь, пока от него отвяжешься.

— Слушай, Алексей! — произнес Пашка, дыша ему в лицо перегаром. — Я все по тому же вопросу!

— По какому? — Воскобойников прикинулся, что не понимает, о чем речь.

— Я о твоей жиличке... Ты у нас, оказывается, улетный мужик! Придумал такое, от чего у всех ученых волося дымом!

Начинается, подумал Воскобойников. Сейчас опять речь об «Анне» заведет, а потом «о взаимопомощи русских».

— И жиличка у тебя — не проститутка, как выяснилось, а «живая резина»... — захлеб продолжал Пашка, давая понять, что он в курсе всех новостей. — Это ж еще лучше: от настоящей бабы можно что-нибудь подцепить, а от резиновой — ничего! Не жмись, ученый, дай с ней перепихнуться... Страсть как хочется понять, что это и как!

— Этот образец создали для научных целей, — начал врать Воскобойников, вынужденный играть роль изобретателя, — а не для того, чтобы такие, как ты, лезли на нее. И потом, негоже жене изменять, даже с резиновой девкой! Этим ты свою половину унижаешь.

— Жаль, что ты не узбек и не таджик... — вздохнул Пашка, полыхнув Воскобойникову в лицо перега-

ром. — И почему мы, русские, друг на друга говнольем?

— Паш, иди куда шел. У меня и без тебя проблем хватает...

Выйдя из кабины лифта, Пашка поднял вверх указательный палец и погрозил им неизвестно кому: то ли Воскобойникову, не желавшему войти в его положение и быть настоящим *русским*, то ли своей до срока подурневшей жене, к которой отныне не лежала его душа, то ли Господу Богу, за то, что тот не хочет сделать Воскобойникова щедрым.

И пока не закрылась дверь лифта, Воскобойников видел его сутулую спину и вознесенный вверх указательный палец с наполовину посиневшим отдавленным ногтем.

А поток событий, захлестнувший жизнь Воскобойникова, не спешил сбавлять свой ход и все катился, совершая на своем пути новые поломки, большие и малые. И Воскобойникова несло в этом потоке, напрягая и тревожа его ум и вынуждая, несмотря на присущую ему инертность, сопротивляться и совершать поступки. После того как генерал Калашник чуть было не пустил ему пулю в висок, Воскобойников стал как-то иначе воспринимать окружающую его действительность. Стал ценить то, на что раньше не обращал внимание. Наряду с этим в нем возобладали настроения, свойственные фаталистам: чему быть, того не миновать.

В очередной раз, когда Воскобойников находился на работе, ему позвонил Мордаев. И навалился на него с просьбой: взять «Анну» и приехать по указанному адресу на встречу с богатыми людьми. Эти люди, если поверят в идею «живой резины», могли бы вложить в проект большие деньги. Им только надо показать «Анну», чтобы они могли увидеть ее во всей красе. Смогли бы потрогать ее и понаблюдать за нею: как она двигается, как реаги-

рует на поступки людей, и вообще. Воскобойников стал отказываться, заявив в который раз, что нет никакой «живой резины», а Анна — единичный экземпляр, и что стыдно брать под нее денежные средства. «Это мошенничество», — сказал он. «Это бизнес-проект, — принялся убеждать его Мордаев. — И если нет “живой резины”, то это не беда! Не все проекты, в которые вложены деньги, приносят плоды. Иногда они бесплодны, как некоторые женщины, которых обделила природа. Но это не значит, что с этими женщинами не следует иметь дело. Поймите, мой друг, мы получим на исследования несколько миллионов, грех отказываться. В конце концов, уж коли вы такой честный, помогите мне. Ну что вам стоит привезти Анну и показать ее денежным мешкам? Они тоже внакладе не останутся. Получат под это дело из госказны хорошие бабки, инвестиции и все такое... Ну, сделайте это ради меня, будьте гуманным! — Он понял, на что в душе Воскобойникова следует давить. — Вы ее привезете и увезете, остальное — моя забота». — «Ну, хорошо, — поддался на уговоры Воскобойников, — но у меня нет для нее верхней одежды, нет сапог, а вывозить ее в зимнее время в раздетом виде неприлично». — «Бросьте, это мелочи, — заявил Мордаев. — Я пришлю вам и дубленку на нее и сапоги... Какой у нее размер обуви?» — «Не знаю, — сказал Воскобойников, — но ножка небольшая: тридцать четвертый или тридцать пятый размер». — «Все будет, ждите, — пообещал Мордаев, — придет машина и привезет вещи; на ней же вас и отвезут на встречу с нужными людьми». — «Ох, втянете вы меня в очередные неприятности, господин депутат», — посокрушался в конце разговора Воскобойников. «Не бойтесь, все будет тип-топ!» — заверил Мордаев.

Действительно, он прислал и дубленку, и сапоги, как и обещал, и даже дорогой женский костюм в дополнение. Привез вещи его помощник, сдержанный молодой человек, назвавшийся Виктором.

Воскобойников велел «Анне» надеть костюм и сапоги. Все оказалось ей впору. Помог надеть дубленку. «Анна» не понимала, зачем ее одевают, и вела себя беспокойно.

Уже когда они сидели в машине депутата, она повеселела и с большим интересом смотрела в окно, разглядывая прохожих, дома, машины. Ей все было в новинку. Когда что-то представлялось ей особенно интересным, «Анна» поворачивалась к Воскобойникову и взволнованно хватала его за руку, видимо, хотела что-то спросить, но не могла. И не имея возможности задать вопрос и высказать свои впечатления, она тянула Воскобойникова к оконному стеклу, указывая пальцем на то или иное, что привлекло ее. И он, если успевал увидеть в бегущем пейзаже то, на что она хотела обратить его внимание, старался дать пояснения. Со стороны «Анна» напоминала сельскую жительницу, впервые оказавшуюся в большом городе.

Помощник депутата, сидевший рядом с водителем, удивленно косился на нее, не понимая, почему эту молодую женщину все вокруг так возбуждает.

Машина остановилась возле старой постройки отремонтированного особняка, теперь, после ремонта, выглядевшего весьма парадно. Для полноты картины не хватало коляски, запряженной парой лошадей, у подъезда. Глаз радовался при виде этого помолодевшего сооружения, сумевшего в числе немногих сохраниться до наших дней, счастливо избежав разрушительного воздействия большевиков и современных нуворишей.

Вслед за помощником депутата Воскобойников и «Анна» вошли в подъезд. Миновали милиционера на входе. Разделись на вешалке, поднялись по широкой парадной лестнице вверх. Вокруг сиял мрамор, горел свет в позолоченных светильниках, мужчины и дамы, жившие в начале XIX века, строго глядели с картин на стенах, словно пытаясь понять, что за люди, идущие по залу, пришли им на смену.

Все трое вошли в комнату за высокой белой дверью. Там их ждал Мордаев.

— Я рад! — воскликнул он и, пожав руку Воскобойникову, кисло улыбнувшись в ответ, обошел вокруг «Анны», придирчиво оглядывая ее со всех сторон, довольный, что присланный им костюм пришелся ей впору. — Белиссимо! — заключил он.

«Анна», не обращая на депутата внимания, смотрела по сторонам. Ее все здесь привлекало: позолоченные бра на стенах, большие китайские вазы, возвышающиеся в разных углах, в росписи которых были представлены сцены из жизни императоров, непримиримых завоевателей и миротворцев, старинная мебель красного дерева, значительно отличающаяся от той, что была в квартире Воскобойникова. «Анну» привлек диван эпохи Николая I с жесткой спинкой, и она проскользнула к нему и, погладив ладонью темно-красную в полоску обивку сиденья, уселась сверху с довольным лицом, счастливая, точно девочка. Когда она встретила хмурый взгляд Воскобойникова, удивилась, что тот не разделяет ее восторга. Тут же поднялась с дивана и направилась к нему, желая быть рядом с ним, раз он не одобряет ее поведения.

— Виски? Коньяк? Пиво? — любезно предложил Мордаев, довольный непосредственностью «Анны».

— Нет-нет, — отказался Воскобойников.

Послышался звон старинных часов, отбивающих время. Воскобойников поискал часы глазами, но не нашел их.

Внимание его привлек стоявший в углу большой, около метра в диаметре, глобус странной окраски: океаны и моря на нем были желтого цвета, а материка темно-красного, и он напоминал арбуз-мутант. Это явно была не старинная вещь, как прочие предметы, и невольно возникал вопрос: кому пришлось в голову поставить его в этом интерьере?

У Мордаева в кармане запел мобильный телефон. Он извлек его наружу, с кем-то переговорил и сказал Воскобойникову:

— Нас ждут.

Воскобойников покорно кивнул.

— Просьба: чтобы это было недолго, — попросил он.

— Да, да, — уверил его Мордаев.

И направился энергично к выходу, пригласив жестом следовать за ним. Воскобойников, взяв «Анну» за руку, вышел за депутатом в коридор. Молчаливый помощник замыкал шествие.

Они прошли через просторный холл, так же сияющий после реставрации, как и зал на входе, и оказались в большом помещении, стены которого были заставлены высокими книжными шкафами, полки которых были полны старинных книг, многие с золочеными корешками, отчего помещение имело вид библиотеки. В центре комнаты полукругом за невысоким журнальным столиком из прозрачного стекла стояло несколько кресел. В трех сидели люди. Это были мужчины от сорока и старше. Все были одеты в дорогие

костюмы и одинаковые темно-красные галстуки поверх белых рубашек. Они оживленно беседовали. Когда вошла ведомая депутатом группа, все трое еще с минуту договаривали свой разговор, потом устремили взгляды на вошедших.

Мордаев с деловым видом устремился к столу. Воскобойникова и «Анну» молчаливый помощник увел к дивану, стоявшему у свободной от книжных шкафов стены. Все трое сели там.

Пока Мордаев говорил вступительную речь, Воскобойников с напряженным вниманием разглядывал сидевших за столом мужчин. Холеные лица, уверенные манеры, неспешность речи — все это говорило о том, что сидящие за столом считают себя людьми особенными, избранными, не такими как все, которым дозволено если не всё, то многое, и главное — дозволено решать судьбы людей, потому что только они знают, что для других полезно, а что — нет. Воскобойникову была знакома эта порода. Он встречал ее представителей в кабинете у Главного. При виде их в нем возникало чувство ненависти. Но ненависть эта была не активного свойства, а какой-то вялой, точно побитая собака, которой надо лаять, но нет желания.

В речь Мордаева Воскобойников не вслушивался. Его не интересовало, что тот говорит «денежным мешкам». Ему казалось, если он не станет вникать в содержание слов депутата, то останется непричастным к его затее выдать желаемое за действительное. Изредка до него долетала знакомая словесная конструкция — «живая резина». «Живая резина» то, «живая резина» это... «Анна» с горящими глазами оглядывала убранство интерьера, напоминая ребенка, которому выпало счастье

увидеть столько чудесных игрушек сразу и сознание которого с трудом справляется с обилием впечатлений.

Воскобойников включился в общий ход происходящего, когда Мордаев подошел к нему и попросил продемонстрировать «свое изобретение» тем, ради кого они сюда пришли.

— Анна, встань, — попросил Воскобойников, безразлично подчиняясь указанию депутата. — Идем к столу.

Все трое вышли на середину комнаты и встали на расстоянии двух метров от стола, где их хорошо было видно..

— Это Анна, — с глупым выражением лица сказал Воскобойников. Раз уж принял предложение Мордаева, надо было что-то говорить. — Анна, повернись... Подними руки вверх... Опусти их...

«Анна» послушно выполняла то, что требовал от нее Воскобойников, не понимая цели этого занятия.

Мордаев, наблюдая за нею, буквально сиял, словно радовался за любимую дочь, успешно сдающую экзамен.

«Денежные мешки», объединенные общим скепсисом, разглядывали «Анну» и не спешили делать какие-либо выводы. Словно ареопаг из трех небожителей решал, быть народу на земле или нет. Понаблюдав за действиями девушки из «живой резины», они стали негромко обсуждать увиденное, предполагая, что им хотя бы всучить туфту! Слишком не похожа была представленная им девушка на куклу из силикона.

Мордаев, весь обратившись в слух, ловил каждое сказанное за столом слово. Почувствовав, что сомнения в подлинности представленного экспоната начинают преобладать и его затея может рухнуть, он схватил «Анну» за руку и притащил ее к столу. Глаза его

блестели, ноздри шевелились, словно он вдыхал запах только что пожаренного стейка.

— Михаил Дмитриевич! Олег Владимирович! Роман Аркадьевич! — восклицал он, стараясь при этом не терять лица, не заискивать чрезмерно, ведь он тоже — не чужак с мороза, а фигура в своем депутатском деле заметная. — Если у вас есть сомнения, потрогайте ее... Это силикон! В этой девице нет ни метра кишок, ни капли крови! — И он с силой ткнул пальцем в щеку «Анны», вдавив ее.

«Анне» не понравилось такое обращение, и она попыталась уклониться от депутата. Но Мордаев держал ее крепко.

Тот, кого депутат называл Михаилом Дмитриевичем, высокий, худощавый, с длинными нескладными ногами, с резко очерченными чертами лица, вылез из кресла, направился к «Анне».

Подойдя к ней вплотную, пристально заглянул ей в глаза. Обычно те, на кого он так смотрел, старались отвести взгляд. Но «Анна», далекая от земных страстей, с вызовом посмотрела на него, всем своим видом показывая, что он ей неприятен. А потом вообще показала язык. Михаил Дмитриевич, не привыкший, чтобы с ним так обращались, хотел дать ей по губам, но вовремя сдержался. Если эта девка из резины, подумал он, то глупо на нее обижаться.

— Потрогайте ее, не бойтесь, — возбужденно призывал Мордаев.

— А я и не боюсь...

Михаил Дмитриевич несколько мгновений оглядывал «Анну», решая, к какому месту прикоснуться. Хотел было ухватить ее за щеку, но с брезгливостью отка-

зался от этого. Он взял «Анну» за запястье и сдавил его с такой силой, что оно стало почти плоским, толщиной не больше пальца.

— Похоже, что она и вправду из силикона... — сказал он с удивленным выражением и порадовался тому, что не дал до того резиновой девке по губам: глупо нормальному человеку обижаться на вещь.

Товарищи Михаила Дмитриевича за столом заметно оживились. Их взгляды устремились на Воскобойникова. Последовал вопрос: как же удалось заставить резиновую куклу для сексуальных услуг двигаться и вести себя по-человечески?

— Удалось... — ушел от ответа Воскобойников, желая, чтобы все это поскорее закончилось.

Он чувствовал себя крайне неуютно, словно лез в карман соседа. Он не испытывал сочувствия к тем, кого хотел обмануть Мордаев (вон они какие, гладкие, розовощекие, пахнущие дорогим парфюмом, далекие от забот обычного человека!), но ему не хотелось прослыть мошенником.

Тот, кого звали Олегом Владимировичем, самый скептический из тройки, неожиданно спросил, щуря выпуклые глаза:

— А как она в постели?.. Секс и все такое?

— Не знаю, не пробовал...

— Да ладно врать-то! — не поверил Олег Владимирович.

Воскобойникову меньше всего хотелось, чтобы обсуждали его интимную жизнь, и он решил не вступать в разговоры и ограничиться молчанием.

— Он всего лишь изобретатель, — пришел на помощь Мордаев, — а не сексуальный извращенец...

— И все же с трудом верится, что эта девица из силикона, — сказал сдержанный и осторожный Роман Аркадьевич. — Я наблюдаю за ней несколько минут, и у меня нет сомнения, что она живая. Вон и крестик, вижу, у нее на шее... Скажите, Мордаев, вы ей заплатили за это представление?

Тут возбудился Михаил Дмитриевич.

— Послушай, Роман! Я только что держал ее за руку. Поверь мне, это силикон. Подойди, пощупай ее.

Роман Аркадьевич покачал головой.

— Послушайте, — вмешался в разговор коллег Олег Владимирович, — чего мы спорим? Давайтеотрежем ей фалангу пальца... к примеру, на мизинце... И тогда пойдем, живая она или из резины. Мелочь — фаланга пальца. — Он бросил взгляд на помощника Мордаева: — Принеси, любезный, нож или ножницы!

Помощник послушно поднялся с дивана, где сидел все это время, скучая и думая с грустью о своей простуженной жене, заболевшей так не вовремя, ведь они собирались на отдых в теплые края.

И тут возбудился Воскобойников.

— Не дам! — заявил он.

— Чего не дам?

— Пальцы ей резать!

— Чего это он? — хмуро спросил Олег Владимирович, обращаясь к Мордаеву. — Речь идет о больших деньгах. Хотите туфту нам слить?.. Режьте палец немедленно и кладите сюда, иначе сделки не будет! — Он указал на свободное пространство на столе среди стаканов и бутылок с минеральной водой.

Мордаев бросил умоляющий взгляд на Воскобойникова:

— Давайотрежем, чего ты? Что ей, резиновой, будет? «Анна», сообразившая, о чем идет речь, спрятала руки за спину. Глаза ее испуганно забегали.

— Не дам резать! — заявил Воскобойников. Он старался сдерживать негодование. Лица «небожителей», с непониманием смотревших на него, обратились в нерезкие светлые пятна, словно с лиц этих содрали черты, и лишь сильный запах парфюма, долетавший до его носа, свидетельствовал, что перед ним не бездушные пятна, а живые люди. — Мне плевать, дадите вы деньги или нет, но уродовать девушку я не дам! Закажите себе подобную через Интернет и режьте ей пальцы! Можно еще и голову отрезать, чтобы посмотреть, что там внутри!.. Пошли, Анна, нам здесь нечего делать!

Он схватил «Анну» за руку и потянул ее к выходу. В силу возбуждения, охватившего его, не сразу сообразил, куда идти. Но когда нашел выход, движимый яростью, с легкостью открыл тяжелую высокую дверь с бронзовой ручкой, которую при других обстоятельствах, несомненно, одолел бы с трудом, и метнулся в коридор, утягивая за собою «Анну».

Они оделись и вышли из особняка. Перешли на другую сторону улицы. Воскобойников стал ловить машину. Как назло, никто не останавливался. Воскобойников нервничал, ему хотелось поскорее уехать, пока не появился Мордаев, способный гипнотически воздействовать на него. Наконец остановилась какая-то машина и после коротких переговоров, во время которых Воскобойников пообещал хорошо заплатить, лишь бы поскорее покинуть это место, они с «Анной» полезли на заднее сиденье.

Хорошо было после пребывания на морозе оказаться в теплой машине. И Воскобойников даже как-то повеселел. «Анна» опять не отрываясь смотрела в окно. Только на этот раз сидела, прижавшись к Воскобойникову, положив голову ему на плечо.

Некоторое время ехали молча. Молчал водитель, парень лет тридцати в вязаной шапочке, молчал и Воскобойников, не испытывавший желания завести разговор. Парень нет-нет, да и поглядывал в зеркало заднего вида на своих пассажиров. Что-то в облике Воскобойникова и «Анны» возбуждало его интерес, но он не спешил с расспросами. Наконец любопытство взяло верх, и он заговорил.

— А мне ваше лицо знакомо, — сказал он, обращаясь к Воскобойникову.

— Не может быть, — напрягся тот.

— Вы изобретатель «живой резины», верно? — радостно поведал парень, довольный тем, что вспомнил, кто такой пассажир, сидящий сзади. — Только вот вашу фамилию, извините, запомнил... А эта девушка и есть ваше изобретение?

Воскобойников недовольно повел головой: еще не хватало, чтобы этот парень попросил у него автограф.

— Вы ошиблись... Я экономист, а не изобретатель. — Он бросил взгляд в окно: далеко ли еще до дома? Если водитель продолжит этот разговор, придется покинуть машину до срока. — А эта девушка — моя родственница из Краснодара...

— Да нет, что вы! Это вы... Я видел вас по телевизору — на пресс-конференции... С вами еще депутат был... Шустрый такой! Тоже не помню его фамилию... А вот на лица у меня память хорошая... Стоит раз уви-

деть интересного человека, и он в голове у меня отпечатался навсегда.

— И все же на этот раз память вас подвела, — неприязненно сказал Воскобойников. Не было смысла говорить правду, скажешь — и объясняй: что, чего да как, а это уже порядком надоело. — И рад бы вам угодить, но, увы, я не изобретатель... Самое большее, на что хватает моей фантазии, как заменить перегоревшую лампочку в патроне...

Но парень в вязаной шапочке был уверен в свойствах своей памяти и не сомневался, что Воскобойников именно тот человек, какого он видел по телевизору.

— А девушка чего молчит? Ее тоже показывали в той телепередаче, в кадрах, снятых на видео. — И он подмигнул «Анне». — Так ведь? Признайся!

— Она не говорит, она немая от рождения, — сказал Воскобойников и, увидев, что до дома осталось совсем немного, попросил остановить машину.

Быстро расплатился и, подхватив «Анну» под руку, счел за благо поскорее удалиться.

Время шло. В один из будних дней Воскобойникову на работу позвонил Петренко. Услышав в трубке его голос, Воскобойников покосился в сторону Петухова, находившегося тут же в комнате, и понял, что должен следить за своей речью, чтобы не сказать лишнего, — и так сослуживцы потешались над ним, называя «изобретателем».

— Чего надо? — спросил он у приятеля.

— Как дела? — поинтересовался тот.

— Нормально, — ответил Воскобойников.

И перехватил взгляд Петухова, посмотревшего в его сторону.

— Старик! Брось, не обижайся, — сказал Петренко. — Ну, я неудачно пошутил... Это не повод, чтобы рвать отношения. Ты, между прочим, подставил меня еще больше. Сутки собачился с Эммой, пытаюсь убедить ее, что ты все выдумал про моих баб... Еле погасил пожар!

— Я рад за тебя, — отозвался Воскобойников.

Петухов все еще косился на него, но стало ясно, что он думает о чем-то своем и взгляд его случайно застрял на Воскобойникове.

— Как там наша девочка? — спросил Петренко. Он решил, что конфликт улажен и ссора забыта.

— Нормально.

— Слушай, Леха, есть дело, — сказал он, помявшись немного. — Но это не телефонный разговор... Предлагаю встретиться на нейтральной почве.

— Я устал от твоих глупых шуток...

— Старик!

— Хорошо. Где и когда?

Договорились встретиться вечером в той же «Пекинской утке».

Когда Воскобойников пришел в ресторан к назначенному сроку, Петренко уже находился там. И был он не один. Напротив него сидел малопривлекательный тип лет тридцати. Какой-то засаленный, непромытый, как показалось Воскобойникову. Хотя в одежде и облике его не было ничего грязного. Темный свитер и замшевая куртка поверх него были опрятного вида, волосы чисты, щеки выбриты. И все равно создавалось ощущение, что он нечист. А когда Воскобойников пожал его потную руку, это ощущение только усилилось. Тип этот время от времени косился по сторонам, словно искал того, кто мог бы за ним подглядывать, и как-то мерзко посмеивался по поводу и без повода.

То, что Петренко пришел не один, не понравилось Воскобойникову. И он решил при первой же возможности сбежать.

— Познакомьтесь, — сказал Петренко, когда Воскобойников присел к столу. — Женя Лобстер, продюсер. Мой друг — Алеша Воскобойников... Что пить будешь? — спросил он Воскобойникова.

— Ничего, — отказался тот. — Я еще после праздников в себя не пришел...

— Хорошо, — согласился Петренко. — Тогда к делу... У Жени к тебе есть деловое предложение.

Воскобойников напрягся. Он не сомневался, что это как-то связано с «Анной». Когда в его жизни не было «Анны», что-то никто к нему не обращался с деловыми предложениями, а тут пошло-поехало.

— Я слушаю... — сказал он. И подумал, что надо — под предлогом сходить в туалет — по-быстрому смыться.

— Вопрос деликатный, старче! — сказал Лобстер, сразу переходя на «ты». И в очередной раз посмотрел по сторонам, словно хотел убедиться, нет ли за ним слежки. — Разведка донесла, у тебя есть силиконовая баба... Которая, как утверждает наш друг Петренко, ничем не отличается от живых телок... Так?

— Допустим...

— Я готов купить ее.

Воскобойникова удивило это предложение. Много разного предлагали ему в последнее время, но вот купить «Анну» пока никто не предлагал.

— Зачем она тебе?

Лобстер не спешил с ответом, внимательно разглядывал Воскобойникова. За него ответил Петренко.

— Леха, Женя — продюсер, он будет снимать ее в кино...

— Бог мой, неужели на земле русской перевелись смазливые девки, которых можно снимать в кино? — язвительно поинтересовался Воскобойников.

— Не перевелись... — подтвердил Петренко, продолжая играть роль посредника. — Но тут особый случай... К тому же ты сам хотел от нее избавиться, верно?

— И что же это за «особый случай»? — поинтересовался Воскобойников, уходя от ответа на вопрос Петренко.

— Видишь ли... — понизил голос Петренко, — это особое кино. Женька снимает порнофильмы... Это его бизнес. На русское «порно» сегодня хороший спрос. Как в свое время на матрешек.

— Вон оно что... — хмыкнул Воскобойников. — Зачем же вам резиновая баба, когда вокруг столько натуральных? Думаю, в желающих поучаствовать в таком деле нет недостатка.

На этот раз заговорил Лобстер, решивший, что может доверять другу Петренко.

— Старче! Эти соски быстро наклеют... Стоит им сняться раз, другой, как они тут же начинают требовать прибавки бабла. А у меня большие затраты. Кроме прочего, я оплачиваю услуги врача-венеролога, который раз в неделю осматривает этих сучек, чтобы избежать заразы. А твоя силиконовая баба не будет давить мне на репу. Ей ни бабки не нужны, ни венеролог. Мне б таких пяток, и — сан-суси! Надо только посмотреть, какова она в деле.

Еще один Мордаев, подумал Воскобойников. И обругал про себя Петренко за то, что тот опять втягивает его в авантюру. И спросил у Лобстера:

— За сколько же вы хотите ее купить?

Наступила пауза, во время которой Лобстер вглядывался в Воскобойникова, прикидывая, сколько следует тому предложить.

— Надо посмотреть... Десять... — сказал он, но потом решительно увеличил сумму, — двадцать штук зелени... Я думаю, это будет в листа?

Воскобойников не ответил. И не потому, что обдумывал названную цифру, а просто почувствовал какую-то бесконечную тоску..

— Ну... Чего молчишь? — спросил Петренко. — Двадцать штук — хорошие бабки! Без малого машина!

— А твой в чем интерес? — вдруг спросил Воскобойников, глянув ему в глаза.

— Мой?.. — растерялся Петренко. — Хочу помочь друзьям... Тебе и вот ему...

— Бескорыстно?

— Ну, если поставите бутылку хорошего коньяка за содействие, не откажусь...

Воскобойникову было ясно, что дело коньяком не ограничится, раз его приятель проявляет такой интерес.

— Послушай, Петренко, — сказал он, — с какой целью ты устроил *ее* крестины?

Лобстер не понял его вопроса. Зато Петренко понял его хорошо. Но прикинулся непонимающим:

— Ты о чем?

— Все о том же. Ты организовал крестины Анны, чтобы теперь определить ее в шлюхи? Так получается?

— Но она некоторым образом и была сделана с этой целью, — попытался оправдаться Петренко. — А крестины — так... шутка.

— В ней зажглась Божья искра, и теперь она не просто резиновая девка для утех... Она, как ты заметил, живое существо! Она умеет мыслить, чему немало доказательств, реагирует на то, что происходит вокруг... Книжки читает! Вот «Дон Кихота» прочла. А ты, ты, друг любезный, читал когда-нибудь «Дон Кихота»? Не уверен! — распалился Воскобойников. — И неважно, что вместо кожи у нее силикон! Зато вот тут, внутри, — он ткнул себя в грудь, — у нее есть то, что род-

нит ее с человеком, — душа!.. К сожалению, она не может изъясняться, но способна адекватно реагировать, когда видит, что люди поступают плохо.

— Слушай, о ком речь? — возмутился Петренко. — Не о матери ли Терезе? Улёт!

На громкий разговор стали обращать внимание люди, сидящие за соседними столиками. Напряглась и администраторша в зале, не желавшая скандала. Лобстеру внимание посторонних явно не нравилось. Но он лишь нервно посмеивался: перестаньте, не следует подобные вещи принимать всерьез!

Воскобойникова же бросило в жар, словно он выпил водки. Он старался сдерживать себя и говорить негромко, но забывался и снова повышал голос, вновь привлекая к себе взгляды посетителей ресторана.

— Она стала такой благодаря тебе. Ты хотел тогда порезвиться... Как видишь, забава удалась! Но теперь и ты, и я, мы несем за нее ответственность. И подло пристраивать ее в проститутки!

— Ну уж! — не сдавался Петренко, краснея от раздражения. — Ты хочешь сказать, что ни разу не использовал ее по назначению? Хотя бы ради спортивного интереса?

— У меня нет спортивного интереса к подобным вещам! Мне вполне хватает обычных женщин! Она для меня, если хочешь, ребенок, которого следует оберегать от человеческих глупостей!

— Ты не в себе, разуй глаза! Это всего лишь резина! Силикон! Продукт, сделанный на фабрике где-нибудь в Нидерландах или в Швеции, не женщина произвела ее на свет!

— Теперь это неважно. Она живая, как ты и я и как все эти люди вокруг... Нам ее послал Создатель с какой-

то неясной целью. Надо понять: для чего? Но уж не затем, чтобы снимать ее в порнухе!

— Николо, — обратился Лобстер к Петренко, — он что, окончил духовную семинарию? Богослов херов! Что он тут про Бога волну гонит?.. Сказал бы просто: не буду продавать резину, мне она самому нужна, и дело с концом! А то устроил здесь шоу, только в перья не оделся и арию не спел, подобно Киркорову! А тебе, — он ткнул Петренко пальцем в грудь, — советую держаться от него подальше. Он же объект для психушки!.. Ладно, мне пора. Только время с вами потерял.

— Стоп! — остановил его жестом Воскобойников. — Это я пойду. А вам есть о чем поговорить. Например, о светлом будущем порноиндустрии и прочих милых вещах... Желаю удачи!

Он поднялся и вышел из зала.

— Дурр-рак! — бросил ему вслед Петренко.

В дурном расположении духа Воскобойников вернулся домой. Поднялся к себе на этаж. Подошел к своей квартире. Вынул ключи из кармана... И только тут обнаружил, что дверь в квартиру приоткрыта. Он оглядел оба замка, они были целы. Воскобойников заглянул в щель и, убедившись, что в прихожей никого нет, потянул дверь на себя. Неужели «Анна» опять кого-то пустила в дом, несмотря на его запрет? Он вошел внутрь. Дверь закрывать не стал, лишь прикрыл ее. Быстрым взглядом окинул прихожую, определяя, есть ли там какие-либо перемены или нет. Портрет офицера Л.Н. Толстого опять висел косо, будь он неладен!

Воскобойников, вытянув голову вперед, словно так легче было обнаружить опасность, если таковая имеет

место, прошел по коридору и заглянул в гостиную. Там никого не было. Лишь звучала тихая музыка из проигрывателя. «Анна» в последнее время включала его регулярно, когда Воскобойников уходил на работу. Где же она? — подумал он.

Справившись с волнением и уже не страшась получить удар по голове (чего это он в доме у себя должен прятаться?), Воскобойников обошел всю квартиру в поисках «Анны», но нигде ее не нашел. Быть может, она, испытывая на него обиду, забралась в платяной шкаф, куда он ее неоднократно запирает? Он заглянул в шкаф: «Анны» там не было. Неужели ушла на улицу? Вряд ли! Пока у нее не было желания покидать без Воскобойникова квартиру. К тому же входная дверь была закрыта на два замка, а второй ей самостоятельно не открыть.

Вернувшись в гостиную, он обнаружил на полу между креслом и тумбочкой разбитую вазу из чешского стекла, купленную когда-то его бывшей женой и почему-то оставленную ему в пользование. В ней обычно лежали фрукты, если он не забывал их купить, чаще ваза пустовала. Крупные осколки серебрились на полу, пугая острыми краями, вызывая в памяти эпизод из детства, когда Воскобойников глубоко порезал ногу бутылочным стеклом и кровь долго не могли остановить; врач даже решил, что у мальчика гемофилия. С тех пор при виде стеклянных осколков по спине его бежали мучительные мурашки.

Воскобойников вышел в коридор. Там он обнаружил, что стул, стоявший постоянно у стенного шкафа и на котором привычно теснились пачки старых книг, свернут на сторону, этого раньше он не заметил. Пара книг валялась на полу, видимо, слетела, не удержав-

шись поверху, когда ненароком толкнули стул. «Анна» не имела склонности разбрасывать вещи, даже когда обижалась на Воскобойникова за долгое отсутствие. И тут его пронзила догадка: может быть, «Анну» украли? Его бросило в жар от этой мысли. Но в следующее мгновение, заставляя себя быть безразличным, он подумал: ну и пусть, пусть украли. Наверное, так будет лучше. Меньше проблем. Никто отныне не станет его донимать. Но прошло несколько минут, и он, лежавший уже отрешенно на диване, вскочил, засуетился. Бросился в коридор. Вновь посмотрел на стул и убедился, что тот действительно стоит не на месте. Он пошел в прихожую, опять все осмотрел там и обнаружил на полу подсохшую грязь и четкий след от обуви с рифленной подошвой. У него таких ботинок не было. Сомнений не осталось: в квартире побывал чужой человек.

Воскобойников взял мобильник, набрал номер Кабанова. Кабанов ответил. Заговорил поначалу сухо, отчужденно, но узнав голос школьного друга, подобрел. Воскобойников с нервным смешком сообщил ему, что в его квартире побывал вор или воры и просил приехать, если тот сможет.

— Давай подробности, — Кабанов перешел на деловой тон.

— Пришел домой, вижу: дверь открыта... Заглянул в прихожую — никого... Так странно... — Воскобойников опять издал нервный смешок и тут же устыдился своего поведения.

— Пропало что-нибудь существенное? Деньги? Документы? Дорогие вещи?

— Я в шкафах не смотрел... Но что абсолютно точно — пропала Анна.

— Анна? — не понял Кабанов.

— Ну, та резиновая женщина, что прислали мне в подарок... На ней еще хотел жениться твой генерал...

— Ах, вот ты о ком. Я и забыл, что у нее есть имя, — сухо отозвался Кабанов.

И Воскобойников понял, что тому не понравилось упоминание в этой связи о генерале. Конечно, чего хорошего? Напился мужик и спьяну стал обхаживать резиновую бабу!

— Следы пребывания посторонних в квартире есть? — спросил Кабанов. — Может, ты, уходя, просто забыл запереть дверь?

— Я еще не в маразме! — обиделся Воскобойников. — А следы... Есть следы. В гостиной — разбитая ваза на полу... В коридоре книжки валяются... Отпечаток чужого ботинка в прихожей...

Кабанов велел ничего не трогать и пообещал вскоре приехать.

И действительно прибыл он быстро, не прошло и получаса. Предупредив о своем появлении двумя звонками на входе, Кабанов открыл незапертую дверь, взявшись за косяк, желая сохранить таким образом отпечатки пальцев преступника на дверной ручке, если таковые обнаружатся, и вошел в квартиру, навстречу выглянувшему из гостиной Воскобойникову. Кабанов был не один. За ним шли двое сотрудников в штатском, один из них нес в руке чемоданчик. Был еще и третий, в милицейской форме, но тот остался стоять за дверью на лестничной площадке.

Переговорив с помощниками, каждый из которых тут же занялся своим делом (первый — поиском улик, оставленных преступниками, второй — проверкой

дверных ручек, нет ли там отпечатков пальцев), Кабанов устроился в гостиной у стола и предложил Воскобойникову сесть рядом.

— Замки на входной двери не взломаны... — принялся размышлять он вслух. — Их открыли отмычкой или же ключами... У кого, кроме тебя, есть ключи?

— Только у сестры. Но она не приходит без предупреждения, — сказал Воскобойников. — Что ей тут делать в мое отсутствие?.. К тому же, если бы она случайно разбила вазу, то убрала бы осколки и оставила б записку.

— Так... — Кабанов постучал пальцами по столу. — Ты посмотрел, что еще пропало, кроме резиновой бабы?

— Кажется, ничего... Я заглянул в шкафы: все вещи на месте... Деньги тоже не тронули...

— Выходит, грабителей интересовала только она?

— Выходит так...

Кабанов бросил взгляд в сторону своих помощников, занятых исследованием квартиры, и сказал, понизив голос:

— Скоба, ну ты сам понимаешь, искать преступника, укравшего сексуальную игрушку, глупо! Если мы его найдем, ему даже срок не дадут. Украл бы он деньги, драгоценности или дорогое имущество, тогда другое дело...

— Считай, Анна — мое дорогое имущество...

— Какая Анна? — опять, как и по телефону, переспросил Кабанов и, сообразив, о чем речь, поморщился: — Брось! Какое это имущество? Ей цена две копейки!

— Ничего себе — две копейки! — возбудился Воскобойников. — В интернет-магазине такая стоит триста двадцать тысяч рублей... А мне за нее предлагали двадцать тысяч зеленых! Один продюсер...

— И чего не продал? — спросил Кабанов. — Ты вроде сам хотел от нее избавиться?

— Хотел, — подтвердил Воскобойников, — когда она была просто резиной. Но теперь она — живое существо. Ты же сам, Кабан, видел. Твой генерал из-за нее меня чуть не пристрелил.

Кабанов вновь поморщился.

— Забудь о генерале и об этой истории, если хочешь остаться со мной в друзьях.

— Забыл, — согласился Воскобойников. — А ты найди Анну, она для меня — вроде ребенка...

— Ладно, — кивнул Кабанов. — Обозначим в деле ее стоимость... Сколько, ты говоришь, она стоит? Триста двадцать штук? Это уже что-то! Не просто резиновая безделушка, а считай, художественное изделие!

Какой-то шум, возникший за дверью на лестнице, привлек их внимание. Кабанов поднялся и, велев Воскобойникову оставаться на месте, поспешил туда.

А на площадке за дверью произошло следующее. Двумя минутами ранее там появился Пашка-связист. Спускаясь по лестнице, он увидел милиционера, стоявшего на посту у воскобойниковской квартиры.

— В чем дело, командир? — поинтересовался он.

Тот не ответил.

— Чего молчишь, служивый? Лишился дара речи, увидев меня? — шутканул Пашка. — Брось, я не Пугачева!

— Иди куда шел, — посоветовал милиционер, не склонный шутить.

Здесь из-за двери появился один из кабановских спеццов и начал внимательно осматривать замок снаружи.

— Выходит, накрыли притон? — сделал вывод Пашка. — Правильно! — резюмировал он. И лицо его про-

светлело. — Нечего бордель в доме устраивать! На резиновой бабе бабки зарабатывать!

Криминалист, изучавший замки на двери, хмуро посмотрел в его сторону.

— Вы меня, меня спросите! — возбудился Пашка, краснея лицом. — Я вам все расскажу!

— О чем? — поинтересовался криминалист.

— Как о чем? О притоне! Сколько раз я ему говорил: Алексей, закрывай свою лавочку, нехорошо, в доме дети! Он же — ни в какую!

— Здесь кража, а не притон, — прервал его красноречие криминалист. — Так что иди, друг, не мешай!

— Кража и притон — вещи, связанные между собой, — не унимался Пашка, повышая голос. — Если в квартире каждый день посторонние, то и стырить что-либо не составляет труда!

И тут из дверей появился Кабанов.

— Тебе чего? — спросил он строго. Ему хватило одного взгляда, чтобы понять, кто перед ним. Люди вроде Пашки вызывали у него брезгливое чувство. Вроде мужик, штаны носит, а подлая натура лезет из всех щелей. — Чего базаришь, как на рынке?

— Хочу помочь следствию.

— Вот как? И чем же? Ты знаешь, кто совершил ограбление квартиры?

— Нет, этого не знаю.

— А может, ты сам к этому причастен? Давай поговорим.

— Ты что, товарищ?! Не знаешь, кого сажать?

— Тогда иди куда шел и не мешай работе следствия! — Кабанов кивнул милиционеру: — Серегин, будет цепляться, вызови наряд. Посидит ночь в «обе-

зьяннике», может, посветлеет умом... — И ушел обратно в квартиру.

— Да у меня свояк в ментуре не последний человек! — крикнул ему вслед Пашка. И, оскорбленный в лучших чувствах, зашагал по лестнице вниз.

Кабанов вернулся в гостиную.

— Что там? — спросил Воскобойников, успевший в его отсутствие переговорить по телефону с сестрой.

— Сосед твой... — ответил Кабанов. — Такой... — И коротко пояснил — какой: — Мудозвон!

— Пашка, что ли? Чего хотел?

— Это у него спросишь... — Кабанов прошелся в задумчивости по комнате. Остановился возле разбитой вазы. Бросив взгляд на осколки, крикнул в прихожую: — Семен, проверь на отпечатки осколки вазы! — И повернулся к Воскобойникову: — Ты когонибудь подозреваешь?

— Не знаю, — пожал тот плечами.

— А должен знать... Кто мог проявить интерес к твоей игрушке? Подумай...

— Депутат Мордаев — твой знакомый или кто он там?

— Он в приятелях у генерала, а не мой знакомый...

— Мордаев предлагал мне сотрудничество в области налаживания производства «живой резины». Всю плешь проел. Телешоу устроил. Даже возил к каким-то олигархам — демонстрировать Анну... А те потребовали палец у нее отрезать, для доказательства того, что она из резины. Ну я послал их куда подальше... Может, это он?.. Сегодня один тип, я тебе уже говорил, предлагал продать ему Анну для съемок в порнухе... Кто еще? Бабы тут толпились всякие, сам знаешь. Может, кто из

них?.. Соседи? Вряд ли!.. Недавно во дворе подошел ко мне какой-то жлоб, приехавший на джипе, и заявил, что я должен делиться с ним доходами от использования «живой резины». А «живая резина» — это миф! Выдумки того же Мордаева. Короче, тип этот обещал мне неприятности, если откажусь платить...

— Ты, я смотрю, популярный персонаж? Вроде кота Матроскина! Все от тебя чего-то хотят, — сказал Кабанов. И добавил, подводя черту: — Ладно, будем думать, что и как... — И вдруг задал совершенно неожиданный вопрос: — А твоя бывшая жена не могла этого сделать?

— Таня?.. Зачем ей?

— Ну, мало ли... Вредность и все такое... Выкрала твою резиновую девку с целью сжечь ее на помойке или отправить на свалку?

— Ей моя нынешняя жизнь — до лампочки! — объяснил Воскобойников. — Да и ключи она мне вернула...

— Разве дело в ключах? Каждый второй гвоздь — отмычка. Ладно, бабу твою я постараюсь найти. Но обещай мне, что после ты избавишься от нее. Продашь кому-нибудь или подаришь. До добра она тебя не доведет, бесовское создание!

— Ты это серьезно?

— Вполне.

— Она крещеная, у нее крест на шее! — заявил Воскобойников, удивленный заявлением Кабанова.

— Крест на шее, — сухо заметил тот, — это еще не панацея от разных мерзостей, которые творят отдельные люди.

Наша история близится к развязке. Исследовав все обстоятельства дела, Кабанов оказался в тупике. Чужих отпечатков пальцев в квартире не оказалось. Фигура похитителя так и осталась во мраке, не желая выходить на свет. Им мог быть и один, и другой, и третий, из тех, о ком сообщил следователю Воскобойников... А мог и вообще оказаться случайный человек. Впрочем, откуда здесь взяться случайному человеку? Это на улице, на скамейке, можно случайно подхватить кем-то по глупости оставленную вещь. Профессиональный вор тоже отпадал — на кой ляд ему резиновая девка? Ему деньги, драгоценности, дорогое шмотье подавай! Одним словом, тупик. Чтобы опросить тех, кого назвал Воскобойников, нужны были веские основания — не станешь же вызывать серьезных людей по поводу пропажи силиконовой куклы из ассортимента секс-шопов. Можно нарваться на скандал: «Ты что, дядя, рехнулся? Других забот у вас, что ли, нет?..»

Кабанов все еще чувствовал свою вину перед Воскобойниковым за то, что привел к нему в дом генерала Ка-

лашника, а тот чуть не пристрелил его. Кабанов знал, если бы это произошло, ему пришлось бы принять сторону генерала (покойного друга не вернешь, а Калашника надо вытаскивать из дерьма) и врать на следствии, что Воскобойников, будучи человеком нервным и неуравновешенным, выхватил пистолет из рук генерала и покончил с собой, выстрелив себе в висок. Мордаев и майор, находившиеся тогда в квартире, подтвердили бы эту версию. И дело было бы закрыто. Все это вместе мучило Кабанова (и поступок генерала, и то, что, случись этот выстрел, ему пришлось бы отмазывать Калашника и чернить убитого друга), и он продолжал поиски преступника, совершившего кражу в квартире Воскобойникова. Будь на месте Воскобойникова другой, Кабанов не стал бы даже дело заводить, ссылаясь на то, что пропажа куклы для сексуальных утех — событие мелкое, не стоящее внимания правоохранительных органов. Есть дела более серьезные, где действуют убийцы, расхитители имущества, педофилы и прочий неумемный народ, который искореняешь, искореняешь, а его численность не становится меньше, наоборот, уроды эти прут и прут, как грибы после дождя... А обладатель сексуальной куклы, раз уж ее украли, пусть удовлетворяет себя сам, занимаясь онанизмом в ванной комнате. Но это — если бы на месте Воскобойникова оказался кто-либо другой.

Пока доблестный Кабанов и его помощники, которым он, в случае успеха, пообещал хорошее застолье в ресторане, занимались поисками преступника (копались в архивах, изучая аналогичные кражи, исследовали кровь, обнаруженную на осколках вазы), Воскобойников впал в состояние тоски. Ему казалось, что когда «Анна» была рядом, картина мира имела законченный

вид, с ее же исчезновением словно выпало какое-то существенное звено. Приходя с работы, он ложился на диван и подолгу лежал в таком положении, уставившись в потолок и не отвечая на многочисленные телефонные звонки. Ему ни с кем не хотелось общаться. Даже с сестрой. При первом удобном случае он позвонит ей, уверил себя Воскобойников, и объяснит, почему долго не выходил на связь. А сейчас говорить с нею, выслушивать ее упреки в том, что он держит в доме бесовское создание и тем самым губит себя, у Воскобойникова не было желания. Во-первых, он имел другую точку зрения, во-вторых, в данный момент отсутствовал сам предмет разногласий, будучи украденным.

Как-то он снял с полки «Дон Кихота» и стал перечитывать отдельные места, размышляя над их содержанием и думая над тем, что и как воспринимала в книге «Анна», у которой отсутствовало знание культурного контекста, истории и не было никакого прошлого. Но что-то же заставляло ее подолгу сидеть над книгой? Может быть, чья-то заблудшая душа, подумал Воскобойников, оказавшись без человеческого тела, но страстно желавшая жить, воспользовалась возможностью и вселилась в резиновую оболочку? Только зачем это понадобилось Тому, от кого все идет на нашей грешной земле? Какова была Его цель? И почему подобное существо оказалось у Воскобойникова в доме?.. Вообще-то, если уж быть совсем точным, «Анну» прислал земной житель, неизвестный шутник, желавший над ним, Воскобойниковым, посмеяться. Но сегодня Воскобойников уже не держал на него зла.

Несколько дней Воскобойников не заглядывал в свой почтовый ящик и когда вдруг, вернувшись с работы, открыл его, оттуда вывалилась целая пачка пи-

сем, которыми под самую щель был забит ящик. Письма белыми лоскутами разлетелись в стороны и усыпали весь пол, словно и сюда, в подъезд, заглянул снежный январь и оставил здесь свои следы. Воскобойников растерялся. Откуда столько писем? Ему не с кем вести переписку, разве что есть две-три подруги покойной матери, которые присылают ему открытки по большим праздникам. Произошла ошибка, решил он. Почтальонша перепутала ящики. Поначалу он даже не хотел поднимать письма с пола — пусть этим занимается тот, кто устроил путаницу. Но потом все же зацепил одно из них пальцами, освобожденными от перчатки, и притянул к глазам. На конверте стоял его адрес и была написана его фамилия.

Без особой радости он собрал конверты с пола, потратив на это несколько минут, и, рассовав их по карманам, а часть держа в руках, отправился к себе.

Пройдя в гостиную, Воскобойников вывалил письма на стол и только потом разделся. Он не стал сразу читать их. Решил сперва выпить чаю, почувствовав, что его немного знобит. Устроившись у стола с чашкой, сидел и тупо смотрел некоторое время на письма, лежавшие перед ним горкой, и боролся с желанием собрать эти бумажки в кучу, бросить в помойное ведро и там их сжечь, не читая; он не ожидал от этих писем ничего хорошего.

Наконец, покончив с чаем и пересилив себя, он взял в руки конверт, лежавший к нему ближе прочих, и вскрыл его.

«Дядя Воскобойников! — прочитал он. — Пишет вам Катя, шести лет. Я еще плохо пишу, и вместо меня пишет моя мама. Мама сказала мне, что вы можете оживить резиновую куклу. У меня есть кукла Света, которую я люблю, и очень хочу, чтобы она стала живой.

Она мне лучшая подруга. Помогите, мне без Светы никак нельзя». Далее следовал адрес.

Воскобойников протяжно вздохнул, словно хотел выдохнуть из себя нечто, что мешало дышать, и, отложив письмо в сторону, взял в руки второе.

Вскрыл конверт. Это письмо было не менее волнующим.

«Уважаемый Алексей! Извините, не знаю вашего отчества. Мне двадцать два года. Я инвалид с детства. У меня нет девушки. Я услышал о вашем изобретении и хотел бы узнать, где можно приобрести девушку из “живой резины”. Я нуждаюсь в такой подруге. Напишите мне. Федор».

Третье письмо было от девушки.

«Меня зовут Настя, — писала она. — Я была в числе прочих в вашем доме, когда вы скрывали целительницу у себя в квартире. Нас убеждали, что это ошибка и целительница проживает по другому адресу. Но я не верю. Я знаю, что она живет у вас. Помогите мне встретиться с нею. Я больна. У меня... Не буду рассказывать вам о своей болезни. Скажу только, что мне крайне необходима ее помощь...»

Воскобойников распечатал еще один конверт. Это оказалось письмо из Общества охраны животных. Писавшие его требовали прекратить эксперименты над девушкой из «живой резины». Это так же негуманно, как мучить животных, возмущались они. Какие эксперименты? Что за чушь? — поморщился Воскобойников и, не дочитав письмо, отбросил его в сторону.

Следующее письмо оказалось от командира воинской части, расположенной где-то на севере, в зоне вечной мерзлоты. Полковник сетовал на трудности воинской жизни в их регионе, на отсутствие женщин,

что сказывается на поведении солдат, и просил сообщить, где и по какой цене можно приобрести женщин из «живой резины». Три-четыре таких женщины вполне бы подошли для солдат его части. Просил выслать номер счета, на который бухгалтерия могла бы перевести деньги.

Воскобойников выругался и швырнул письмо на горку нераспечатанных конвертов. Читать и дальше подобные глупости или крики о помощи не было желания.

От чтения писем настроение его ухудшилось. И так-то оно было неважным, а тут...

В дверь позвонили. Поначалу Воскобойников решил не открывать, но звонивший в дверь был очень настойчив, и он отправился в прихожую, намереваясь устроить взбучку непрошеному гостю.

За дверью стоял Брагинец.

— Ты жив?! — вскричал он, увидев Воскобойникова. — Дозвониться до тебя невозможно, трубку ты не берешь... Я подумал, не случилось ли чего?

Войдя в прихожую, Брагинец вынул из-за спины левую руку, и Воскобойников увидел в ней букет из пяти гвоздик.

— Это не тебе, — предупредил Брагинец. — Это Анне. Как она?

— Не знаю, — буркнул Воскобойников, помогая приятелю раздеться.

— Что значит — не знаю? Ты что, ее продал? Или нашелся даритель?

— Ни то ни другое... Ее украли.

— То есть?

— Вскрыли входную дверь, когда я был на работе, и украли. Элементарно!

— А вещи? — поинтересовался Брагинец.

— Вещи не тронули. Взяли только ее верхнюю одежду и сапоги. Мой приятель с Петровки занимается поисками.

— Ничего себе...

Воскобойников направился в гостиную. Брагинец вынул из кармана бутылку водки и последовал за ним.

Увидев бутылку в руках приятеля, Воскобойников сказал:

— Давай без водки.

— Как скажешь. — Брагинец подошел к окну и поставил бутылку на подоконник.

Вернулся к столу, бросил гвоздики поверх рассыпанных писем, не зная, куда их теперь девать.

— А это что такое? — спросил он, удивленный множеством конвертов, и родинка у него под губой дернулась, словно собиралась улететь.

— Письма поклонников, — мрачно объяснил Воскобойников. — Пишут все, кому не лень. Всем нужны девушки из «живой резины». Хорошо бы эти письма Мордаеву, сделавшему мне рекламу, отправить. Пусть выкручивается, подлец.

Брагинец в задумчивости прошелся по комнате. Сел на диван.

— Между прочим, третьего дня я видел Анну в машине... Я тогда подумал, что мне показалось. А вот теперь уверен, что это была она.

— Третьего дня? — оживился Воскобойников. — Ну, ну...

— Машина черная, БМВ... Баранку крутил какой-то мордастый козел. Анна сидела у окна сзади, рядом с нею — два типа в меховых шапках.

— Надо сообщить об этом Кабанову, — возбудился Воскобойников, хватая мобильный телефон со стола. — Номер ты, конечно, не запомнил?

— Почему же, запомнил... — И Брагинец назвал номер машины.

Воскобойников записал его на краешке одного из писем, которое прочел.

Когда Кабанов ответил на вызов, Воскобойников, не здороваясь, выпалил все, что услышал:

— Мой приятель видел Анну, ее везли в машине. Это было в тот день, когда ее украли. Машина — БМВ, черного цвета. Запиши номер... — И он назвал номер.

Кабанов некоторое время молчал, потом сказал:

— Это номер ФСБ. Я знаю их номера.

— ФСБ? — удивился Воскобойников. — Весело! Зачем им понадобилась Анна? У них что, других забот нет?

— Сам бы хотел узнать, — ответил Кабанов. — Ладно, я наведу справки, может, чего-нибудь нарую.

И он отключился.

— Ну что? — спросил Брагинец.

— Это номер ФСБ.

— Ни хрена себе! Что же, выходит, это они залезли в твою квартиру?

— Выходит, они...

— Что за страна! — воскликнул Брагинец. — Минное поле! Ты как хочешь, а я выпью! — Он взял бутылку с подоконника. — Дай чего-нибудь закусить...

Воскобойников принес с кухни тарелку с вареной колбасой и двумя кусками черного хлеба.

Брагинец достал из серванта две рюмки.

— Может, выпьешь со мной?

Воскобойников отказался. Его мучила мысль, с какой целью федералы из Службы безопасности выкрали «Анну». Ставить над ней эксперименты? Отрезать пальцы? Подвергнуть обработке холодом? Не для любовных же утех ее забрали эти ребята! В конце концов, кто им дал такое право?! Ведь это его, Воскобойникова, собственность. Ловили бы лучше шпионов и тех, кто устраивает взрывы в метро. К сожалению, несчастный мог только негодовать про себя и не более того. Воскобойников вдруг ощутил себя лабораторной мышью, с которой лукавые лаборанты могут сделать все, что пожелают. И собственное бессилие, невозможность повлиять на ситуацию повергли его в уныние. Он с тревогой думал об «Анне», к которой успел привязаться, как привязывается малый ребенок к любимой игрушке, и теперь боялся, как бы деловые парни с Лубянки не сделали с ней чего-либо. Ему мало верилось, что Кабанов сумеет вытащить ее из их рук.

За окном второй час уже бесновалась метель, гоняя по улицам снежное крошево, терзая прохожих, мешая их ходу, обжигая лица, засыпая крупными хлопьями дороги, деревья и крыши стоявших во дворах машин. А те машины, что не стояли во дворах, отчаянно буксовали на проезжей части, стараясь вырваться из снежного плена. Только там, где горели огни, можно было как-то ориентироваться в пространстве, но стоило отойти подальше от света, и все погружалось в непроницаемую тьму, в которой различались лишь бесноватые белые мухи. Казалось, природа вознамерилась засыпать весь город снегом и окончательно похоронить в нем жизнь. К черту этот город, эту жизнь, если люди походили с ума, перестали жить по заповедям, разучились понимать, что хорошо, а что плохо!..

Воскобойников недооценил Кабанова. Его школьный друг, давший слово помочь, решил идти до конца. Он пробил по базе данных номер БМВ, убедился, что машина обслуживает одну из служб Лубянки, и обратился за помощью к Калашнику. Он знал, что у того в ФСБ работают давние приятели. Пусть и генерал потрудится во благо других, решил Кабанов, хотя бы в счет компенсации за свою выходку с пистолетом.

Калашник встретил подчиненного с кислой гримасой на лице. Каждый раз теперь, когда он встречался с Кабановым по делам службы, то невольно со стыдом вспоминал, как приударил в тот злополучный вечер за резиновой девкой, приняв ее за настоящую. О том, что он чуть не прострелил голову другу Кабанова, он забыл на следующий день. А вот воспоминание о резиновой бабе, которой он хотел заменить умершую от рака жену, заставляло его покрываться краской стыда. По счастью, Кабанов не был трепачом, и никто на службе не знал об этом происшествии.

Калашник выслушал Кабанова. И поинтересовался, с какого такого бодуна тот взялся за поиски резиновой девки. «Тоже мне, кража! Даже дела не следовало заводить!» — «Это мой друг, товарищ генерал, — заявил в ответ Кабанов, — и я обещал ему помочь. Кроме того, в доме пропали кое-какие носильные вещи», — добавил он, что было правдой. «Твоему другу трахаться не с кем?» — не унимался Калашник. И налив минеральной воды в стакан, долго пил ее маленькими глотками, глядя на Кабанова мутными серыми глазами. Видимо, горят трубы после вчерашнего, горят! — подумал Кабанов. Что-то старик стал серьезно увлекаться выпивкой, все переживает смерть жены.

И повторил в ответ слова о друге, которому он обещал свою помощь. Калашник, надо сказать, ценил в отношениях верность мужской дружбе и, побряхтев, обещал что-либо выяснить через своих ребят на Лубянке, связано ли ФСБ с кражей в доме Воскобойникова. И выполнил свое обещание.

Он вызвал Кабанова к себе на другой день около полудня. Генерал был гладко выбрит, трезв. Но очень бледен. Словно кровь, устав от частых генеральских возлияний, покинула его сосуды. Глаза его во время разговора постоянно уходили в сторону, точно он должен был сообщить своему подчиненному о чем-то неприятном, наподобие смерти близкого человека, и он не знал, как это сделать.

— Запиши адрес, — сказал он без предисловий. — И езжай туда. Можешь взять с собой Калугина...

Кабанов записал адрес.

— Там встретишься с майором Усольцевым... Он вернет тебе пропавшие вещи.

— А девицу?

Взгляд Калашника опять заскользил по стенам кабинета.

— И девицу...

Что-то в поведении генерала настораживало Кабанова. Видимо, тот что-то знал важное и не хотел об этом говорить.

— Зачем она им понадобилась? — спросил Кабанов. — Да еще при помощи воровского проникновения в квартиру... Не могли сделать по-другому?

Калашник ответил не сразу.

— Как мне было сказано, дело касается национальной безопасности. Им необходимо было выяснить, почему эта силиконовая девка действует как живая. Пока

до нее не добрались ребята из чужих спецслужб. Сегодня уникальные технологии, как ты знаешь, надо охранять! Одним словом, ребята из ФСБ отвезли ее к себе в лабораторию, чтобы разрезать и посмотреть, что у нее внутри. Какие механизмы приводят ее в действие. Робот она или что-то другое...

— Ну и что? Разрезали?

— Разрезали... Сначала грудь, потом голову. Исследовали все обстоятельно. Но так и не поняли, в чем дело. Внутри оказалась только силиконовая масса на алюминиевом каркасе, и ничего больше...

— И что дальше?

— Чего ты из меня жилы тянешь?! — рассердился генерал. — Езжай в лабораторию, Усольцев расскажет остальное, если сочтет нужным... Мне и так пришлось врать... Дескать, мы расследуем кражу, свидетели видели машину, номер ее, тех, кто захватил девушку; по описаниям свидетелей составлен фоторобот. Сказал, что мы должны что-то ответить потерпевшему... Мне посоветовали закрыть дело.

— Спасибо, Матвей Петрович, — поблагодарил Кабанов и вышел из кабинета.

В отличие от Воскобойникова, Кабанов без особых восторгов относился к существованию «Анны», но сообщение о том, что ее резали, как больного на операционном столе, привело его в состояние злости. Он был оскорблен за своего товарища, без ведома которого проделали всё это. Если девушку резали, вскрывали ей грудь и голову, копались внутри, возникает вопрос: жива ли она? То есть осталась ли она в прежнем состоянии или нет? Он не был в этом уверен. Что Кабанов твердо знал: «Анна» — существо-загадка, какой-то феномен, возникший в силу необъяснимых причин, и не

следовало так, с наскока, потрошить ее, точно пойманную рыбу.

Начало дня не сулило такого печального развития событий, и Кабанов, раздраженный всем этим, впервые пожалел, что пошел работать в милицию. И хотя ФСБ и МВД являлись двумя разными организациями, задачи которых существенно различались, но было в них сегодня что-то общее, словно тут и там стал прокручиваться когда-то крепко отлаженный механизм, и машина, вместо успешного передвижения в пространстве, часто давала сбой и наносила раны тем, кого призвана была оберегать.

Кабанову не терпелось услышать, что скажет ему неизвестный майор Усольцев. Что добавит нового к рассказу генерала? Как объяснит незаконные действия своих коллег? И станет ли объяснять? Подумаешь, резиновая кукла для траханья из секс-шопа! Одной больше, одной меньше... Владелец ее, в случае необходимости, приобретет себе другую! А то, что изъятие ее носило не совсем законный характер, так это для того, чтобы избежать ненужных разговоров. Для защиты интересов страны и не такое приходится делать. В итоге выяснилось главное: нет никакой технологической загадки, и западным спецслужбам нечего красть! А если бы эта силиконовая сучка и вправду оказалась технической новинкой, «живой резиной», о которой так много болтают, мы бы своевременно спрятали ее от чужих глаз.

Кабанов почти угадал свой разговор с Усольцевым. Усольцев оказался мужчиной среднего роста, лет тридцати пяти, с надменным лицом, с белесыми бровями, которые словно обесцветили с помощью перекиси водорода, с рано лысеющей головой, тонкогубый, скуластый, с недобрыми блекло-серыми глазами. Чувствовалось,

что он кичится своей принадлежностью к Службе безопасности и презирает всякий человеческий мусор, даже если это и не мусор, в общем, а вполне обычные граждане, не имеющие погон или больших счетов в банках. Он был убежден, что сотрудникам его ведомства дозволено все или почти все, раз они стоят на страже интересов государства. После ряда вопросов, заданных ему Кабановым, на которые следовали неприязненные ответы, разговор потерял всякий смысл, и Кабанов решил, что не следует его продолжать. Главное, чтобы отдали похищенное, или «взятое для исследований», по выражению Усольцева. Если бы Кабанов не был старше по званию, Усольцев вообще не стал бы ничего ему объяснять. «Ладно, — подвел черту Кабанов, — вы делаете свою работу, мы — свою...» Ему страстно хотелось дать этому наглому майору в морду, но, увы, он не мог себе этого позволить.

Усольцев указал на среднего размера пластиковый мешок черного цвета, судя по виду, наполненный до отказа, точно куль в амбаре, — который сиротливо стоял в углу комнаты. Кабанов подошел к мешку, поднял наклонившуюся на сторону горловину, развязал веревку, стягивавшую ее, и, заглянув внутрь, с перекошенным лицом подался назад. Лучше бы он не видел того, что было внутри...

После телефонного разговора Воскобойников ждал известий от Кабанова целые сутки. Все это время он ходил сам не свой.

На работе, отвлекаясь от дел, он постоянно включал электрочайник и пил чай, чашку за чашкой, пил впустую, без всего, словно это занятие могло избавить его от назойливых мыслей, связанных с результатами расследования кражи и судьбой «Анны». Зайдя в туалет по-

мыть руки, он увидел раскрытое настежь окно, как тогда, перед Новым годом, когда все решили, что Мызников покончил с собой. Только теперь не болтался тревожимый ветром красный шарф, зацепившийся за край рамы. Видимо, кто-то курил здесь и забыл закрыть окно. Механически, ведомый неясной мыслью, питавшейся тем прошлым событием, он перегнулся через подоконник и глянул вниз — что там? Из двухметрового сугроба, наметенного непогодой накануне, торчала верхушка кем-то выброшенной новогодней елки. На ней еще осталась синяя ленточка серпантина, которую трепал ветер и не мог сорвать. Другая часть сугроба была девственно чиста, не было привычных ворон, колготившихся здесь обычно, — видимо, они попрятались от мороза. Воскобойников представил, как он, пожелай этого, летит вниз и, пролетев несколько этажей, вонзается в двухметровую толщу снега. Смысла нет выбрасываться там, где под окнами такой сугроб, подумал он отстраненно, в худшем случае сломаешь ногу, и не более того. И, вдохнув острый морозный воздух, плотно закрыл окно.

Маша Черкашина опять намекала ему, что готова свести его с той своей подругой, доброй и милой, с легким, словно пушинка одуванчика, характером (у Воскобойникова даже появился интерес к последней: кто же это такая?). Маша смеялась, заявляя, что он теперь — человек состоятельный, разбогател на «живой резине», и ему пора подумать о наследнике своего богатства. Между прочим, заработав такие деньги, мог бы пригласить товарищей по работе в хороший кабак — так хочется посидеть! «Ты что, не нагулялась за праздники? — вяло поинтересовался Воскобойников, не считая нужным отрицать информацию о своем богатстве. — Ну, детка, ты даешь! Тебе надо выйти замуж за какого-нибудь арабского принца, тогда

у тебя будет вечный праздник». — «Или постоянно рожа в синяках», — вставил Петухов, явившийся свидетелем этого разговора. «Я родину менять не собираюсь, — с пафосом заявила Маша, — мне и здесь хорошо. Платили бы только больше, и — о'кей!» Воскобойников вел этот бессмысленный разговор, а сам думал об «Анне». Где она? В каких условиях ее держат? С какой целью ее выкрали мужики из ФСБ, если это, конечно, они? Проводят опыты? Заставляют выполнять команды? Встань, сядь, пройди по прямой... Изучают реакцию на человеческую речь? Колот иголками тело, проверяя на болевые рефлексy?.. И опять голос Черкашиной возвращал его в тягучую реальность. «Тебя твое изобретение сильно изменило, — сетовала Маша. — Раньше был человек как человек, а теперь... Что-то в тебе появилось малоприятное!..»

После обеда — почему так поздно, не ясно — выяснилось, что у Петухова сегодня день рождения. Устроили складчину. Женщины, собиравшие деньги, попросили у Воскобойникова шестьсот рублей — на выпивку и подарок. «Я не пью», — почему-то сказал Воскобойников. «А ты не пей! — ответили ему. — Посидишь просто так со всеми. Может, анекдот какой расскажешь. Или про свою девицу из “живой резины”. И вообще, откуда в тебе дар изобретателя? С виду вроде обычный мужик, без фанатизма! Мне б талант изобретателя, тут же махнул куда-нибудь в цивилизованное пространство — в Канаду, к примеру. Купил бы себе ферму, разводил бы там волков, а потом стрелял бы их по выходным дням!» Воскобойников деньги дал, даже двести рублей прибавил сверху (чтоб соответствовать званию богача), но выпивать не остался. Лишь кончился рабочий день, сел в свою машину и уехал. И тут же забыл всю эту пошлость: монологи Маши о его мнимом богатстве, сбор денег, в ко-

тором было что-то ущербное, забыл и про самого героя дня — Петухова. Он даже забыл поздравить его.

По дороге домой, замедляясь в пробке, раздражаясь от этого, хотя спешить ему было некуда, он вдруг увидел в кабине притормозившего справа микроавтобуса с какими-то цветными надписями на боку рыжего парня без шапки — как ему показалось, того самого, который привез ему коробку с «Анной». Точно молния озарила его память, приведя в сильное возбуждение. Он ждал, что рыжий парень, быть может, посмотрит в его сторону и он, таким образом, проверит свои впечатления. Но тут движение ускорилось, и микрик резво ушел направо в переулок, оставив Воскобойникова, не имевшего возможности последовать за ним, в состоянии тихой ярости — он не успел ни проверить свои ощущения, ни запомнить номер машины, так как следом за нею шустро метнулся высокий черный джип, перекрывший ее почти полностью.

Ночью Воскобойников спал плохо. Часто просыпался, подолгу ворочался, прежде чем вновь провалиться в тревожное зыбкое пространство сна, в котором теснились образы и картины, созданные подсознанием. Сначала он куда-то бежал, потом стремительно ехал на машине, будто опаздывал на какую-то весьма важную встречу. Потом, с удивлением для себя, оказался на палубе большого белого парохода, по которой туда и обратно бегали в панике люди, истошно крича, а матросы, вращая ручки лебедок, спускали на воду шлюпки. Летели в воду чьи-то чемоданы, баулы, узлы, музыкальные инструменты в футлярах, тут же уносившиеся на волнах прочь. Слетали туда же отдельные, не выдержавшие напряжения, люди. А он, как в фильме про «Титаник», побежал по лестнице куда-то вниз, в поисках неизвестной каюты, и, найдя ее, принялся молотить кулаком в дверь, требуя, чтобы тот или

та, кто там находился, открыли ему. И у ног его, в набравшей высоте воде, плавал черный том Библии с золотым обрезом... А потом он увидел внутренность этой каюты, куда стремился, как бы уже с другой стороны — через стекло иллюминатора. Перед ним возникла «Анна», метавшаяся между дверью и иллюминатором, не в силах открыть ни то, ни другое. И ее лицо выражало страдание. Заметив Воскобойникова, она потянулась к нему руками, пытаясь что-то пояснить жестами, а он, не в силах помочь ей, вынужден был наблюдать ее мучения, пока иллюминатор, а с ним и борт корабля и люди на палубе не прошли мимо его взора, погружаясь в морскую пучину. «Что ж ты ее оставил, чуча?!» — прозвучал чей-то строгий голос непонятно откуда, ведь вокруг никого уже не было. Только волнующееся море и темные тучи, низко стелившиеся над поверхностью воды... С мокрым от слез лицом и липким от пота телом он вскинулся над подушкой, вырывая себя из сна, в полной уверенности, что если он не сделает этого, то уйдет на дно вслед за «Анной», парходом и пассажирами, населявшими его...

Во второй половине нового дня объявился Кабанов — позвонил по телефону и предложил срочно приехать к нему на Петровку; пропуск тебе уже заказан, сказал он.

— Ну, что? Как? — осторожно поинтересовался Воскобойников. — Есть результаты?

— Вопросы потом, — ответил Кабанов чужим голосом, и это не понравилось Воскобойникову. Но в трубке уже ныли гудки, оборвавшие разговор.

Отпросившись на работе, стараясь не думать о недовольстве Главного, который в последнее время стал как-то подозрительно поглядывать на него, не замечая многозначительных гримас сослуживцев, Воскобойников покинул офис и отправился на Петровку.

Кабанов ждал его в своем небольшом со светлыми стенами кабинете, куда Воскобойникова привел встретивший его на проходной Калугин, тут же исчезнувший. Воскобойников вспомнил, что видел этого человека у себя в квартире, тот приезжал вместе с Кабановым в день кражи.

— Садись, — Кабанов указал на стул напротив.

Он был мрачен, лицо со дня их последней с Воскобойниковым встречи осунулось, посерело, словно с него стерли нужные краски, в глазах плескались злые огоньки.

Воскобойников отметил, что Кабанов не в духе. Он ждал его рассказа о результатах расследования. Но тот не спешил, тянул чего-то, хотя оттягивать тягостный разговор не имело смысла. И Кабанов заговорил.

— Нам удалось найти концы, хотя было непросто... К этому делу подключился известный тебе генерал Калашник. Спасибо ему! Без него трудно было бы выцарапать что-либо из недр Лубянки. Все подтвердилось: в твоей квартире побывали ребята из ФСБ. Это они забрали Анну...

Воскобойников, много думавший на эту тему, принял это сообщение спокойно. Лишь спросил:

— Зачем?

— Видишь ли... — Кабанов замялся, мучительно было объяснять другу причины случившегося. — Они хотели выяснить, почему твоя силиконовая девица действует и думает как живая. Нам было сказано, что сделано это в целях национальной безопасности. Чтобы какие-нибудь американцы не смогли украсть технологию производства «живой резины», если таковая обнаружится... Вот.

— Ну и как, выяснили?

— Выяснили. — Кабанов опять замолчал. Потом собрался с духом и продолжил, стараясь придать равнодушные своему голосу. Но серое лицо его не могло скрыть настоящих чувств. — Для этой цели им пришлось посмотреть, что у нее внутри...

— Как это — посмотреть? — растерялся Воскобойников.

Кабанов поднялся со стула и направился в угол комнаты, где было свободное пространство между стеной и шкафом, на полках которого стояли многочисленные папки с делами. И только тут Воскобойников заметил лежавший там пластиковый мешок иссиня-черного цвета, с незавязанной горловиной.

Кабанов покопался в нем и извлек наружу дубленку и сапоги, присланные в свое время для «Анны» депутатом Мордаевым, а следом — платье, которое Воскобойников выпросил для той же «Анны» у сестры.

Вынув все это, Кабанов вернулся к столу, аккуратно положил вещи перед Воскобойниковым.

— Что это? — отшатнулся Воскобойников, побелев лицом, словно ему подсунули ядовитую змею.

— Вещи...

— Подобным образом в больнице отдают родственникам одежду умерших... — прошептал Воскобойников, вжимаясь спиной в спинку стула. — А она?.. — Он все еще надеялся, что с «Анной» все в порядке, а вещи — это так, чтоб не забыть.

— Она... — Кабанов кашлянул в кулак и кивнул в сторону пластикового мешка. — Она там. Но тебе не следует... — Он не договорил, что Воскобойникову не следует делать. И, как-то механически дернувшись, словно марионетка, попытался вложить ему в ладонь серебряный крестик, принадлежавший «Анне».

Воскобойников оттолкнул его руку. Сорвался со стула, метнулся к пластиковому мешку. Опустившись на корточки, трясущимися пальцами он распахнул горловину мешка. Оттуда ему навстречу вылезли ноги «Анны» и ткнулись пятками прямо ему в грудь. Белорозовые, красивой формы, безвольные ноги. Когда он сдвинул их в сторону нервной рукой и они поползли вниз, из мешка вслед за ними вылезло наружу нечто непонятное, и лишь мгновение спустя он сообразил, что это разрезанные надвое, точно брюхо большой рыбы, грудь и часть живота, внутри которых видны были алюминиевые жгуты каркаса и пористая, более светлая, чем снаружи, силиконовая масса. От этой картины у Воскобойникова застучали зубы. Тело же продолжало сползать на пол, и вот перед ним появилась голова «Анны» или то, что было когда-то ею. Верхняя часть со спутанными кудрями была рассечена на две половины, на одной из них не было волос и часть лба была срезана почти до бровей. Открытые глаза «Анны» были неподвижны и смотрели на Воскобойникова с печальным выражением, будто бы это он был виноват в том, что случилось. Зрелище было жуткое, словно «Анна» побывала в руках маньяка-убийцы. Тело уже не было телом, и голова уже не являлась головой. Особенно впечатляли лишённые прежней жизни глаза, бывшие теперь как бы сами по себе и словно являвшие укор всему человеческому роду. Воскобойников, с комком в горле, несколько мгновений всматривался в них, и ему показалось, что взгляд этих глаз начинает жечь его наподобие лазера, и он даже почувствовал две обжигающие точки у себя на щеке, словно на него было направлено оружие.

Он отстранился от тела «Анны», поднялся и, преодолевая слабость в ногах, отчего со стороны могло показаться, что он пьян, резко метнулся к двери и, покинув комнату, быстро пошел, почти побежал по коридору, желая лишь одного: поскорее выбраться из этого здания наружу.

Кабанов с трудом нагнал его у лестницы.

— Пропуск-то возьми, иначе тебя не выпустят отсюда...

Воскобойников механически взял протянутую ему бумажку и, не глядя в лицо Кабанову, продолжил свой ход, мучительно вспоминая, где же здесь выход. Наконец с трудом он добрался до выхода и, миновав проходную, выбежал на улицу.

Было холодно. Мороз к вечеру стал крепче. Ветер ударил ему в лицо, осыпая колючими искрами снега, остро обжигая щеки, лоб и губы, но он не почувствовал боли. Не задумываясь о том, в каком направлении следует идти, не глядя под ноги, он устремился через ветер, все толкавший и толкавший его в грудь, и зашагал по улице в сторону Садового кольца, туда, где, по его ощущению, была жизнь, где горели огни, где было шумно и где упрямо катились машины, подминая под себя снежную кашу и грязь, не желая прерывать свой привычный бег, прочно веря, что в движении залог успеха и, что бы ни случилось, надо продолжать свой путь. Воскобойников с тупым упорством шагал вперед, не замечая прохожих, преодолевая снежные завихрения, тормозившие его движение, и остро лизавший щеки холод, твердо уверовав, что перед ним цель, до которой непременно надо дойти.

Литературно-художественное издание

ЛОНСКОЙ ВАЛЕРИЙ ЯКОВЛЕВИЧ

Подарок от неизвестного

роман

Технолог
Басипова С.С.

Оператор компьютерной верстки
Саликова М.И.

Оператор компьютерной верстки
переплета
Симонова Ю.С.

Корректор
Семенова Н.В.

Подписано в печать 11.04.2012

Формат 84×108/32

Тираж 1000 экз.

Заказ №

ООО «Бослен»
107259 г. Москва,
Бухвостова 1-я ул., д. 12/11

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «Первая Образцовая типография»,
филиал «Ульяновский Дом печати»
432980 г. Ульяновск, ул. Гончарова, д. 14